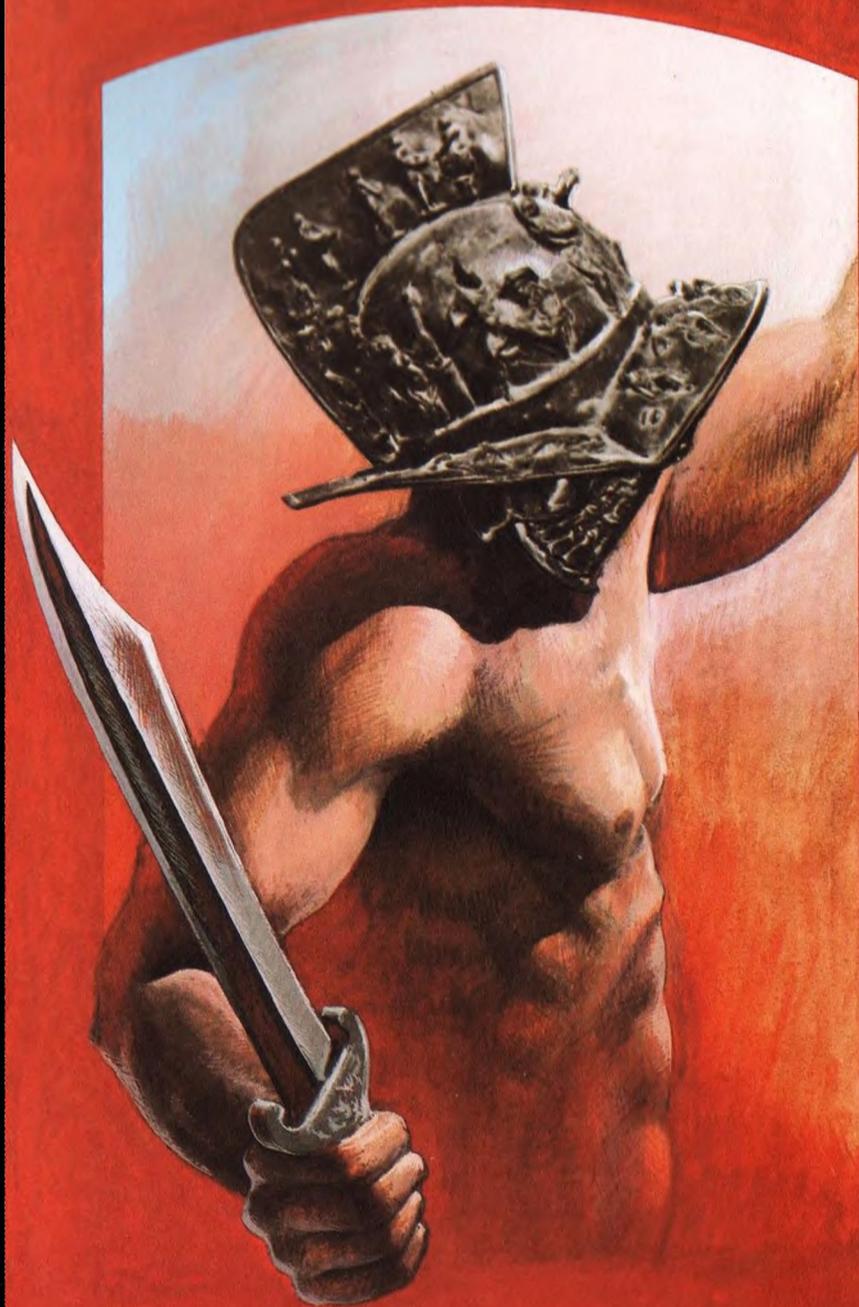

ИДУЩИЕ НА СМЕРТЬ...

ДАНИЭЛЬ
П. МАННИКС

**ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ ЗРЕЛИЩ
НА АРЕНАХ АНТИЧНОГО РИМА.
ДВЕ АРМИИ ИЗ 5000 ГЛАДИАТОРОВ
КАЖДАЯ СРАЖАЛИСЬ НАСМЕРТЬ.
ФАКЕЛЫ ИЗ ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ
ОСВЕЩАЛИ АРЕНУ.
ИМПЕРАТОР МАРК АВРЕЛИЙ
ЕЖЕГОДНО ТРАТИЛ НА ГЛАДИАТОРОВ
СУММУ, РАВНУЮ МИЛЛИОНУ
ФУНТОВ СТЕРЛИНГОВ.
САМЫЕ ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
И САМЫЕ ЖЕСТОКИЕ ЗРЕЛИЩА
ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.**

33
ДАНИЭЛЬ
П. МАННИКС

ИДУЩИЕ
НА
СМЕРТЬ...

Москва «Руссико» 1994

ББК 84.4/8 Англ.
М23

Перевод на русский язык В.Б.Бычевской

Художник А.В.Амаспюр

МАНИКС ДАНИЭЛЬ П.

М23 Идущие на смерть...: Пер.с англ.— М.: "Румянцев и К^о", 1994.

Перед вами роман из жизни великой Римской империи. Он повествует о самых грандиозных по размаху, роскошнейших и жестоких зрелищах, которые когда-либо знало человечество.

В работе над этой книгой автору помогли труды по истории античных и современных авторов, монографии и мемуары, известные художественные произведения, посвященные этой исторической эпохе. Автор умело использовал рассказы дрессировщиков и охотников на диких зверей.

Книга, несомненно, расширит ваши познания о нравах и быте античного Рима.

Отпечатано в Gummerus Printing, Jyväskylä, Finland

М 4804010000-03 Без объявл.
Ф04(03)-94

ISBN 5-8442-0068-3

© Издательство "Румянцев и К^о".
Panther Books Ltd. 1960
Перевод на русский язык, художественное
оформление ,1994.
OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Это происходило в годы правления Нерона. Две недели на улицах и площадях Рима бушевала толпа. Экономика величайшей в мировой истории империи разваливалась на глазах. Расходы на содержание огромной римской армии, оснащенной новейшими катапультами, баллистами и быстроходными боевыми галерами, разоряли империю, а ведь надо было выплачивать и огромные субсидии союзникам Рима. У правительства Рима не было денег и сил для подавления беспорядков.

В этот трудный для Рима момент на встречу с первым трибуном прибыл капитан флота.

«Торговый флот в Египте ожидает погрузки, — сообщил он. — Но корабли могут принять на борт либо зерно для голодающих, либо песок для беговых дорожек Большого цирка, где проходят состязания на колесницах. Что грузить?»

«И ты еще сомневаешься? — вскричал трибун. — В Риме ситуация выходит из-под контроля. Император безумен, армия на грани мятежа, люди умирают от голода. Ради бога, грузи песок! Спасти положение могут только зрелища».

И вскоре глашатаи возвестили, что в Большом цирке будут проходить грандиозные состязания на колесницах. Три сотни гладиаторов будут сражаться насмерть, а двенадцать сотен преступников, приговоренных к смерти на арене, будут брошены на растерзание львам. Будут также проходить схватки между слонами и носорогами, буйволами и тиграми, леопардами и дикими вепрями. Гвоздем программы станет зрелище, когда

двадцать прекрасных юных девушек будут брошены на арену для удовлетворения похоти ослов. Плата за места в первых 36 рядах умеренная, а вход на верхние места — бесплатный.

Все было забыто. Огромный цирк, вмещавший 385 тысяч человек, был забит до отказа. Две недели продолжались зрелища, и зрители на трибунах неистовствовали, громко приветствовали победителей, осыпали бранью неудачливых, заключали пари и нагружались вином. Правительство в очередной раз получило передышку, чтобы найти какой-нибудь выход из создавшегося положения.

Эти грандиозные, невообразимые по размаху и масштабам зрелища римляне называли играми. Они являлись национальной римской традицией. Существование миллионов людей зависело от игр. Это были ловцы диких животных, тренеры гладиаторов, коневоды, корабельщики, оружейники, служители цирков, импрессарио и деловые люди всех типов. Отмена игр вызвала бы такую массовую безработицу, что экономика империи этого просто не выдержала бы. Кроме того, игры были тем наркотиком для римской толпы, который давал возможность правительству отвлекать внимание людей от насущных проблем. Один из участников игр, по имени Пилад, с презрением сказал Августу Цезарю: «Твое положение зависит от того, как мы развлекаем толпу». Ювенал писал с горечью: «Народ, который завоевал мир, сейчас интересуется только двумя вещами: хлебом и зрелищами».

В определенном смысле римский народ превратился в заложника империи. Рим стал самым могущественным государством-сверхдержавой. Но для поддержания *Rex Romana* — Римского мира — на всем его пространстве требовались столь огромные средства, что это бремя оказалось непосильным даже для могущественной империи, обладавшей огромными ресурсами. Рим не мог отозвать свои легионы с границ, потому что они сдерживали натиск варварских племен от Рейна до Персидского залива. Каждый раз, когда какой-нибудь пограничный пост бывал оставлен или сдан, дикие орды варваров опустошали римские провинции и приближались к жизненным центрам империи.

Таким образом, римское правительство постоянно находилось на грани кризиса, и ни один государственный деятель не мог найти выхода из создавшегося положения. Но бремя военных расходов было только одной из проблем империи. Не менее опасными были социальные и экономические проблемы. Поощряя развитие производства в зависимых странах, Рим пы-

тался проводить политику свободного рынка. Однако римские рабочие оказались неспособными конкурировать с дешевой иностранной рабочей силой и потребовали высоких пошлин на товары, ввозимые в Рим. Когда такие пошлины были введены, зависимые страны не смогли продавать свои товары единственному государству, у которого были деньги. Для того, чтобы разрешить это противоречие, римское правительство было вынуждено выплачивать рабочим в Риме дотацию, которая составляла разницу между реальным заработком рабочего и расходами, обеспечивающими сравнительно высокий уровень жизни. В результате тысячи рабочих жили на получаемые от правительства деньги и совсем не работали.

Богатые римляне буквально купались в роскоши: они жили в великолепных дворцах и питались невообразимыми по изысканности яствами, такими, как языки дроздов в диком меде или свиное вымя, фаршированное жареными мышатами. Источником их богатства были большие производства — фабрики, где использовался труд рабов. Работая по принципу сборочного конвейера, фабрики производили огромную массу товаров. Безземельные крестьяне и безработные единодушно кричали: «Пусть платят богатые!». В ответ на эти требования правительство увеличивало налоги на плутократов, но существовал предел, который оно не осмеливалось перейти. В конце концов, именно налоги с богатых людей давали возможность всей системе функционировать, и правительство понимало, что их нельзя разорять. Были попытки запретить труд рабов на фабриках, но свободные рабочие требовали столь короткого рабочего дня и столь высокого заработка, что вся затея оказалась экономически невыгодной. Кроме того, владельцы больших фабрик, использовавших труд рабов, были влиятельной политической силой. Они делали все, чтобы разорить фабрики, применявшие свободный труд: подкупали сенаторов, нанимали лоббистов и заручались поддержкой бессовестных рабочих вожakov. Чтобы не потерять своих основных доходов, владелец римской фабрики не жалел денег на эту борьбу. А римский свободный безработный, получая подачки-пособия от государства, не стремился работать.

Римская толпа не разбиралась в экономических проблемах и не могла их решить. Для рядового римлянина панацеей от всех бед был цирк. Большие амфитеатры стали храмами, местами обитания и местами встреч для римских граждан. Поскольку игры всегда сопровождались ритуальными церемониями в честь богов, они удовлетворяли и религиозные

потребности римлян. Но главным было то, что рядовой римлянин мог хотя бы на несколько часов оставить свое жалкое жилище в перенаселенном доме и побыть в великолепном месте, которое по роскоши не уступало Золотому дворцу Нерона. Здесь он имел возможность общаться со своими согражданами, сопереживать вместе с другими болельщиками за своих фаворитов и даже навязать свои желания самому императору, ибо, как говорили сами римляне: «Только в цирке правит народ». Римляне почитали мужество, и каждому из них хотелось представить себя отважным и стойким воином. Как современный болельщик подчас отождествляет себя с боксером-чемпионом, так и в те далекие времена маленький человек любил отождествлять себя с удачливым гладиатором.

Еще ряд обстоятельств делали игры столь притягательными. Пари заключались на столь большие суммы, что целые состояния приобретались и терялись в течение нескольких минут. Единственным шансом разбогатеть для рядового римлянина был выигрыш пари в цирке. Кроме того, как бы плохо ни шли у римлянина дела, он получал удовлетворение от мысли, что беднягам на арене еще хуже, чем ему. Служба в армии с ее низким жалованием и строгой дисциплиной мало привлекала римлян. Тогда как в цирке каждый мог почувствовать себя воином, выкрикивая советы или оскорбления сражавшимся на арене гладиаторам. И какой восторг испытывала римская толпа, когда во время игр какому-нибудь высокому гостю из союзной страны становилось дурно. Римские граждане говорили тогда с большим удовлетворением: «Ох уж эти изнеженные греки! Они не переносят вида крови, не то что мы, римляне!» — и с удвоенным удовольствием обращали свое внимание на дальнейшие события на арене.

Игры, которые со временем стали поглощать одну треть национального дохода и в которых были задействованы тысячи людей и животных, начинались как праздники — не более кровавые, чем обычные сельские ярмарки. Первые игры в 238 году до н.э. включали демонстрацию искусства верховой езды, выступления акробатов, канатоходцев, дрессированных животных, атлетов и состязания на колесницах. Выступали и боксеры, у которых вместо боксерских перчаток костяшки пальцев были обвиты мягкими кожаными лентами. Народное ополчение показывало учебные бои. Кавалеристы — богатые молодые люди — на откормленных лошадях, одетые в золотые и серебряные доспехи, проводили показательные строевые учения. Устраивались скачки, во время которых седоки на полном ска-

ку перепрыгивали с одной лошади на другую. Иногда давались пышные представления, такие, как осада Трои. Ополченцы, одетые как греческие солдаты, штурмовали деревянную крепость, изображавшую Троию, а в конце представления ее сжигали под звуки труб и громкие рукоплескания. Зрелища и представления были платными. Плату получал тот, кто организовывал игры.

Но постепенно римляне начали терять интерес к зрелищам такого рода. Сохранились только состязания на колесницах, которые, как и современные бега, идеально приспособлены для заключения пари. Но состязания на колесницах из спортивного соревнования превратились в зрелище, полное опасности и крови. Пресыщенная толпа хотела острых ощущений.

Большой цирк, старейший в Риме амфитеатр, был построен специально для состязаний на колесницах, которые до этого проводились в открытом поле. Постараемся представить себе, как проходили состязания на колесницах в Большом цирке во времена расцвета этого спорта в 50-е годы до н.э.

Большой цирк в своем первом варианте был построен приблизительно в 530 году до н.э. Длина его составляла 1800 футов, а ширина — 600 футов. Цирк имел форму латинской буквы U. У открытого конца U располагались стойла для колесниц с воротами, которые могли открываться одновременно, как это бывает в наше время на бегах.

В центре арены амфитеатра находилась Спина /лат. Spina/. Спина представляла собой вытянутое по центральной части возвышение, вокруг которого во время состязаний по беговым дорожкам мчались колесницы. Колесницы должны были объехать Спины 7 раз, что составляло дистанцию в 7 миль. Спина была своеобразной выставкой произведений скульптуры и архитектуры: на мраморных колоннах стояли скульптурные фигуры, фонтаны разбрызгивали ароматизированную воду, были воздвигнуты алтари разным богам и даже небольшой храм Морской Венеры, богини-покровительницы возничих. Перед началом состязаний возничие курили фимиам Морской Венере. В центре Спины находился обелиск, вывезенный римлянами из Египта. Он был увенчан золотым шаром, сверкавшим в лучах солнца. Этот золотой шар был самым заветным предметом в цирке. Обелиск, но уже без шара, стоит сейчас в центре площади перед собором Святого Петра в Ватикане. На противоположных концах Спины стояли колонны, увенчанные мраморными перекладинами. На одной колонне по перекладине были расставлены мраморные яйца, а на другой —

мраморные дельфины. Яйца были символами Кастора и Поллукса, божественных близнецов, которые считались покровителями Рима, а дельфины были священными животными Нептуна, который был покровителем лошадей. Когда колесница проходила круг, с перекладины снимали мраморное яйцо и мраморного дельфина. Таким образом зрители могли отсчитывать пройденное колесницами расстояние. На самых концах Спины стояло по три конуса высотой около 20 футов, украшенных барельефами. Эти конусы играли роль буферов, предохраняя богато украшенную Спиноу от колесниц, которые могло занести на поворотах. Плиний пишет, что эти конусы были похожи на кипарисы.

Состязания на колесницах устраивались корпорациями, которые считались наиболее доходными предприятиями в Римском мире и имели тысячи акционеров. Акции этих корпораций переходили от отца к сыну как большая ценность. В крупных городах империи находились их конторы. Они были и во всех деловых районах Рима. Корпорации владели также целыми кварталами, расположенными около различных цирков /практически в каждом городе империи был цирк/, где находились казармы, конюшни и площадки для тренировок. Кроме того, корпорации владели бесчисленными конными заводами и даже содержали целые флоты кораблей со встроенными стойлами для перевозки лошадей из одного цирка в другой. Размеры конных заводов можно представить себе по замечанию одного правительственного чиновника, посланного в 550 году н.э. закрывать заводы в связи с запрещением состязаний на колесницах. Он сказал об одном из них: «Завод уже так уменьшился, что у его владельца осталось лишь 400 лошадей. Я решил, что не стоит и беспокоиться о закрытии столь малого предприятия».

Число людей, работавших в этих корпорациях: пастухов, конюхов, возничих, дрессировщиков и т.д. — точно неизвестно, но интересно ознакомиться со списком профессий людей, занятых на самих состязаниях. Кроме возничих были их помощники, врачи, люди, разравнивавшие песок на беговых дорожках перед состязаниями, смазчики колес, служители, ловившие лошадей в конце состязаний, чистильщики колесниц, служители, снимавшие яйца и дельфинов, грумы. Кроме того, были мальчики при конюшнях, тренеры, ветеринары, шорники, портные, сторожа, камердинеры и водоносы. Была даже специальная группа людей, которая занималась только тем, что подбадривала лошадей по пути из стойла на арену.

Сами возникшие в большинстве своем были рабами, хотя встречались и свободные граждане, которые добровольно занимались этим ремеслом в надежде завоевать славу и богатство. Удачливый возничий, раб или свободный, мог стать героем Рима и заработать огромные деньги. Были возникшие, которые уходили с арены миллионерами, выкупив себя на волю или получив ее от благодарных хозяев, хорошо заработавших на своих бывших рабах. Император Калигула подарил знаменитому возничему Евтихию два миллиона сестерциев /около 30 тысяч фунтов стерлингов/. Кресценс, негр, начавший участвовать в состязаниях в 13 лет, выиграл 25 тысяч фунтов стерлингов перед тем как погиб в возрасте 22 лет. Он победил в 38 состязаниях «рывком на курьерских», т.е. вырвавшись вперед прямо перед финишем, что считалось особым шиком. Один возничий выиграл 15 кошельков с золотом за один час. Хотя обычно сумма денег, выплачивавшаяся победившему возничему, была равна примерно тысяче фунтов стерлингов; он получал гораздо больше в виде премий от своей корпорации, подарков от поклонников, взяток от держателей пари и тех, кто желал конфиденциально собрать сведения о шансах на успех различных участников состязаний, а также выплат от предприятий, которые хотели поместить его изображение на вазах, подносах и сувенирных камнях.

Пожалуй, самым знаменитым возникшим был Диокл, невысокий, темноволосый, сухопарый парень. Он был первым человеком, победившем в тысяче состязаний. У Диокла было две страсти: лошади и наряды. Он расхаживал по Риму в шелковой тунике и вышитом льняном белье, имел свою собственную упряжку, что было в то время так же необычно, как для современного жокея иметь собственную конюшню. Ювенал с горечью писал: «Приличные люди испытывают чувство досады при виде этого бывшего раба с доходом, превышающим доход сенатора». Диокл действительно был рабом, но он стал кумиром римской толпы. Его хозяином был испанский всадник. Диокл работал у него конюхом. Затем с партией лошадей он был перевезен в Рим, где его купил некий патриций, которого восхитило умение мальчика справляться с самыми горячими лошадьми. Диокл провел свое первое состязание, когда ему было 24 года. Поскольку он был новичком, его обманом принудили ехать по наружной дорожке. Формально дорожки выбирались по жребию, но бесчестными приемами справедливость жеребьевки была нарушена. Дело в том, что на поворотах ко-

лесница, едущая по внешней дорожке, должна была поворачивать перед колесницами, едущими по внутренним дорожкам, а это было смертельно опасно. Диокл и не пытался делать такой поворот. Он тащился в хвосте до последнего круга, а затем великолепным рывком обошел три другие колесницы и пришел первым.

По обычаю владелец конюшни делился деньгами с возничим. Поэтому вскоре Диокл собрал достаточно денег, чтобы купить себе свободу. Затем он начал покупать лошадей, которых сам тренировал. И, наконец, Диокл купил себе колесницу причем обычно ездил на жеребцах. Только доходы от конного завода составляли сумму, равную 15 тысячам фунтов в год. Кроме разных других привилегий, Диокл, подобно другим знаменитым возничим, по определенным дням имел право грубо шутить над кем он пожелает, даже над знатными людьми.

Другим источником дохода для Диокла было проведение необычных заездов на крупные пари. Как-то раз он дважды за один день участвовал в состязаниях: в первый раз на шестерке лошадей /поворот колесницы, запряженной 6 лошадьми, вокруг конусов Спины на полной скорости был подвигом/ он выиграл 40 000 сестерциев, а во второй раз на семерке незапряженных лошадей, удерживаемых вместе только построшками, он выиграл 50 000 сестерциев. Но самый знаменитый трюк он проделал, когда выиграл состязание, не пользуясь хлыстом. За это он получил приз в 30 000 сестерциев. Чтобы оценить этот подвиг следует учесть, что хлыстом возничий пользовался, чтобы направлять лошадей на поворотах. Огибая конусы на концах Спины на полной скорости, возничий подавал сигнал к повороту крайней к центру лошади, и, если другие лошади пытались повернуть слишком рано, он мог поправить их легким щелчком хлыста. Поводья были обмотаны вокруг талии возничего, чтобы он мог выиграть в силу на поворотах, но это в то же время затрудняло контроль за каждой отдельной лошастью.

Лошади были чрезвычайно дороги и стоили гораздо дороже рабов. Тренировка лошадей начиналась с трех лет и продолжалась два года. Результаты тренировок были порой фантастическими: некоторые упряжки могли обходиться без возничего. Однажды возничий выпал из колесницы, когда его упряжка совершила обычный стартовый рывок, но лошади продолжали скакать, выиграла состязание и получили приз. Скульпторы делали статуи знаменитых лошадей, некоторые из них сохра-

нились до сих пор. Под статуями стоят надписи вроде таких: «Туск. Возничий Фортунат из Голубых. Одержал 386 побед» и «Виктор. Возничий Гулта из Зеленых. Одержал 429 побед». У Луция Вера была лошадь по кличке Волукрис, которая однажды получила в награду бушель золотых монет. Император Адриан построил мавзолей для своей лошади Борисфена. Этот мавзолей стоит до сих пор. Самой знаменитой лошадейю был Инцитат. Он принадлежал императору Калигуле. У Инцитата была мраморная спальня, ясли из слоновой кости и золотая поилка. Знаменитые художники расписывали стены его стойла, и он присутствовал на государственных банкетах, где овес и пшеницу ему подавали специальные рабы. Калигула соби-рался даже сделать его консулом.

Лошадь, которая выигрывала сто состязаний, называли центинарием. У нее была специальная упряжь. Диокл владел 9 центинариями, которых тренировал сам. У него была одна лошадь, которая выиграла более двухсот состязаний. Эту лошадь по кличке Пассерин так почитали, что солдаты патрули-ровали улицы, когда Пассерин спал, и следили, чтобы люди не шумели. Лучшая лошадь в упряжке всегда бежала по внутренней стороне дорожки /слева от возничего/. Ее никогда не за-прягали, и она удерживалась только построшками. На поворо-тах эта лошадь была ближайшей к спине, и от ее скорости и твердости шага зависела жизнь возничего. Вторая по значимо-сти лошадь была крайней правой в упряжке и тоже не была зпряжена. На поворотах она должна была рывком развора-чивать колесницу, в то время как центинарий огибал конусы. Две центральные лошади были впряжены в хомуты с каждой стороны дышла, и их основная задача была в создании тягловой силы. Каждая лошадь в упряжке должна была четко знать свои обязанности.

Как и в наши дни, тогда шли бесконечные споры, какие породы лошадей и какие конные заводы являются лучшими. Лошадей не подковывали, поэтому состояние их копыт имело решающее значение. Сицилийские лошади были очень быст-ры, но не надежны, иберийские — хороши только для коротких дистанций /у них были слишком мягкие копыта/, ливийские — для длительного медленного движения. Было несколько по-род лошадей, которые сегодня исчезли, среди них — оринкс, полосатая, как зебра, домашняя порода.

Хотя в музеях есть бесчисленные статуи римских возничих и сохранилось множество старых записей о состязаниях на

колесницах вроде: «Скорп из Белой фракции занял первое место семь раз, второе место двадцать девять раз и третье место шестьдесят раз», однако мне не удалось найти детального описания какого-нибудь одного состязания. Но встречаются описания разных происшествий, которые случались на состязаниях, и это помогает представить, как же все-таки проходили состязания. Давайте представим себе состязания во время Больших игр, в которых Диокл был одним из возникших.

В течение недели люди говорили только о предстоящих состязаниях и шансах на выигрыш в разных пари. Некоторые платили большие деньги за информацию о шансах на выигрыш тех или иных упряжек, но чаще всего эта информация была ненадежной. Сенека, великий римский философ, однажды воскликнул: «Искусство беседы умерло. Может ли кто-нибудь сегодня говорить о чем-либо, кроме искусства различных возникших и качества их упряжек?». Диокл настолько стал всеобщим фаворитом, что один сенатор заметил: «Если Диокл проиграет, это больше расстроит экономику империи, чем крупное военное поражение». Но за несколько дней перед состязаниями шансы пари вдруг резко менялись. По городу ходили всевозможные слухи. Один человек слышал от смазчика колесниц, что Диокл получил большую взятку за то, что проиграет состязание. Содержатель таверны подслушал разговор двух преторианцев о том, что император, который болел за другую упряжку, договорился со спонсором игр начать состязания снова, если Диокл опередит соперников. Владелица публичного дома слышала от одной из своих девиц, развлекающей слугу одного известного политика, что двое возникших дали священную клятву зажать колесницу Диокла между своими колесницами и таким образом вызвать крушение. Человеку, двоюродный брат которого знал ветеринара, было сказано, что центенарию Диокла Пассерину дали допинг. Люди бросились в конюшню исследовать навоз Пассерина, чтобы проверить эту информацию. Таким образом, шансы на победу Диокла оценивались то больше, то меньше в зависимости от последнего слуха. Ложные слухи часто умышленно распространялись людьми, заключавшими крупные пари, чтобы ввести в заблуждение соперников.

Четыре корпорации участвовали в состязаниях. Они различались цветом туник своих возникших. Эти корпорации так и назывались — Белые, Красные, Зеленые и Голубые. И весь Рим разделился соответственно на четыре фракции. Само слово фракция первоначально обозначало группу, поддерживаю-

щую одну из четырех корпораций. Люди носили цветы, ленты и шарфы цветов своей корпорации. Римляне так были преданы своей фракции, что зачастую даже высекали на своих могильных плитах: «Меммий Регул был хорошим человеком, любящим мужем и преданным сторонником Красных». Нерон, всегда болевший за Зеленых, приказал в их честь выкрасить песок на арене в зеленый цвет, а император Вителлий велел казнить пятьдесят человек, освивставших Голубых.

В день состязаний город обезлюдел. Почти все жители собрались в Большом цирке. Охраняя опустевшие дома от грабителей, по улицам патрулировали солдаты. Состязания начались на рассвете и продолжались до захода солнца. Сначала по арене прошла процессия во главе с эдитором. Так называли человека, который устраивал игры и оплачивал их проведение. Обычно это был политик, стремившийся занять выборную должность и нуждавшийся в голосах избирателей. Он ехал на колеснице, одетый в пурпурную тогу, как будто принадлежал к высшей знати. Рядовой римский гражданин мог носить пурпур, только если он был эдитором игр. Вокруг колесницы эдитора шли его клиенты в белых одеждах. Они несли пальмовые ветви. Позади колесницы ехали верхом молодые аристократы, показывая, что богатые и родовитые тоже поддерживают эдитора. За ними шла длинная процессия жрецов, несущих статуи богов в паланкинах. Они размахивали курильницами с фимиамом и пели гимны. В толпе раздавали платки и плакаты с написанными на них лозунгами вроде: «Голосуйте за Эприя Марцелла, Друга народа». Нанятые клакеры по сигналам, даваемым их начальниками, выкрикивали приветствия эдитору. Обходя арену круг за кругом, эдитор кланялся и улыбался. Зрители подхватывали выкрики клакеров, вставали и размахивали платками и плакатами.

Когда парад закончился, зрители уселись на свои места. Перед началом состязаний каждый спешил изучить их программу. Букмекеры бегали вверх и вниз по проходам. У них делали ставки те, кто еще не успел их сделать. Некоторые программки, выгравированные на слоновой кости или на меди, сохранились до настоящего времени. Они имели такой вид:

Первое состязание

	Упряжка	Цвет лошади	Возничий	Стартовое стойло
Конюшня Зеленых	Пассерин	Серый		
	Помперан	Серый	Диокл	III
	Тигрис	Гнедой		
	Рантор	Вороной		

И так для всех четырех упряжек в первом состязании.

Хотя стойла, из которых стартовали колесницы, были на равном расстоянии от пункта, находящегося на полпути между концом Спины и трибунами, возничие, колесницы которых занимали левое стойло, имели преимущество, поскольку могли ехать прямо к спине и таким образом занять внутреннюю дорожку. Стойла были пронумерованы от 1 до 4. Возничие определяли номер своего стойла, вынимая жребий из сосуда. Диокл вытащил третье стойло с левой стороны.

Рабы поливали беговые дорожки и внимательно их осматривали, убирая брошенные с трибун пустые винные бурдюки и обглоданные кости.

Но вот прозвучала труба. Все быстро ушли с беговых дорожек. В это время в падоке за стойлами возничие готовили свои упряжки. На возничих были короткие туники, оставлявшие обнаженными руки, а на головах — тяжелые кожаные шлемы наподобие современных мотоциклетных. У каждого из возничих за поясом был нож, чтобы в случае необходимости суметь быстро освободиться от поводьев, привязанных к талии. Большинство возничих обмазывали себя пометом диких вепрей, чтобы этот запах отпугивал лошадей и они не растоптали бы выпавшего из колесницы.

Беговые колесницы были очень легкими. Сделаны они были из дерева, а некоторые детали — из бронзы. Беговые колесницы были ниже и имели более широкую колесную базу, чем обычные. Когда раздавался сигнал трубы, призывающий очистить беговые дорожки, конюхи запрягали выведенных лошадей в колесницы. Использовалось несколько типов запряжки. Обычно двух центральных лошадей запрягали по бокам дышла, а двух крайних оставляли на постромках. Иногда возничие запрягали трех лошадей, и только крайняя левая лошадь была на постромках. В редких случаях вся упряжка могла быть на

постромках, чтобы обеспечить ей большую маневренность. Хвосты у лошадей всегда подвязывали, чтобы они не запутывались в поводах.

Убранство лошадей было великолепным. Их гривы были усыпаны жемчугом и полудрагоценными камнями, а нагрудники украшены золотыми и серебряными амулетами. Вокруг шеи у каждой лошади висела широкая лента цвета ее конюшни. Лошади ржали и били копытами. Римляне утверждали, что состязания на колесницах улучшают породу лошадей, но в действительности эти животные были настолько темпераментными, что не были пригодны ни на что, кроме скачки сломя голову вокруг арены на предельной скорости.

Прозвучала другая труба. Возничие заняли свои места в сверкающих колесницах. Грумы ввели упряжки в стойла и быстро отбежали в сторону. Последовала секундная пауза, а затем эдитор поднялся в свое ложе и уронил платок. В то же мгновение все ворота одновременно распахнулись, и колесницы рванулись вперед.

Каждый возничий стремился первым занять ближайшую к спине беговую дорожку. Поэтому во время этого первого дикого броска происходило много столкновений. Оказалось даже необходимым сделать специальные ворота под трибунами, недалеко от старта, через которые служители арены выволакивали разбитые колесницы, погибших людей и лошадей, чтобы они не блокировали путь остальным колесницам, прошедшим первый круг и начинающим второй. Иногда состязания не удавалось начать. Это случалось, когда все колесницы сбивались в кучу.

Чтобы разрешить эту проблему, белый канат, называвшийся *Alba Linea*, протягивали от Спины к трибунам как раз на такой высоте, чтобы преградить путь галопирующим упряжкам лошадей. Находившийся в специальной ложе судья приказывал опустить этот канат, если старт прошел правильно. Если колесницы не стартовали одновременно или если было слишком много столкновений и заторов на старте, он поднимал канат, и состязание начиналось снова.

Канат создавал для возничих сложную проблему. Если возничий занимал желаемую внутреннюю дорожку вокруг Спины, а канат не падал вовремя, то его колесница переворачивалась вверх колесами. Если возничий держался сзади, а канат падал в последний момент, другой возничий опережал его и занимал внутреннюю дорожку. Полезно было знать о симпатиях судьи. Если он был тайным сторонником Голубых,

а колесница Голубых отставала, судья держал канат поднятым. Если Голубой лидировал, то он бросал канат несмотря ни на что.

Предположим, что в данном состязании все колесницы стартовали нормально и канат был опущен, как только лидирующая колесница приблизилась к нему. Мы можем быть уверены, что это не была колесница Диокла. Он был знаменит тем, что придерживал свою упряжку до последнего круга и затем вырывался вперед, чтобы победить. Диокл мог быть даже последним, когда четыре колесницы огибали конусы на дальнем конце Спины, делая свой первый поворот.

Основная стратегия всех возничих заключалась в том, чтобы проходить все повороты по наименьшему радиусу. Существовали и тактические приемы ведения состязаний. Если возничий был впереди, он пытался блокировать путь едущим за ним, чтобы они не вырвались вперед. Если возничий ехал в середине, он старался пересечь дорогу колесницам на поворотах, чтобы заставить остальных резко натягивать поводья. Если возничему представлялся шанс, он колесом своей колесницы цеплял колесо соперника и затем резко отворачивал в сторону. При правильном проведении этого приема колесо соперника бывало сорвано с оси и он сходил с дистанции.

Предположил, что к концу пятого круга Орест, грек, выступавший за Красных, был впереди Диокла, выступавшего за Зеленых, но зато последний «висел у него на хвосте». Диокл использовал свой хлыст только на трех лошадях, управляя крайней левой лошадью — Пассерином — только голосом. Орест был опытным и умелым возничим. Когда колесницы проходили шестой круг, он умудрился заблокировать путь Диоклу на повороте, так что испанец не смог его обойти. При гонке вдоль левой стороны Спины колесницы Диокла и Ореста поравнялись. Несмотря на все попытки Ореста помешать ему, Диокл шел вровень с ним, но с внешней стороны круга. Им предстоял еще один поворот в конце Спины. Орест повернул так круто, насколько у него хватило смелости, а Диокл резко повернул вместе с ним.

Во время поворота Орест слишком ослабил поводья. Ось его колесницы ударилась об один из конусов и сломалась. Орест вылетел из колесницы. Во время падения он пытался выхватить из-за пояса нож, чтобы освободиться от поводьев, но не успел этого сделать вовремя. Диокл был вынужден сильно натягивать поводья, чтобы избежать столкновения с потерпевшей аварию колесницей. Ореста тащили по земле обезумевшие

лошади. Он то наполовину вставал, то вдруг ноги его оказывались вверху. Две другие колесницы попробовали вырваться вперед, но Диокл крикнул на своих лошадей и отпустил поводья. Они промчались по остаткам колесницы Ореста, растоптав его копытами. Пассерин споткнулся и чуть было не упал, но Диокл схватил поводья жеребца в обе руки и удержал вверху его голову. Оказавшись в открытом пространстве, упряжка Диокла совершила свой знаменитый рывок и пересекла линию финиша. Толпа ревела от восторга. Труп Ореста был настолько изуродован, что один из писателей отметил: «Лучший друг не опознал бы его».

Диокл перестал участвовать в состязаниях, когда ему исполнилось 42 года, сколотив себе состояние в 35 миллионов сестерциев /около 600 000 фунтов стерлингов/. Мы много о нем знаем из его мемуаров, которые ему помог подготовить к публикации писатель, специалист по спортивной теме. Диокл претендовал на титул лучшего возничего всех времен /он был, несомненно, самым преуспевшим в материальном отношении/, хотя он признавал, что некоторые другие возничие выиграли больше состязаний, чем он. «Но какие это были состязания? — спрашивал Диокл. — В провинциальных цирках против сборища неумех. Я же всегда участвовал в выдающихся состязаниях в Большом цирке, побеждая в суровой борьбе. Никакой другой возничий не выиграл бы более 1000 состязаний в таких условиях».

Очень немногие возничие были столь же удачливы, как Диокл. Фукс, например, погиб, когда ему было только 24 года, одержав 57 побед. Аурелий Моллик, судя по двойному имени, свободный гражданин, погиб в 20 лет после 125 побед. Однако в честь этих людей были поставлены статуи с надписями, которые должны были дать им бессмертие и действительно дали его. Надписи гласили: «Никогда не терял лидерства на *Ludi Plebi*», «Вырвался вперед, чтобы победить на *Ludi Apolinarie*», «Неизвестный, одурачивший мудрецов» и так далее. Сейчас эти статуи стоят в музеях для обозрения туристов. Это прекрасные мужчины с мощными руками и плечами. Они прожили жизнь широко и красиво. Свой конец они нашли под копытами мчавшихся лошадей, в то время как толпа ревела, возмущенная своим проигрышем.

Часто говорили: «В цирке интереснее наблюдать не игры, а зрителей». Игры давали выход эмоциям, и толпа использовала в полную меру эту возможность. Во время состязаний толпа в буквальном смысле слова сходила с ума. Женщины

падали в обморок или переживали оргазм. Мужчины кусали себя, рвали на себе одежды, исполняли дикие танцы, проигрывали до конца все свои деньги, а затем предлагали себя работникам в качестве ставки.

Один человек упал в обморок, когда упряжка Белых отстала. Когда Белые вырвались вперед и стали выигрывать на последнем круге, его пришлось приводить в чувство, чтобы сообщить радостную весть. Приближаясь к Риму, уже издали, еще не видя городских стен, путешественники могли слышать рев толпы при окончании состязаний. Если члены какой-либо фракции считали, что судья несправедлив по отношению к их упряжке, они устраивали обструкцию. Один раз недовольные даже подожгли Большой цирк, и он сгорел дотла. После этого случая вышел закон, что все амфитеатры следует строить из камня, хотя верхние ряды на трибунах еще продолжали делать из дерева.

Эта одержимость даже имела свое название — Гиппомания, т.е. сумасшедшая страсть к лошадям. Знаменитый возникший Красных Феликс погиб во время состязаний. Когда его тело сжигали на погребальном костре, какой-то человек бросился в огонь, чтобы погибнуть вместе со своим идолом. Когда маленького сына всадника спросили, что он хочет в подарок, он ответил, что хочет тунику прославленного возникшего Зеленых. Когда германцы штурмовали Карфаген, его жители отказались защищать стены города: они смотрели состязания на колесницах. Когда Тревес был сожжен варварскими ордами, городской совет решил, что несчастье имеет свою хорошую сторону. «Зато у нас есть сейчас свободное место в центре города, пригодное для постройки цирка», — сказал губернатор.

Посмотрим, как возрастала страсть к состязаниям на колесницах. В 169 году до н.э. в день проходил один заезд. При Августе Цезаре, во времена Христа, было двенадцать заездов в день. 40 лет спустя, при Калигуле, было 24 заезда в день. Образовались еще две корпорации, так что вместо 4 состязались 6 колесниц. Позднее число колесниц возросло до 12 и даже до 16, но к этому времени толпа уже потеряла интерес к искусству возникших, интересуясь только авариями и несчастными случаями.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В эпоху Раннего Рима не было ни гладиаторов, ни гладиаторских боев. Игры были просто атлетическими состязаниями, и появление гладиаторских боев обязано случаю. Два брата, Марий и Децим Бруты, хотели устроить пышные похороны своему умершему отцу. Братья были богатыми патрициями и принадлежали к правящему классу. Для них было делом чести почтить память умершего родителя пышными и необычными погребальными обрядами. Обычные погребальные обряды, такие, как приношение в жертву животных и молитвы, не удовлетворяли братьев. И вот одному из них, а именно Марию, пришла в голову неожиданная идея.

«В древние времена существовал обычай: при погребении вождя устраивать у его могилы поединки между рабами, которые должны были драться насмерть, — сказал Марий брату. — Почему бы нам не восстановить этот обычай, чтобы показать всем, как глубоко мы чтим память нашего отца».

Дециму это предложение понравилось. Он знал, что в те давние времена, о которых говорил его брат, поединки между рабами были погребальным обрядом, фактически видом человеческого жертвоприношения на могиле умершего. Тогда верили, что души убитых рабов будут служить вождю и в загробном мире, и поединки проводились, чтобы только самые верные и мужественные рабы последовали за вождем в иной мир. Будучи образованными людьми, братья Бруты не верили в эти

старые предрассудки, но их умерший отец был великим воином и любил суровые виды спорта.

«Ничто не порадовало бы отца больше, — согласился Децим. — Если жрецы не будут возражать, мы устроим эти поединки».

Жрецы не возражали. Хорошая половина Рима пришла посмотреть на погребальный обряд. Сражались три пары рабов. Толпа была в восторге. Братья сразу же стали самыми популярными людьми в Риме, а для тех, кто хотел заниматься политикой, популярность была необходимым условием. И отныне был найден способ завоевывать эту популярность. Желаящие преуспеть в политике начали устраивать гладиаторские бои, которые из погребального обряда превратились в зрелище.

Приведенные ниже данные показывают, как быстро распространились гладиаторские бои.

В гладиаторских боях участвовали:

в 264 году до н.э. — 3 пары рабов,

в 216 году до н.э. — 22 пары рабов,

в 183 году до н.э. — 50 пар рабов,

в 145 году до н.э. — 90 пар, сражавшихся в течение 3 дней.

Для игр стали покупать здоровых рабов, преступников и военнопленных. Эти профессиональные рабы-бойцы стали называться гладиаторами /от латинского слова *gladius* — меч/. Все становилось на деловую основу. Теперь любой честолюбивый политик, заключив соглашение с хозяином гладиаторов, мог устраивать гладиаторские бои.

Пока в гладиаторских боях участвовали единицы, они проходили на форуме, но когда число участников увеличилось до нескольких десятков, на форуме не стало хватать места. Поэтому гладиаторские бои стали лишь частью большой программы, которая включала состязания на колесницах, выступления дрессированных зверей, выступления акробатов и многое другое. Если кто-то устраивал зрелища в память своих предков, то они были бесплатными. В других же случаях взималась входная плата. Однако в дальнейшем политики, чтобы завоевать голоса избирателей, стали давать бесплатные зрелища. Правительство также устраивало бесплатные зрелища, чтобы развлекать римскую чернь и тем самым снизить социальную напряженность.

К сожалению, ни один из гладиаторов не оставил после себя мемуаров. Даже если предположить, что таковые могли быть, до нас они не дошли. Однако мы знаем, как проходили гладиаторские бои, поскольку многие римские писатели, такие, как

Светоний, Марциал и Тацит, описали их довольно подробно. Мы знаем, например, что одного из самых знаменитых гладиаторов звали Фламма, но о нем почти ничего неизвестно, кроме списка его побед. Попробуем, комбинируя сведения о нескольких гладиаторах, воссоздать собирательный образ гладиатора, профессией которого было убийство.

Давайте представим, каким был Фламма. Конечно, он должен был быть гигантом могучего телосложения и походить на быка. Именно так выглядело большинство гладиаторов, если судить по дошедшим до нас статуям и барельефным портретам, высеченным на надгробиях. Вполне возможно, что он был рядовым легионером, приговоренным к арене за невыполнение приказа. Мы знаем об одном таком случае и поэтому вполне можем предположить, что этим человеком был Фламма.

Фламма получил взбучку от молодого новоиспеченного офицера, на что ответил дерзостью. Офицер ударил Фламму палкой. Разъяренный Фламма ударом кулака сбил офицера с ног. За это воинское преступление он был приговорен к арене.

Фламма надеялся, что его противником на арене будет тоже бывший солдат и они будут сражаться мечами и защищаться щитами, то есть так, как обычно сражались солдаты. Но Фламма совершил тяжкое преступление: он поднял руку на офицера, а такое преступление каралось смертью. Поэтому он не должен был уйти с арены живым. И его назначили участником такого поединка, в котором остаться живым почти не было шансов. Римская чернь пресытилась обычными гладиаторскими боями. И вот на потребу ей был придуман новый вид поединка — поединок между ретиарием и секутором. Ретиарий не имел доспехов, его единственным оружием были сеть и трезубец. Его противник секутор, то есть преследователь, был одет и вооружен, как галл: на его шлеме было изображение рыбы, его оружием были меч и щит, его грудь была защищена нагрудником, защищены доспехами были также его правая рука и левая нога. Левая рука и правая нога секутора были обнажены, чтобы он имел большую свободу движения. Кроме изображения рыбы, на шлеме секутора не было других украшений. Шлем был гладким, чтобы не за что было зацепиться сети или трезубцу. Фламма должен был выступать в роли секутора. Его задачей было сразить проворного ретиария, или «рыбака».

По краям сети ретиария были прикреплены небольшие свинцовые грузила, чтобы брошенная сеть раскрывалась, образуя круг. Подобные сети используются рыбаками в различных уголках мира и сегодня. Если ретиарию удавалось поймать

секутора в сеть, он без труда мог заставить потерять равновесие тяжеловооруженного воина, а затем убить его, поверженного на землю, трезубцем. Ретиарий всегда имел преимущество в этих поединках, и, даже когда в роли секутора выступал опытный гладиатор, ставки делались пять к трем на ретиария. Фламма не имел понятия, как секутор должен вести бой, а его противник был весьма опытным бойцом. На ретиария ставили пятьдесят к одному, и никто не хотел ставить на секутора.

Когда Фламма появился на арене в одеянии галла, толпа встретила его свистом. Зрители знали, что он бунтовщик и плохой секутор, и от него не ожидали интересного боя. Фламма был простым парнем. Он был сломлен военным судом и приговором. И теперь, когда он увидел, что все против него, он бросил меч и сел, ожидая, что ретиарий прикончит его. Толпа, поняв, что ее обманули, разразилась криками: «Ах ты, цыпленок! Чего ты трусишь? Почему ты не хочешь умереть достойно? Дайте ему плетей! Поддайте ему жару!» Дело в том, что не желавших сражаться гладиаторов били плетями и подталкивали к противнику раскаленными железными прутьями. Все воины его когорты смотрели на него. Они встали со своих мест и криками ободряли его. Когда Фламма услышал знакомые голоса, он поднял меч и закричал: «Хорошо, ребята, я сделаю все, что смогу, чтобы не посрамить нашей когорты». Ретиарий прохаживался по арене, отвешивая поклоны и назначая хорошеньким девушкам свидания после боя. Он приготовил сеть к броску и пошел на противника.

Приближаясь к Фламме, ретиарий запел традиционную песенку Ретиариев: «Я ловлю не тебя, я ловлю рыбу. Почему ты убегаешь от меня, галл?» Одновременно он делал сетью пробные броски. Затем ретиарий сделал вид, что споткнулся и падает, надеясь ввести Фламму в заблуждение. Когда это не удалось, он стал приплясывать вокруг тяжеловооруженного солдата, называя его трусом и вызывая на бой, но у Фламмы было достаточно здравого смысла, чтобы не поддаться на эту провокацию и не изнурить себя в преследовании подвижного ретиария. Он стоял на месте, вынуждая своего противника приблизиться к нему.

Ретиарий кружил вокруг Фламмы, держа сеть за один конец, а другой бросая Фламме под ноги, надеясь, что длинная сеть обовьется вокруг ног секутора. Затем он неожиданно изменил тактику и бросил сеть на Фламму сверху. Фламма отбил сеть щитом, но одно из свинцовых грузил ударило его по левому глазу и частично ослепило его. Воспользовавшись этим, рети-

арий бросился вперед и выбил трезубцем меч из рук секутора. Оба гладиатора кинулись к мечу, но более подвижный ретиарий схватил меч первым и забросил его на трибуны. Затем он развернулся, чтобы прикончить безоружного противника.

Казалось, Фламме пришел конец. Но ретиарий сделал ошибку, когда увлекшись, начал демонстрировать эффектные броски сетью. Фламме удалось ударить по трезубцу и выбить его из рук ретиария. Ретиарий повернулся, чтобы поднять его, но Фламма успел схватить противника за тунику. Когда ретиарий упал на колени, Фламма ударил его краем щита и убил.

Но неожиданная победа не помогла Фламме. Император дал знак выйти следующему ретиарию на бой с Фламмой. Но здесь Фортуна улыбнулась обреченному секутору. Фламму в казармах называли «голец», поскольку у гольца, как и у полосатой зубатки, есть усы, а Фламма носил колючую бороду. Солдаты на трибунах кричали: «Вперед, голец!» Как только толпа поняла, что Фламма действительно хочет драться, все присоединились к крикам его бывших товарищей по когорте. Когда «голец» убил «рыбака», это показалось зрителям такой прекрасной шуткой, что они потребовали пощадить Фламму. Очень немногие императоры осмеливались игнорировать волю народа в цирке. Часто, к негодованию судей, самые отпетые бандиты и жестокие убийцы спасались таким образом. Императору ничего не оставалось, как выполнить желание зрителей, и Фламму послали в школу гладиаторов изучать новое ремесло.

В то время /около 10 года н.э. при Августе Цезаре/ в Италии было четыре крупных школы гладиаторов: Большая школа, школа Галлов, школа Даков и школа Бестиариев, т.е. гладиаторов, сражавшихся с дикими животными. Позднее возникли десятки небольших школ, которые содержались на средства богатых поклонников гладиаторских боев, подобно тому как сейчас богатые люди имеют свои конюшни скаковых лошадей. Фламму послали в Большую школу в Риме. Никаких следов от этой школы не осталось. Зато школа гладиаторов в Помпеях сохранилась в хорошем состоянии. Описание школы в Помпеях даст читателю представление о Большой школе в Риме. Только надо иметь в виду, что Большая школа в Риме была гораздо больше школы в Помпеях.

Школа гладиаторов представляла собой прямоугольное здание 170 на 140 футов, с открытым двором в середине для упражнений гладиаторов. Вокруг двора шла галерея, куда выходили маленькие комнатки, что очень походило на католиче-

ский монастырь. Эти каморки были размером 10 на 12 футов, и в каждой жил один гладиатор. При школе также были кухня, госпиталь, арсенал, помещения для тренеров и стражи и даже кладбище. Была там и тюрьма с кандалами, железными клеймами и плетью. В тюрьме имелся карцер, в котором потолок был таким низким, что человек не мог даже сидеть, а само помещение — таким коротким, что нельзя было вытянуть ноги. В помпейской тюрьме были найдены останки четырех гладиаторов, которые не смогли выбраться оттуда во время извержения Везувия, когда Помпеи были покрыты пеплом и потоками лавы. Школа была собственностью крупного организатора игр, но фактически ею управлял гладиатор-ветеран, знавший все тонкости своего ремесла. Такие тренеры назывались ланистами.

Гладиаторов стерегли очень строго. Римляне никогда не забывали тот урок, который они получили в 72 году до н.э., когда гладиатор по имени Спартак с 70-ю своими товарищами убежал из школы и нашел убежище в кратере Везувия. Поскольку все эти люди были профессиональными бойцами, то заставить их покинуть кратер оказалось сложной задачей. К ним присоединились беглые рабы, шайки грабителей и недовольные крестьяне. Под предводительством Спартака эта шайка находящаяся вне закона людей разбила двух римских полководцев и захватила всю южную Италию. Они чуть не захватили Рим, но в конце концов были уничтожены легионами, вызванными с границы.

Поступая в школу, Фламма дал клятву: «Если я не выполню приказа, пусть меня секут розгами, жгут огнем или убьют железом». Затем ему дали каморку, предыдущий обитатель которой был убит во время последних игр.

В каморке была каменная лежанка, на которую был брошен набитый соломой матрац, а в стене была ниша, где гладиатор мог хранить фигурки богов, которых он почитал. Больше никаких предметов в каморке не было. На стенах были нацарапаны имена девушек и их адреса, рисунки обнаженных женщин, надписи вроде: «Здесь был Сабин», молитвы различным богам, саркастические замечания о хозяине школы и даты боев. В Помпеях такие надписи и рисунки сохранились до сих пор. Здесь были и примитивные изображения гладиаторских боев: секутор, запутавшийся в сети, но тем не менее поражающий ретиария свои мечом, и бои между различными типами гладиаторов. На одной фигурке было нацарапано: «Бебрикс, 20 побед», на другой: «Нобилиор, 11 побед». Нобилиор был изобра-

жен поверженным, с поднятым вверх большим пальцем левой руки: он молил о пощаде. Под его изображением стоял особый знак Θ, что значит «убит».

Уравновешенный по натуре и привыкший к железной дисциплине, Фламма довольно быстро приспособился к жизни в школе гладиаторов. Но так было далеко не со всеми. Казармы гладиаторов днем и ночью патрулировались, чтобы предотвратить возможные самоубийства. Но некоторым гладиаторам удавалось перехитрить стражу. Один из них по пути в школу сунул голову во вращающееся колесо повозки и сломал себе шею. Другой разбил на мелкие кусочки кувшин, в котором ему давали воду, и проглотил их. Фламма искренне не мог понять этих людей. Пища была сытная, постель удобная, раз в неделю приводили девиц. Выступать на арене он должен был примерно 20 раз в год. И не было, как в армии, изнурительных маршей и долгих кампаний, не грозила опасность попасть в засаду. Откровенно говоря, Фламме никогда не было так хорошо.

По руководством ланисты Фламма несколько недель отрабатывал удары мечом на деревянном столбе, а затем и на чучеле. Он учился владеть левой рукой так же, как правой, поскольку некоторые гладиаторы были левшами. Оружие, которое давали Фламме, было вдвое тяжелее, чем то, которым ему предстояло сражаться на арене. Это делалось для развития мышц. Потом были учебные бои тупыми мечами. И наконец, Фламма стал участвовать в учебных боях с боевым оружием, где схватка сразу прекращалась, как только кто-нибудь из сражавшихся оказывался ранен.

Трапезы гладиаторов проходили за длинным общим столом. Их питание контролировали квалифицированные диетологи. В рацион гладиаторов включали большое количество мяса и ячменя. Мясо, как известно, содержит много белка, а ячменю в те времена приписывали свойство покрывать артерии слоем жира, предотвращающим сильное кровотечение.

Но самым привлекательным в профессии гладиатора для Фламмы оказались великолепные доспехи, которые он надевал, выходя на арену. Он был сыном бедных итальянских крестьян, и у него никогда не было красивых вещей. /Вплоть до первой мировой войны солдаты воевали в красивой военной форме, и многие шли в армию для того, чтобы носить гусарскую форму или великолепный красный мундир с латунными пуговицами. Даже в наши дни один генерал серьезно утверждал, что многие поступают на службу в морскую пехоту потому, что морские пехотинцы до сих пор сохраняют изысканно нарядную

форму. Возможно, генерал прав/. Поэтому для такого человека, как Фламма, великолепные доспехи много значили. Его шлем был украшен страусовыми или павлиньими перьями, нагрудник — золотом и серебром, рукоятка — драгоценными камнями, бронзовый щит был обит медными гвоздями с большими шляпками и выкрашен внутри великолепной красной краской, на поручах и поножах знаменитыми художниками были выгравированы сцены гладиаторских боев. Рабы чистили и полировали доспехи и оружие Фламмы, а ему оставалось только носить их. В армии же каждому легионеру приходилось это делать самому.

Ланиста внимательно изучил манеру Фламмы вести бой, и решил использовать его как постулата, то есть как гладиатора, сражавшегося в доспехах с мечом и палицей против противников, которым разрешалось выбирать любое оружие.

Фламма впервые выступил на арене как профессиональный гладиатор в играх, организованных частным лицом, политиком, ищущим популярности. За неделю до игр люди, профессией которых было делать рекламные надписи, ходили по городу и писали объявления о предстоящих играх везде, где они могли найти подходящее место, даже на надгробных памятниках. На старых римских кладбищах сохранились надгробия с надписями: «Не пишите объявлений». Вот типичная реклама, написанная на стене красной краской: «Если погода позволит, 30 пар гладиаторов, выставленных Клодием Флакком, будут сражаться 1, 2 и 3 мая в Большом цирке. Убитого после непродолжительного боя заменит другой гладиатор. За гладиаторскими боями последует большая охота на диких зверей. Участвует знаменитый гладиатор Парис. Ура Парису! Ура щедрому Флакку, который борется за дуумвират!»

Внизу от себя рекламный агент добавил: «Марк писал это объявление при свете луны. Если вы наймете Марка, он будет работать день и ночь, чтобы хорошо выполнить заказанную работу».

Был прекрасный день, и огромное количество людей заполнило цирк. Владельцы домов, выходящих на амфитеатр, сдавали крыши своих зданий зрителям, которым не досталось мест. /Позднее Большой цирк был надстроен, и этот источник дохода был ликвидирован/. У подножия трибуны находился ров с водой, чтобы на арене было прохладно. Программы, розданные зрителям, помогли им сделать выбор для ставок. Текст программ был написан условно. Вот так выглядела одна из них в позднейшие времена:

T
V. Pugnax Ner III
Ess
m. P. Ostorius Jul LI

M
P. Murranus Ner III
Ess
V. Scylax Jul XXVI

Это значило, что гладиатор по имени Пугнакс, фракиец, то есть выступавший с небольшим круглым щитом и коротким изогнутым мечом, был выставлен против Муррана, мирмиллона, то есть вооруженного как галл /сходно с секутором/. Оба были выпускниками школы гладиаторов Нерона, основанной императором в Капуе. У каждого было по три победы /если это был первый бой для гладиатора, после его имени ставили букву T, обозначающую новичка/. Буквы «V» или «P» владелец программы вписывал после боя. «V» обозначала победителя, «P» — погибшего в бою.

Запись во второй строке означала, что Публий Осторий, по-видимому, свободный человек, так как имел двойное имя, одержавший 51 победу, должен был сражаться с человеком по имени Сцилакс, одержавшим 26 побед. Оба были из школы гладиаторов Юлия. «Ess» значило эсседерий, то есть гладиатор, сражавшийся на колеснице. Сцилакс был победителем. Осторию жизнь была оставлена зрителями, возможно, потому, что он был римским гражданином: «m» означало «отпущен», то есть покинул арену живым.

После того, как Клодий Флакк объехал арену, сопровождаемый своими клиентами, состоялся парад гладиаторов. Каждый из них был облачен в доспехи и нес оружие, которым он должен был сражаться в предстоящем бою. Это было великолепное зрелище. Доспехи блестели на солнце, на шлемах качались перья. Оркестр из 50 человек играл марш. Гладиаторы остановились напротив императорской ложи, выбросили вперед правую руку и прокричали: «Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!».

Затем они развернулись и воинским строем вышли через Porta Libitirensis /малые ворота под трибунами/ в помещение, где должны были ждать выхода на арену.

После выступлений акробатов, показа дрессированных животных и демонстрации конных трюков настало время гладиаторских боев. Гладиаторы, как правило, имели своими противниками пленных германцев, потому что обученный гладиатор стоил огромную сумму денег, и ланисты делали все, чтобы

уберечь своих людей от гибели. Лучшим способом сохранить жизнь гладиатору было выставить его против непрофессионала. Для поединков между гладиаторами подбирались примерно равные противники, по крайней мере так было, когда гладиаторские бои только начинались. И если даже толпа требовала смерти поверженного профессионального гладиатора, победитель только делал вид, что убивает его. Мнимого убитого выволакивали с арены крючьями, как труп, а потом посылали в какой-нибудь провинциальный цирк, где его никто не знал. Жизнь гладиатора во многом зависела от эдителя. Желая сделать зрелище интереснее, он мог настоять, чтобы бойцы дрались до смертельного исхода, но за это взималась дополнительная плата.

Германцы были вооружены своим национальным оружием — короткими дротиками. У них не было доспехов, их заменяли звериные шкуры. Против профессиональных гладиаторов выставили вдвое больше германцев. Тем не менее разделаться с ними хорошо обученным гладиаторам не составило бы труда. Единственным серьезным противником был скандинав, гигант с длинными светлыми волосами и бородой. Он сражался огромным двуручным мечом. Скандинав уже убил двух гладиаторов, буквально срезав им головы мечом, несмотря на то что у гладиаторов были металлические воротники, защищавшие их шею. Зрители были в восторге от скандинава. Они потребовали остановить бой и дать скандинаву свободу. Но аплодисменты вскружили ему голову. Обратившись к зрителям на ломаной латыни с речью, скандинав сказал, что перед тем, как его взяли в плен, он в сражении убил 6 римских легионеров. И еще он сказал, что римляне не умеют сражаться и что он один может справиться с целым легионом римлян. Большинство зрителей был присущ спортивный азарт. Они оценили мужество скандинава и приветствовали его аплодисментами. Но на трибунах находился молодой офицер, отец которого погиб на войне с германцами, и ему не нравились скандинавы. Он прыгнул на арену и вызвал скандинава на бой.

Скандинав принял вызов. Поскольку молодой офицер хотел отомстить за отца, толпа была целиком на его стороне. У офицера не было никакого оружия, поэтому он позаимствовал у Фламмы меч и доспехи. И поединок начался.

Оба противника были равны по силе и оба были искусными воинами, поэтому зрители следили за каждым их движением, затаив дыхание. С трибун не слышалось ни обычных насмешек, ни одобрительных возгласов. В огромном амфитеатре был

слышан только стук мечей. Молодой офицер думал, что огромный скандинав в своей тяжелой и громоздкой медвежьей шкуре не сможет сравниться с ним в быстроте и ловкости. Но скандинав продемонстрировал удивительное и неожиданное проворство. Дважды он сбивал римлянина с ног, и только чудо спасало молодого человека. Римлянин отпрыгнул назад, уклоняясь от большого двуручного меча, и поскользнулся в луже крови. Он упал, и в следующее мгновение скандинав уже сидел на нем, готовясь нанести смертельный удар.

Толпа замерла в ожидании. Неожиданно распростертый на арене римлянин ударил скандинава щитом между ног. Гигант скорчился от боли, а римлянин мгновенно откатился в сторону, вскочил на ноги и вонзил свой меч под мышку противника, где тяжелая медвежья шкура не закрывала тело. Скандинав упал замертво. Толпа безумствовала. Исступленно играл оркестр.

От этих игр в памяти зрителей осталась только блестящая победа молодого офицера, но Фламма был доволен. Он избавился от одного из своих противников, и это было главным. Как бывший солдат он добросовестно исполнял порученное ему дело, а остальное его мало интересовало. Фламма восхищался подвигом молодого офицера и гордился тем, что его доспехи и меч так хорошо послужили ему. Но подобные подвиги, в которых было больше удали, чем здравого смысла, мог позволить себе аристократ, но не гладиатор.

Ланиста постоянно наблюдал за Фламмой. Ему нравилась его манера ведения боя: не эффектная, но надежная. В последних поединках Фламма победил греческого гоплита в полном вооружении, сражавшегося копьем, димахара с кинжалами в обеих руках и андабата верхом на коне. Но его обычными противниками были самниты, вооруженные, как секуторы. Самниты были первыми профессиональными гладиаторами. После завоевания римлянами их государства, военнопленные самниты стали использоваться как гладиаторы, и именно тогда начали широко распространяться гладиаторские бои. Очень долго слово «гладиатор» и слово «самнит» были синонимами. По мере того как римляне завоевывали другие земли, появились новые типы гладиаторов. Однако самниты оставались самыми популярными среди них. Их можно назвать, если хотите, «типowymi гладиаторами».

Фламма несколько раз терпел поражение, но каждый раз зрители спасали его, подавая знак «большой палец вверх», что означало сохранение жизни побежденному. Фламма всегда

сражался хорошо, побеждая или проигрывая, и зрители любили его за это.

Много было споров о том, какими жестами зрители выражали свою волю. До недавних пор считалось, что «большой палец вниз» означал смерть, а «большой палец вверх» — пощаду. Сейчас некоторые историки считают, что смерть означал удар большим пальцем себя в грудь / «пусть с ним будет так!»/, а пощаду — жест вытянутой рукой с поджатым большим пальцем.

Другие историки полагают, что любой жест большим пальцем всегда означал смерть, а если зрители хотели сохранить жизнь побежденному, они просто махали платками. Возможно, существовало много разных жестов, означавших смерть или пощаду, и зрители пользовались теми, которые им нравились больше. Возможно, все они употреблялись в разное время.

Не прибегая к эффектным приемам ведения боя, Фламма тем не менее постепенно завоевывал славу. Зрители стали замечать гиганта, не работавшего на публику, но почти всегда побеждавшего. Ведь были гладиаторы, которые, подобно современным борцам, разыгрывали целые сцены: обменивались мощными ударами, гремели щитами, имитировали падения, изображали момент получения смертельной раны, а затем тут же возобновляли бой, чтобы представить себя истинными героями. Как часто бывает в спортивной борьбе, в паре гладиаторов один был «героем», а второй — «злодеем». «Героем» обычно был хорошо сложенный молодой римлянин. Либо это был человек, желавший разбогатеть, либо человек, промотавший свое состояние и обратившийся к арене как к последнему средству, которое может поправить его дела. У «героя» всегда была тщательно разработанная легендарная биография. Под овации зрителей он объяснял им, что сражается только для того, чтобы заработать деньги на похороны отца или на помощь своей овдовевшей матери. «Злодей» всегда был свирепо выглядывшей скотиной. Он выходил на арену и выкрикивал оскорбления «герою», клеветал на него и обещал прикончить эту задницу. «Герой» всегда побеждал. Такие бои проходили, как спектакли, в которых каждый гладиатор играл свою роль, и все в конце концов оставались живыми, иначе «злодеи» быстро бы перевелись.

Бои не всегда были спектаклями. Зрители были достаточно сообразительны, чтобы увидеть мошенничество. Кроме того, было довольно трудно убедить гладиатора намеренно проиграть бой, так как он знал, что победитель мог по своему желанию убить или оставить в живых побежденного, независимо от

предыдущего соглашения. Однако до правления Тиберия /приблизительно до 20 года н.э./ бои на арене часто были инсценированными. Обученный гладиатор стоил дорого и знал это. Опытный гладиатор не стал бы драться с новичком. Многие гладиаторы открыто демонстрировали свое презрение к толпе. Они прерывали бой на середине, чтобы послать проклятья зрителям. У гладиаторов развился кастовый дух. Они гордились тем, что переносили боль от ран без криков и стонов и, даже будучи смертельно ранеными, обращались к ланисте за советом. Ланисте разрешалось стоять на боковых линиях, когда сражался кто-то из его людей, и давать ему советы подобно тому, как это делает в наши дни тренер в ходе боксерского раунда. Фламме советы ланисты были очень нужны, поскольку он был не слишком сообразительным и часто нуждался в прямой подсказке типа: «Попробуй ударить снизу по наплечнику!».

Фламма добился того, что стал одним из лучших гладиаторов Рима, но это стоило ему огромного труда. Часто ему просто везло. Фламма никогда не вел фальшивого боя, но всегда делал все, что было в его силах, и постепенно у него появились свои поклонники. Скульпторы ваяли его статуи, изображение его головы чеканили на монетах в виде головы Марса, бога войны, его приглашали на пиршества в богатые дома, а одна из его богатых поклонниц подарила ему поместье. Толпы поклонниц окружали его, в разных местах появлялись, например, такие надписи: «Фламма! Девушки вздыхают о тебе и молятся на тебя», «О, Фламма! Ты единственный врач, который может мне помочь». Правда, он не преуспел так, как гладиатор Спикул, которому Нерон подарил дворец, или как Вейян, сын которого был сделан всадником, но Фламма не жаловался. Он начал богатеть. После успешного боя организатор игр обязан был подарить победившему гладиатору сосуд с золотыми монетами. Ценность дара определялась зрителями. Был у него и другой источник дохода. Подобно тому, как Диокл продавал информацию о возможностях разных упряжек, Фламма продавал информацию о возможностях гладиаторов, то есть кто из сражающейся пары имеет больше шансов на победу.

В те времена гладиатор должен был принимать участие в боях в течение трех лет. После этого он уже не выступал на арене, но, оставаясь рабом, еще пять лет работал в школе гладиаторов. Но зрители могли в любой момент потребовать, чтобы гладиатору, которому они благоволили, вручили деревянный меч. Это означало, что гладиатор больше не должен

выступать на арене. Перед настоящими боями гладиаторы для разминки сражались друг с другом деревянным оружием. Таким образом, деревянный меч как бы символизировал свободу гладиатора от борьбы за свою жизнь.

Толпа с энтузиазмом потребовала деревянного меча для Фламмы после одной из его блестящих побед. Но Фламма с негодованием отказался.

«Вы что, рехнулись? — заорал он на зрителей. — Я зарабатываю больше любого из вас. Я могу иметь любую женщину, которую захочу. Я живу на вилле. В мою честь пьет вся империя. Оставить арену? Ни за что!».

«Славный старый Фламма!» — завывала восхищенная толпа. Фламма четыре раза отказывался от деревянного меча. Он был единственным гладиатором, который отказался от такого предложения не один, а четыре раза. Именно поэтому его имя дошло до нас через две тысячи лет.

Когда Фламма в конце концов оставил арену, ему вручили пластинку из слоновой кости, которую он носил на шее, как сейчас носят личный знак солдаты. На пластинке было написано его имя, имя его бывшего хозяина и дата, когда он был отпущен на свободу. Фламма женился, жил на собственной вилле и умер в глубокой старости. Он любил повторять всем, кто его слушал, что современные гладиаторы уже не те, какими они были во времена его молодости. Когда он умер, любящая семья поставила ему надгробие, на котором были перечислены все его победы.

Преданность Фламмы своей профессии не была исключением. Некий мирмиллон, если ему не доводилось часто выходить на арену, жаловался, что он напрасно растрачивает лучшие годы своей жизни. Римский писатель Эпиктет рассказывает, что гладиаторы просили у богов, чтобы было больше боев и они могли бы отличиться и заработать деньги. Это не покажется удивительным, если вспомнить, что в британской армии некогда существовал тост: «За внезапную чуму и кровавую войну!». Ведь только подобные события могли ускорить продвижение по службе.

На арене проходили и поединки боксеров, но они никогда не были так популярны, как гладиаторские бои. Первоначально боксерские поединки были похожи на современные матчи, но постепенно организаторы игр видоизменили их, приспособив к вкусам толпы. Вместо современных боксерских перчаток у тогдашних боксеров пальцы были обмотаны кожаными лентами с медными пластинками, которые в дальнейшем были

снабжены шипами. Это были настоящие кастеты. Кастеты знаменитого бойца, покрытые засохшей кровью и мозгами, висели в одной из школ, чтобы их вид вселял мужество в подающих надежды молодых боксеров.

Статий так описывает бой боксеров. Эдитор, открывая бой, провозгласил: «Сейчас потребуется мужество. Используйте ваши ужасные кастеты в ближнем бою. Это лучший способ испытать свою храбрость».

Капаний надел на руки ленты из необработанной воловьей кожи, покрытой кусочками свинца. Он и сам был тверд как свинец. На арену вышел противник Капания — молодой курчавый юноша по имени Алцидамас. Взглянув на него, Капаний рассмеялся и воскликнул: «Неужели не нашлось никого лучше?» Бойцы подняли свои руки, смертоносные, как молнии. Каждый из них внимательно следил за противником. Капаний был гигантом, но уже начал стареть. Алцидамас был юношей, но гораздо сильнее, чем можно было предположить, глядя на него.

Бойцы начали поединок, прошупывая друг друга легкими касаниями «перчаток». Капаний попытался приблизиться к Алцидамасу, одновременно обрушив на него град ударов, но Алцидамас ловко отступил, не принимая навязываемого ему ближнего боя, так что Капаний только зря потратил свои силы, и его шансы на победу уменьшились. Юноша оказался блестящим бойцом. Он парировал удары Капания и умело уклонялся от них, приседая, отпрыгивая назад и наклоняя голову. Он отражал удары «перчатками» и наступал, держа голову откинутой назад. Капаний был сильнее, и его правая рука была поистине смертоносна, но молодой Алцидамас, делая ложные выпады вправо и влево и отвлекая этим внимание Капания, занес свою правую руку над более старым бойцом и ударил его сверху в лоб. Потекла кровь.

Сначала Капаний не понял, что ранен. Но крики толпы заставили его остановиться. Он вытер пот со лба тыльной стороной «перчатки» и увидел на ней кровь. Обезумев от ярости, от бросился на юношу.

Большинство ударов Капания приходилось по воздуху, иные попадали на перчатки Алцидамаса. Юноша держался от него на безопасном расстоянии, отпрыгивая и нанося удары, когда представлялась возможность.

Капаний гонял его по арене, пока оба бойца не обессилили. Наконец противники, тяжело дыша, встали друг против друга. Вдруг Капаний сделал бешеный рывок к Алцидамасу. Тот

увернулся, но при этом успел поразить нападавшего в плечо. Капаний упал! Он упал на голову, а когда попытался подняться, юноша снова сбил его с ног. Неожиданно Капаний вспрыгнул на ноги и двинулся вперед, молотя перед собой обоими кулаками. Юноша упал, и Капаний склонился над ним, барабаня кулаками по его голове. Зрители закричали: «Спасите бедного мальчика! У него уже треснул череп. Капаний выбьет ему мозги». Служители бросились на арену и оттащили Капанию от его жертвы. «Ты победил», — сказали они ему. «Пустите меня! Я разможу ему рожу! Я испорчу это хорошенькое личико, за которое его так любят. Проклятие!» — заревел Капаний. Служители были вынуждены силой вытащить его с арены.

Неудивительно, что игры старого образца, включавшие выступления акробатов и дрессированных животных, не могли конкурировать с новыми играми, куда входили гладиаторские бои и состязания на колесницах. Старомодные зрелища отмирали одно за другим. Было очевидно, что они отомрут, как в свое время водевили. Но некий человек по имени Урс Тогат решил взять верх над «хулиганами» и лошадьми. Урс мог, стоя на руках, стрелять из лука ногами, мог жонглировать пятью стеклянными шарами. Он показывал целую пьесу, которую исполняли одетые в костюмы дрессированные медведи. Одно время он был очень популярен среди зрителей, и его портрет помещали на вазах-сувенирах. Урс был высокого роста с ненормально длинными руками и ногами. С первого взгляда он казался несколько неуклюжим, но на самом деле был гибок и проворен. У него было длинное чисто выбритое лицо, и выглядел он, как необыкновенно умная лошадь.

Урс был одним из немногих в шоу-бизнесе, кто умел приспособиться к новым требованиям публики. Он создавал новый цирк. Урс перестал выступать как жонглер и избавился от всех своих медведей, за исключением одного, самого свирепого. Когда этот медведь бросался на арене на Урса, тот бежал ему навстречу с длинным шестом, перепрыгивал с помощью его через зверя и бросался к стене, окружавшей арену. Медведь бежал за ним, наступая на пятки. Урс, используя силу инерции, взбегал по стене, затем прыгал через медведя на арену, мчался к своему месту и повторял свой трюк сначала. Толпе нравился номер Урса, потому что во время каждого представления медведь мог его растерзать.

Другие дрессировщики тоже быстро сообразили, как завоевать симпатии толпы. Один из них передвигался на ходулях среди стаи голодных гиен. Другой забирался в большой метал-

лический шар с отверстиями и катался в нем по арене, а в это время три льва пытались через отверстия в шаре добраться до него. Однажды одному из львов удалось добраться до дрессировщика и оторвать ему руку. Но это не остановило других дрессировщиков, и они повторяли этот номер. Акробаты и акробатки научились хватать за рога атакующего быка и делать сальто через его спину. Римляне любили опасные трюки с дикими животными, поэтому подобные номера никогда не надоедали.

В 50 годы до н.э. игры были жестокими, но масштабы их были еще довольно скромными. В 46 году до н.э. полководец Юлий Цезарь, овеянный славой побед, прибыл в Рим с большими политическими амбициями. Сенат и народ Рима относились настороженно к триумфатору Цезарю. Цицерон предупредил его: «Ты только карлик, привязанный к длинному мечу. У тебя есть армия, но народ относится к тебе враждебно».

Цезарь улыбнулся: «Диктатор Сулла пытался подчинить народ силой и потерпел неудачу. У меня другие методы».

Юлий Цезарь хорошо знал римскую чернь. Он организовал первое в римской истории действительно грандиозное зрелище. Для этого потребовалось перестроить Большой цирк. Охота на 400 львов сменялась боями между боевыми слонами и пешими воинами. По вечерам устраивались шествия слонов, державших в своих хоботах горящие факелы. Конные фессалийцы сражались с быками. Римляне впервые увидели жирафов. Их прислала в дар Риму Клеопатра. Только состязания на колесницах продолжались 10 дней от рассвета до заката. Были и гладиаторские бои. Точное количество участвовавших в них гладиаторов неизвестно, но оно было так велико, что прошедшие в ужас сенаторы приняли закон, который запрещал одному владельцу иметь более 320 гладиаторов. У Цезаря их, вероятно, было около двух тысяч — практически маленькая армия. Когда они не были заняты на арене, Цезарь использовал их как телохранителей.

Закон, ограничивающий число гладиаторов у одного владельца, просуществовал недолго. Народ так увлекся большими играми, что ему было совершенно безразлично, будет Цезарь диктатором или нет. Главным для них было то, что он устраивал для народа такие великолепные зрелища. В Риме были люди, которые понимали, какую опасность таят для Рима игры. Ведь теперь любую выборную должность мог получить тот, кто мог устроить для римской толпы зрелище. Небольшая группа состоятельных людей решила предложить публике

инные развлечения, полезные для ее образования. Они наняли труппу знаменитых греческих актеров, которые должны были выступать в знаменитых классических пьесах. Но на первом же представлении в театр вбежал человек, кричавший, что в цирке сражаются гладиаторы. Через десять минут греческие актеры играли в пустом театре. После этого представлений классических пьес уже не было.

Хотя Цезарь устраивал игры, чтобы завоевать популярность у римлян, они натолкнули его на одну ценную мысль. Он сказал Долабелле, одному из своих военных советников: «Гладиаторские бои — это ведь еще и прекрасный способ испытывать новое оружие и новые способы ведения боя. Наши легионы будут сражаться с племенами со всего света. Давайте выставим пленных из различных племен друг против друга, и пусть они в бою используют свое собственное оружие и свои боевые приемы».

Это открыло в истории игр новую эру. Отныне это были не отдельные поединки, а сражения целых армий. Татуированные британцы, сражающиеся на колесницах, выставлялись против германцев из различных племен. Африканские негры, вооруженные щитами и копьями, бились с арабами, сражавшимися на конях с луками и стрелами. Фракийцы с кривыми саблями и маленькими щитами выступали против тяжеловооруженных самнитов. Однажды вся арена была засажена деревьями, чтобы изобразить лес. Целая центурия легионеров, приговоренных к арене за различные воинские преступления, маршировала через этот искусственный лес. А в это время галлы в своих национальных костюмах и со своим национальным оружием напали на них из засады. Была поставлена битва между боевыми слонами и кавалерией. И это было сделано, чтобы приучить лошадей к огромным животным. А в это время Цезарь и высшие военачальники, сидя в императорской ложе, внимательно наблюдали за происходящим сражением. Участники дрались с полной отдачей, зная, что победителям обычно даруют свободу.

Юлия Цезаря можно назвать отцом игр, поскольку именно при нем игры стали устраиваться регулярно и в огромных масштабах. Еще в эпоху Августа у римлян возникло одно твердое убеждение: они имеют право на зрелища. Когда Рим был еще республикой, игры продолжались 16 дней в году. Они включали в себя 14 состязаний на колесницах, 2 испытания лошадей и 48 театральных представлений. При Клавдии /50 год н.э./ игры продолжались 93 дня в году. Во времена Траяна они

продолжались уже 123 дня, а при Марке Аврелии даже 230 дней. В конце концов различные игры бывали каждый день. Однажды в 248 году н.э. зрители не спали подряд три дня и три ночи. Август и некоторые другие императоры пытались ограничить количество игр, но это им не удавалось, так как подобные указы всегда вызывали бунт черни. Марк Аврелий не любил игры, но его официальное положение требовало, чтобы он на них присутствовал /подобно тому как в наше время президент США открывает бейсбольный сезон первым броском мяча/. Он обычно сидел в императорской ложе и диктовал письма. Римская чернь никогда не могла простить ему эту привычку, подобно тому как американцы не простили бы своему президенту, если бы он занимался официальными делами, присутствуя на бейсбольном матче. Марк Аврелий был одним из лучших римских императоров, но был также одним из наименее популярных, и последнее происходило главным образом из-за его пренебрежительного отношения к играм.

Клавдий, возможно, был не вполне нормальным, но он был очень популярен. И все это только потому, что он любил игры и также, как рядовые зрители, подсчитывал на пальцах шансы сторон, хотя и был отличным математиком. Он, бывало, высказывал на арену, чтобы обругать сражающихся в полсилы гладиаторов, посылал отдельным зрителям записки, спрашивая их мнения о шансах на победу того или иного гладиатора, рассказывал сальные анекдоты. Толпа оплакивала и Клавдия, и Нерона, вероятно, самых худших правителей в истории Рима, потому что они всегда устраивали великолепные игры. Нерон освещал ночью арену живыми факелами. Это были распяты на крестах и облитые нефтью христиане. Не за такие ли зрелища Нерон был так любим римской чернью? После его гибели в течение многих лет появлялись самозванцы, объявлявшие себя Нероном, и всегда у них были сторонники среди тех, кто еще помнил, какие удивительные игры устраивал этот безумный император.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Римская толпа требовала все более масштабных зрелищ, лучших по качеству и обязательно включающих какие-нибудь новшества. Правительство было вынуждено удовлетворять эти растущие требования. Возможно, самым тщательно разработанным зрелищем были наумахии, или морские битвы. Первую наумахию в 46 году до н.э. устроил Юлий Цезарь. Для нее на Марсовом поле в Риме было создано искусственное озеро. В первой наумахии участвовало 16 галер, на которых находилось четыре тысячи гребцов и две тысячи солдат. Но император Август во 2 году до н.э. превзошел Цезаря. По его приказу на берегу реки Тибр было выкопано озеро длиной в 1800 футов и шириной в 1200 футов. Вокруг озера для зрителей были построены мраморные трибуны. Руины этого грандиозного сооружения сохранились до наших дней. Была разыграна морская битва при Саламине между греками и персами. В ней участвовало два флота, каждый из которых состоял из 12 кораблей с экипажем в три тысячи человек, не считая гребцов. Солдаты и матросы противоборствующих флотов были одеты как греки и персы. В конце 1 века нашей эры император Тит устроил наумахию на озере, которое покрывалось деревянным настилом. В первый день на этом деревянном настиле сражались гладиаторы. На следующий день на нем состоялось состязание на колесницах. И наконец, на третий день настил убрали и устроили на озере морское сражение, в котором участвовало три тысячи человек.

Самую грандиозную наумахию устроил император Клавдий. Для нее озеро, созданное по приказу Августа, оказалось слишком маленьким. И тогда безумный император решил для небывалой наумахии использовать Фуцинское озеро, расположенное в 60 милях к востоку от Рима. У этого озера не было естественного стока, поэтому весной оно часто затопляло окружающую местность на многие мили. Для того, чтобы прекратить эти наводнения и для стока избыточной воды, сквозь скалу был пробит тоннель длиной в 3,5 мили к реке Литис. Для этого потребовался труд 300 000 человек в течение 11 лет. В честь открытия этого тоннеля Клавдий и решил устроить на озере грандиозную наумахию. Раньше в таких боях использовали галеры с гребцами в один ряд. В этой наумахии участвовали 24 триремы, имевшие три ряда гребцов и 26 бирем, имевших два ряда гребцов. Триремы были типовыми военными кораблями того времени. Эта армада была разделена на два флота по 25 кораблей в каждом. Экипаж обоих флотов состоял из 19 000 приговоренных к арене преступников. Каждый флот находился под командованием знаменитого гладиатора. Один флот представлял эскадру родосцев, а другой — сицилийцев. Экипажи флотов имели соответствующую форму.

19 000 хорошо вооруженных людей, которым нечего было терять, представляли большую опасность для зрителей, если бы решили вдруг объединиться и напасть на них. Поэтому озеро окружили войсками. Кроме того, несколько когорт посадили на плоты, где были установлены катапульты. Таким образом, мятеж был бы быстро подавлен. Холмы вокруг озера образовывали естественный амфитеатр. Утром в день битвы на их склонах расположилось 500 000 зрителей. Чтобы добраться от Рима до озера, им потребовалось несколько часов. Они запаслись вином и едой и теперь, попивая вино и закусывая, наблюдали за происходящим на озере.

В тот день, к счастью, была прекрасная погода. Поскольку площадь озера составляла 100 квадратных миль, то бой решено было проводить только в юго-западной части озера. Связанные вместе плоты ограничивали пределы маневрирования галер. Император Клавдий в великолепных золотых доспехах и пурпурной мантии сидел на специально построенном для него помосте. Рядом сидела императрица-мать Агриппина в накидке из золотой ткани. Кроме пехоты, окружавшей озеро, к помосту, где расположился император, был подтянут отряд кавалерии на прекрасных боевых сицилийских конях. Для того, чтобы поддержать порядок, склоны холмов были разделены на

секции, за каждой из которых наблюдал магистрат. Была разбита большая санитарная палатка для оказания помощи раненым. Приговоренных к арене преступников всегда не хватало, поэтому выживших можно было повторно использовать в других зрелищах. Однако палатке пришлось послужить и другой цели. Пятнадцать женщин-зрительниц родили, пока проходила наумахия. Им пришлось оказывать помощь в палатке. Этот случай наглядно показывает одержимость римлян играми. Для женщин на сносях желание увидеть наумахию оказалось сильнее тягот многочасового пути от Рима до озера.

Сигналом к началу боя послужило появление из глубины озера серебряного тритона, трубящего в морскую раковину. Сколько же изобретательности потребовалось для создания этой механической куклы! Но зрителям приходилось видеть и не такое. Можно только гадать, как изменилась бы судьба Римской империи, если бы подобные усилия направлялись на совершенствование римского оружия. По сигналу раковины оба флота приблизились к императорскому помосту. Били барабаны, играли трубы. Команды на кораблях по традиции салютовали императору своим оружием.

Триремы имели в длину около 100 футов. У каждой из них на носу были таран и абордажный мостик, или «ворон», — длинный брус, один конец которого представлял собой острие, а другой закреплялся на палубе на шарнире. Когда «ворон» перебрасывали на другую галеру, острие вбивалось в дерево и корабли оказывались сцепленными. Корабль имел один квадратный парус, который можно было эффективно использовать, только когда ветер дул в корму. В своих записках Юлий Цезарь отмечает, что был поражен, увидев, как корабль венетов шел галсами. Римлянам почему-то не приходило в голову, что этот маневр может быть использован парусным судном. Они никогда не совершенствовались рангоут и такелаж своих галер.

В основном галеры приводились в движение с помощью весел. Гребцы сидели не в трюме галеры, а в специальных конструкциях, выступающих вдоль бортов корабля. Такое устройство позволяло гребцам использовать большой рычаг при работе на веслах. А это было важно, так как двигать большой корабль было очень трудно. Каждым веслом управлял один человек. Гребцы сидели на разных уровнях, чтобы весла не мешали друг другу. На корме корабля находился человек, который ударами в барабан задавал гребцам ритм. Между рядами по специальной платформе непрерывно ходили два надсмотрщика с плетью и следили, чтобы каждый гребец хорошо рабо-

тал. Для быстроходности галеры строили длинными и узкими, и у них были плохие мореходные качества. Однако для сражения на озере они подходили идеально. По конструкции римские галеры были идентичны греческим, но тысячелетней давности. Усовершенствования, сделанные римлянами, были весьма немногочисленны: abordажный мостик, канаты на реях, на которых могли стоять матросы, берущие рифы на парусах, ванты, по которым было легко взбираться на мачты. Ванты заменили приставные лестницы, использовавшиеся греками.

После парада флотов, когда корабли приблизились на расстояние слышимости к императорскому помосту, команды галер прокричали традиционное приветствие, с которым гладиаторы обращались к императору: «Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!». Клавдий весело ответил им: «Это зависит от вас, мои друзья», — имея в виду, что, если воин сражается хорошо, он не погибнет в бою. Однако гладиаторы поняли его совсем по-другому. Они закричали: «Добрый Цезарь! Если это зависит от нас, мы не будем сражаться». И оба флота стали медленно уплывать, а их команды — поздравлять друг друга с таким неожиданным и счастливым концом.

Римская чернь завывала от возмущения. Клавдий спрыгнул с трона и бросился к озеру, изрыгая проклятия. Он грозил поджечь корабли и заживо сжечь их команды, если они не будут сражаться. Клавдий был не только калекой /возможно, он перенес полиомиелит/, но и не совсем нормальным психически. У него бывали приступы бешеной ярости, и сейчас начался именно такой приступ. Зрители смеялись до слез, глядя на его ужимки. Наконец гладиаторы поняли, в чем дело, и, разделившись на два флота, подготовились к бою. Агриппина отвела императора обратно к трону. Клавдий, слыша смех зрителей, начал смеяться сам, и скоро его смех перешел в истерику.

Когда семья Клавдия в конце концов его успокоила, он подал сигнал начать бой, уронив свой платок. И сразу же зазвучали трубы на обоих флотах, и галеры двинулись навстречу друг другу. Барабанщики задавали самый быстрый темп, который только могли выдержать гребцы, так как для кораблей было важно иметь в момент столкновения с противником наибольшую скорость.

Во время боя галеры прежде всего старались протаранить неприятельские корабли. Если маневр проходил успешно, неприятельская галера тонула в течение нескольких минут. Если таран не удавался, каждая галера стремилась нанести удары по веслам неприятельского корабля. Когда весла толкали назад, их рукоятки били по гребцам. Неспособную двигаться галеру

было легко протаранить. Если этот маневр не удавался, то не оставалось ничего другого, как идти на абордаж.

При первом столкновении было потоплено 9 родосских и 3 сицилийских галеры. Многие родосские галеры потеряли один или два ряда весел и не могли больше маневрировать. Они сбились в одном месте. Сицилийский флот окружил их и взял на абордаж. Бой начался в 10 часов утра и продолжался до 3 часов дня. Родосцы начали одолевать. Сицилийские триремы защищались отчаянно. Тацит писал: «Боевой дух сражавшихся преступников не уступал боевому духу настоящих воинов». Однако несколько сицилийских галер уклонились от боя. Наконец, когда «воды озера покраснели от крови», последний сицилийский корабль сдался. В бою было убито три тысячи человек. Зрелище настолько взволновало зрителей, что Клавдий помиловал всех уцелевших после боя с обеих сторон, кроме экипажей трех протараненных родосских галер, поскольку он считал, что их атака не была достаточно стремительной, и экипажей шести сицилийских галер, уклонившихся от боя.

Наумахия имела такой успех, что четыре месяца спустя Клавдий организовал новую наумахию. Но поскольку все римские тюрьмы были опустошены для первой наумахии, следующая не была столь грандиозной. На этот раз по приказу Клавдия через озеро был построен мост на понтонах шириной в 200 ярдов. Из военнопленных, заключенных и рабов были сформированы две армии численностью около 5000 человек каждая. Солдаты одной армии были экипированы как этруски, другие — как самниты. Оружие этрусков было специально изготовлено для этих игр, поскольку сами этруски исчезли как народ 300 лет назад. В музеях сохранились их боевые топоры и бронзовые копья, и римские оружейники пользовались ими как образцами.

Под звуки оркестров обе армии промаршировали по мосту с противоположных концов озера навстречу друг другу и встретились на середине озера. Сражение началось. Клавдий запретил упавшим в воду плыть к берегу. Тем, кто падал с моста оставалось либо тонуть, либо снова забираться на мост. Сначала казалось, что побеждают самниты. Они оттеснили этрусков и удерживали центральную часть моста. Но сплотившиеся этруски в конце концов вытеснили самнитов с моста. Всем этрускам и отличившимся в бою самнитам была дарована свобода.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Своего расцвета игры достигли в 1 веке нашей эры. Зрелища были грандиозны, и нельзя было представить, что их можно превзойти. Диктатор Сулла /93 год до н.э./ выставил на арену 100 львов, Юлий цезарь — 400, Помпей — 600 львов, 20 слонов и 410 леопардов, с которыми сражались вооруженные луками и стрелами геты. В 10 году н.э. Август выставил на арену первого тигра, которого в Риме до тех пор не видели, и 3500 слонов. Он хвалился, что на арене погибло 10 000 человек. В играх в честь победы Траяна над даками было убито 11 000 диких животных. Стоимость игр также постоянно росла. В 364 году до н.э. общая стоимость игр была равна 3826 фунтам стерлингов. В 51 году н.э. они уже стоили 32 690 фунтов. Последняя сумма была уплачена императором. У нас нет данных о том, сколько стоили игры, которые устраивали частные лица. Однако Петроний пишет о магистрате, который, для сохранения за собой должности, собирался истратить сумму, равную 7000 фунтам на трехдневные игры.

Здания, построенные для игр, остались непревзойденными по своим размерам и архитектуре. Самым древним и самым колоссальным из этих сооружений был Большой цирк. Об арене Большого цирка уже говорилось, но мало было сказано о самом здании. Оно было построено в долине, которая с давних времен использовалась для состязаний на колесницах. Со временем на склонах холмов были поставлены деревянные трибу-

ны, которые можно было убирать после состязаний. Первые постоянные трибуны были установлены в 329 году до н.э. Тогда же были установлены стойла для колесниц. Только первый ряд трибун был каменным, остальные были деревянными. Поэтому стадион несколько раз горел, в том числе и тогда, когда Нерон поджег Рим. После каждого пожара его отстраивали, и с каждым разом он становился лучше. Юлий Цезарь увеличил Большой цирк до таких размеров, что некоторые историки ошибочно считают, что Большой цирк был построен именно при нем. При Юлии Цезаре был прорыт ров глубиной 10 футов, который защищал зрителей от диких зверей, находящихся на арене. Для заполнения рва водой от речки, протекавшей на холмах, был прорыт канал, который действует до сих пор около Via di Sergi. Считается, что строительство Большого цирка завершил Август, хотя и последующие императоры продолжали вести в нем строительные работы. Например, Клавдий заменил деревянные стойла на мраморные и установил на Спине конусы из золоченой бронзы. Во времена Антонина Пия произошла трагедия: рухнули верхние ряды переполненных деревянных трибун. Погибло 1112 человек. После этого стадион был полностью перестроен в камне. Траян покрыл все здание внутри и снаружи белым мрамором, украсил его позолотой и росписями. Он также установил колонны из цветного восточного мрамора и статуи из мрамора и позолоченной бронзы. В конце концов Большой цирк достиг 2000 футов в длину и 650 футов в ширину и вмещал 385 000 человек, то есть почти четверть населения Рима.

Константин установил в цирке три дополнительных ряда сидений из мрамора, которые поддерживались бетонными арками. Эти арки сохранились до сих пор. Они составляют часть фундамента церкви святой Анастасии. Чтобы выдержать тяжесть трибун, арки были сделаны толщиной в 7 футов. В средние века Большой цирк превратился в огромную каменоломню. Многие из ранних христианских церквей были построены из камня, взятого из Большого цирка, но еще в 16 веке сохранилась часть постройки. Можно было увидеть само место, где некогда находился Большой цирк, и несколько рядов трибун.

Строительство знаменитого Колизея начал в 70 году н.э. император Веспасиан, а завершил это строительство десять лет спустя его сын, император Тит. Колизей был самым совершенным оборудованным амфитеатром, который когда-либо и кем-либо был построен. Поскольку Веспасиан и Тит были из рода Флавиев, то этот амфитеатр был известен римлянам, как ам-

фитеатр Флавиев, и только в середине века его назвали Колизеем из-за его размеров. В противоположность Большому цирку, открытому с одной стороны, Колизей представлял собой замкнутый овал. Он был размером 615 на 510 футов, а размеры его арены составляли 281 на 177 футов. Колизей занимал площадь в шесть акров. Археологи считают, что он мог вмещать 50 000 зрителей, хотя римляне утверждают, что в него набивалось до 100 000 зрителей, которые не только сидели на местах, но и толпились в проходах. Для сравнения: Мэдисон-Сквер-Гарден в Нью-Йорке вмещает 18 903 человека. Стены Колизея первоначально достигали высоты 160 футов, но потом их надстроили деревянными трибунами, где располагался самый бедный люд. Арену Колизея можно было затоплять водой для проведения наумахий. Арена была снабжена подъемниками, которые спускались и поднимались с помощью противовесов и блоков. В нужную минуту подъемники доставляли на арену из подземных помещений диких животных. Даже сегодня на две трети разрушенное здание Колизея является одним из самых впечатляющих архитектурных сооружений в мире.

Колизей имел 80 входов. Один из них был предназначен для императора, один — для весталок и 76 — для остальных зрителей. Весталками называли жриц, чьей главной обязанностью было поддерживать и охранять в храме Весты священный вечный огонь, который символизировал жизнь Рима. И наконец, двое ворот вели прямо на арену. Одни из них назывались Воротами Жизни. Через эти ворота на арену выходила процессия участвовавших в предстоящих играх гладиаторов. Другие ворота назывались Воротами Смерти. Через эти ворота выносили мертвые тела людей и животных, чтобы освободить арену для следующего зрелища.

Для того чтобы посмотреть игры, надо было приобрести билет. В билете указывались номера места, ряда и входа. Под трибунами находилась разветвленная система проходов и пандусов, по которым можно было быстро пройти на свое место. Трибуны были разделены вертикальными и горизонтальными проходами. Скамьи были сделаны из мрамора. Специальные линии указывали границу каждого сидения. Изготовленные из мрамора схемы, показывающие расположение мест, помещались у каждого входа. Одна из них сейчас находится в Капитолийском музее в Риме. В амфитеатре было четыре яруса. Снаружи, то есть на внешней стене амфитеатра, три нижних яруса обозначались тремя крытыми арочными галереями, расположенными на уровне каждого яруса. Сквозь арочные проемы

свет и воздух проникали в проходы амфитеатра. Четвертый, верхний, ярус сохранился частично. Арки первого, нижнего, яруса служили входом в амфитеатр. В арках второго и третьего ярусов были установлены статуи богов, а в двух больших по размеру арках, расположенных над двумя главными входами в амфитеатр, стояли скульптурные изображения квадриг — колесниц, запряженных четверкой лошадей, — в натуральную величину. В простенках между арками были установлены колонны классических ордеров, причем в каждом из трех ярусов колонны были одного ордера, а именно тосканского (разновидность дорического), ионического и коринфского. (Эта «формула Колизея» впоследствии будет неоднократно использоваться при строительстве итальянских палаццо в эпоху Ренессанса). Самый верхний, четвертый, ярус был представлен сплошной кирпичной стеной с 40 небольшими окнами, которые были расположены между двумя пилястрами, выступающими из стены.

Разветвленная система стоков уносила кровь и мусор с арены и экскременты животных из клеток, находящихся под ареной. Небольшие стоки из всех частей здания впадали в большой канал, окружавший Колизей. Этот канал в свою очередь впадал в Большую Клоаку — основную канализационную сеть города.

Арену окружала мраморная стена высотой в 15 футов, сложенная из тщательно подогнанных блоков, так что ни одно животное не могло бы вскарабкаться на нее. На стене находился подиум, то есть плоская поверхность примерно 15 футов ширины, где располагалась ложа императора и места для знати, то есть сенаторов, всадников, гражданских и военных трибунов. По-видимому, на подиуме кресла не были закреплены, поэтому, как в современных театральных ложах, их можно было передвигать. Зрители могли вставать и прохаживаться. Невысокая стена отделяла подиум от первого яруса, где сидели торговцы и низшие должностные лица. В верхних ярусах сидели рядовые граждане.

Поскольку леопард мог прыгать в высоту на 15 футов, а тигр — на 20, стены подиума, которая имела высоту 15 футов, было явно недостаточно для защиты зрителей. Поэтому по краю подиума вокруг всей арены были укреплены бивни слонов, обращенные острием внутрь. На них крепились сети, нависавшие над ареной. Кроме того, вдоль подиума были установлены бронзовые трубчатые перекладки, которые могли вращаться вокруг своей оси. Если животное допрыгивало до

такой перекладки и хваталось за нее, то перекладка начала крутиться и животное, теряя точку опоры падало обратно на арену. Ров с водой служил, как и в Большом цирке, для защиты зрителей. Он, в основном, был препятствием для слонов. При отсутствии рва слоны легко могли добраться до подиума, где сидели знатные зрители, как это и случилось в Большом цирке во время первой демонстрации слонов в 55 году до н.э. Тогда слоны сорвали железную решетку, и император со свитой едва успел унести ноги. Впоследствии Цезарь приказал для защиты от слонов вырыть в Большом цирке ров.

Может показаться, что всех этих защитных сооружений и устройств было более чем достаточно, но большинство историков предполагают, что существовала еще стена из тяжелых деревянных досок, отстоявшая от стены подиума на 10 футов. Это был так называемый внутренний барьер. Внутренний — по отношению к стене подиума. Ров с водой находился между этой стеной и ареной. О существовании этого внутреннего барьера свидетельствует ряд фактов. Очевидно, что, если животные находились непосредственно у стены подиума, зрители двух верхних ярусов не могли видеть их из-за края подиума. Выпущенные на ярко освещенную арену цирка, полного кричащих людей, дикие звери инстинктивно жались к стене. Об этом писали многие римские авторы. Рабы-служители арены отгоняли их от стены раскаленными железными прутьями или пучками горящей соломы. Но ведь в каменной стене подиума не было никаких отверстий, через которые можно было бы добраться до животных. Кроме того, зрелища часто устраивали на фоне декораций. Упоминают животных, выходящих перед изображением древнего Карфагена и т.д. Трудно представить себе, как бы устанавливались и убирались эти декорации, если бы они висели на сплошной каменной стене подиума, особенно, если нужно было заменить декорации в то время, когда на арене находилось много диких животных, а нам известно, что рабам было запрещено появляться на подиуме, где располагалась римская знать.

Все эти факты говорят о том, что внутренняя стена существовала, и сделана она была, по всей вероятности, из тяжелых досок, крепившихся к поставленным на арене столбам. Бивни слонов с прикрепленной к ним сетью скорее всего были установлены на этих столбах, а не на стене подиума. Любой пейзаж мог быть изображен на внутренней стене или на висящих на ней полотнах. Внутренний, по отношению к подиуму, барьер

не всегда был просто деревянным забором. Часто эту же роль играли декорации: скалы, сделанные из досок и штукатурки, стволы деревьев, изображающие лес, или любые другие макеты, которые создавали художники-постановщики Колизея. Рабы, менявшие декорации, проделывали эту работу, находясь между стеной подиума и внутренним барьером. Барьер примыкал к стене подиума у Ворот Жизни и Ворот Смерти. В этих двух местах нельзя было использовать нависающие сети. Поэтому, по словам Кальпурния, на краю стены были установлены вращающиеся колеса из слоновой кости, препятствующие животным взбираться на подиум.

Должно было найтись место на арене и для высоких мачт, поддерживавших огромный тент, предназначенный для защиты зрителей от солнца и дождя. Этот тент назывался веларием. Он был как бы «потолком» Колизея. В центре велария было большое круглое отверстие диаметром в несколько метров. Мы знаем, что по всей окружности Колизея, на самом его верху, было установлено 240 мачт. До сих пор сохранились углубления, куда они устанавливались. Края велария прикреплялись к мачтам. И если римляне не придумали какого-то сверххитроумного изобретения, чтобы поддерживать веларий, то иного способа, кроме установки высоких мачт, поднимающихся от арены к самому веларию, представить невозможно. Вероятно, под веларием имелись узкие деревянные мостики, как в современных павильонах Голливуда, поскольку античные авторы писали о том, как летающие маленькие мальчики с привязанными крыльями раскачивались на невидимых проволоках, изображая купидонов. Часто, инсценируя какой-нибудь миф, крупных животных, например, быков поднимали невидимыми канатами к самому веларию, роспись на котором изображала небо. Для того, чтобы такие трюки были возможны, над ареной под веларием должна была иметься платформа с блоком и полиспастами, приводимыми в движение квалифицированным персоналом. Как бы ни были сложны механические чудеса, которыми управляли эти люди, в их работе редко случались сбои. Если таковые все же происходили, то виновных служителей либо бросали на арену на растерзание диким зверям, либо их убивали гладиаторы.

Расписание игр было плотным. Каждую минуту на арене должно было что-нибудь происходить. В противном случае толпа на трибунах начинала скучать. Тот, кто имел когда-либо отношение к современному цирку, знает, какой большой проблемой является соблюдение основного правила: вовремя на-

чать и кончить номер. Особенно трудно соблюдать это правило, когда в номере участвуют животные. Римлянам же приходилось выдерживать график выступлений диких животных и преступников, приговоренных к смерти на арене, поэтому их проблемы были еще сложнее. Масштаб их работы был грандиозен: игры часто продолжались два месяца, и иногда на арене бывало до пяти тысяч зверей одновременно. Вывести такое огромное количество животных из клеток и доставить на арену было фантастически трудной задачей.

Мы можем составить себе представление о том, как это делали римляне, изучив лабиринт проходов под ареной. Римляне использовали по крайней мере четыре способа доставки животных на арену. Клетки вытаскивали по нескольким пандусам на арену и помещали в ниши в основании стены подиума. По сигналу все двери одновременно открывались, и в тот же момент рабы через специальные отверстия в верхней части клеток бросали туда горящую солому, чтобы заставить животное выйти из клетки. Животные выходили на арену по проходам, ведущим из клеток к внутреннему барьеру, подобно тому, как в современном цирке львы выходят в большую клетку на арене. Возможно, что клетки с животными некоторое время до выступления держали в нишах подиума. Как только предыдущее действие /состязания на колесницах, гладиаторский бой и т.д./ заканчивалось, клетки быстро вытаскивали из ниш, тащили к отверстиям внутреннего барьера и открывали их для выхода зверей на арену.

Другой метод, вероятно, использовался для животных, менее опытных, чем огромные кошки. Он заключался в том, что животных выпускали в проходы, ведущие к арене, а затем заставляли двигаться по этим проходам, отгесняя их переносным деревянным щитом, который точно соответствовал размерам и конфигурации прохода. На щите были выступы, которые входили в щели на стенах и тем самым препятствовали движению щита в обратном направлении, так что животное не могло толкнуть его назад. Эти щели можно видеть и в наши дни.

Был еще один способ. Животных доставляли на арену при помощи подъемников. Это напоминало существующие на современной театральной сцене люки с подъемниками. Подъемник опускали по шахте в подвал, загоняли в него животных, затем поднимали до уровня арены. Делалось все это с помощью воротов. В определенных случаях использовали специальные клетки, которые разваливались на части после выдергивания определенных штифтов. Такие клетки выносили на арену, вы-

дергивали штифты, и животные выходили из них, как только стенки клетки падали. У римлян были также клетки, две боковые стенки которых прикреплялись к задней на петлях, и они могли быть одновременно отброшены в сторону, полностью освобождая животных. Все эти приспособления были необходимы потому, что обычным способом заставить испуганное животное покинуть клетку было почти невозможно.

В один и тот же день арену могли затопить водой для проведения наумахии, заставить деревьями, изображавшими лес, возвести на ней искусственную гору, засаженную кустами и цветами с текущими по ней ручьями. Потом арена очищалась для проведения состязаний на колесницах. А вслед за этим устраивалась битва, изображавшая осаду Рима Ганнибалом. В армии Ганнибала были слоны и катапульты, а модель Рима защищали легионеры, осужденные за воинские преступления. Тысячи рабов участвовали в этих зрелищах, и каждый действовал по четкому графику. Разворачивали и сворачивали огромный веларий над Колизеем матросы императорского флота, поскольку только они могли управляться с таким огромным полотнищем. И сейчас еще видны отметины, оставленные тершимися о каменные стены веревками.

ГЛАВА ПЯТАЯ

К тому времени, когда был построен Колизей, зрелища с участием зверей стали важной частью игр. Издавна в играх демонстрировали дрессированных животных или показывали охоту на диких козлов и антилоп. Потом в цирках появились львы, леопарды, медведи и тигры, с которыми сражались гладиаторы. При Августе в клетку с дикими зверями бросили бандита по имени Селур. Это зрелище произвело такое впечатление на зрителей, что с тех пор в ходе игр постоянно стали бросать на растерзание зверям осужденных преступников. Использование на арене диких животных стало столь разнообразным и сложным, что для проведения номеров с ними стали привлекать специально обученных людей — bestiариев. Зрелища с животными особенно любила чернь. Высшие классы предпочитали гладиаторские бои. Bestiариев готовили в специальной школе. У них были свои традиции, своя форма и свой профессиональный жаргон.

Одного из знаменитых bestiариев звали Карпофор. Мы знаем о нем со слов поэта Марциала, который с восторгом писал: «Карпофор мог бы одновременно справиться с гидрой, химерой и пожирающими огонь быками». Это все, что мы знаем о Карпофоре.

Попробуем воссоздать собирательный образ прославленного bestiария времен императора Домициана, то есть вскоре

после сооружения Колизея. Назовем нашего героя Карпофором.

Предположим, что Карпофор был свободным человеком. Его родители были вольноотпущенными. Они умерли, оставив мальчика без средств к существованию. Римская чернь презирала детей бывших рабов. Из-за этого предрассудка Карпофору было сложнее найти работу, чем большинству других римлян. Мальчик рос вблизи Большого цирка, цирка Фламиниев, цирка Нерона и других больших и малых цирков Рима, включая передвижные, которые устраивали представления в любом подходящем открытом месте и демонстрировали истасканных гладиаторов и побитых молью львов. Маленький Карпофор таскал воду для слонов, чистил клетки, полировал доспехи гладиаторам и был на побегушках за несколько медных монет и питание.

Ночью мальчик спал под арками Большого цирка. Сотни арок поддерживали трибуны, образуя целый лабиринт пересекающихся проходов, отверстий, выходов и узких щелей, через которые мог пролезть только ребенок. Карпофор научился ориентироваться в этом хитросплетении с завязанными глазами. Здесь, «под трибунами», существовал свой особый мир, населенный предсказателями будущего, астрологами, проститутками, продавцами фруктов и сувениров, сосисок и гамбургеров. Все эти люди составляли одно братство, зарабатывающее себе на жизнь на зрителях, приходящих в цирк. Те, кому надоело смотреть игры, спускались в этот подпольный мир отве-дать различных блюд, выставленных на лотках, достать бурдюк вина, поглазеть на сирийских и мавританских танцовщиц, исполнявших непристойные танцы под музыку барабанов, цимбал и кастаньет, попользоваться услугами пухлых разма-леванных мальчиков, слоняющихся вокруг и около с задран-ными туниками и выставленными напоказ ягодицами.

Карпофор вырос в этом мире. Одно время он мечтал стать знаменитым гладиатором, потом — прославленным возничим, но его настоящий талант был в работе с животными. Он подобрал на улице пару бездомных собак и научил их танцевать на задних лапах, ходить по проволоке, зловеще выть, когда их спрашивали: «Что ты думаешь об упряжках Красных, Белых и Голубых?» и лаять с энтузиазмом, когда их спрашивали: «А что ты думаешь об упряжках Зеленых?». Последнее бывало тогда, когда у спрашивающего был зеленый цветок или шарф. Поскольку собаки реагировали не на слова, а на тайные движения

руки Карпофора, они скулили или лаяли на любой цвет по его желанию.

У мальчика не было иллюзий в отношении своего ремесла, римской черни и самого императора. Однажды он бегал за вином для плотников, работавших для арены и соорудивших великолепную галеру, так хитроумно сконструированную, что, когда из нее вытаскивали один шпунт, весь корабль разваливался на куски. Предполагалось, что эта галера готовится для какого-то зрелища. В самом деле подобную галеру использовали в играх неделю назад, и император Нерон очень ею заинтересовался. Когда галера была построена, ее переправили в порт Вайа. Месяц спустя стало известно, что император как любящий сын подарил императрице-матери Агриппине новую великолепную галеру, но она по непонятным причинам развалилась на куски посередине залива. Некоторые плотники насплетничали об этом, и вскоре жизнь их кончилась на арене. Карпофор держал язык за зубами, но этот случай укрепил в нем веру в то, что весь мир похож на арену: в нем нет места справедливости и милосердию, и в нем выживают лишь энергичные и безжалостные.

Через некоторое время Карпофор получил место помощника bestiариев в цирке. Он изучил их технику обращения с опасными дикими животными. Однажды один из bestiариев попытался выгнать медведя с арены, используя плеть со свинцовыми шариками на концах, но медведь бросился на него и схватил за плечо. Юный Карпофор вырвал у раба-служителя пучок пылающей соломы и прогнал медведя прочь. Слухи об этом случае дошли до одного из инструкторов школы bestiариев, и он пожелал поговорить с юношей. Он предложил Карпофору пройти курс обучения в этой школе, но Карпофор должен был за это стать его рабом на следующие десять лет. Карпофор принял предложение инструктора и временно стал его рабом. В школе он провел два года, изучая методы обращения с различными животными, от лисиц до слонов.

Хотя все в школе восхищались умением молодого человека обращаться с животными, его очень не любили. Даже самые проникательные из его учителей не предполагали, что этот угрюмый и замкнутый юноша в один прекрасный день станет лучшим bestiарием Рима. Он был невысокого роста, смуглый, плотного телосложения, его нельзя было назвать неуклюжим, хотя изящным его тоже никто не назвал бы. В то время считали, что хороший bestiарий должен быть строен и подвижен, как современный матадор. Карпофор не был общительным. Жизнь

сделала его подозрительным и научила не доверять людям. Это было одной из причин, почему он так страстно любил работать с животными. Его замкнутость и отчужденность не нравились его товарищам по школе. Они считали его надменным, а он смотрел на них как на сборище дилетантов. Большинство из них до прихода в школу не выступало с дикими животными на арене. Карпофор же работал с животными с раннего детства. Он также был невысокого мнения о своих наставниках. Они больше напирала на теорию и книжные знания и все время цитировали Аристотеля и Плиния. С точки зрения Карпофора ни один из этих ученых господ ничего не знал о животных. Они считали, что кобыла может забеременеть, если южный ветер подует ей под хвост. Карпофор знал, что это ерунда.

Но обучение в школе научило его многому, чего он не знал, работая мальчиком, убирающим клетки. Как существовало много типов гладиаторов, так существовало и много типов бестиариев: бестиарии, убежавшие от хищников; бестиарии, увертывающиеся от зверей; бойцы с быками, дрессировщики львов; бестиарии, прыгающие с шестами, и т.д. Карпофор обладал большой силой и жесткой техникой, поэтому он стал венатором, то есть охотником. Он научился как следует драться с дикими животными голыми руками: душить их или ломать им шею. Он научился, набрасывая львице на голову плащ, лишать ее возможности видеть, а затем убивать, ломая ей хребет ударом ребра ладони. /Римские писатели утверждали, что бестиарии могли это проделывать/. Он также бился с медведями, держа в одной руке покрывало, чтобы отвлекать этим внимание зверя, а в другой — меч.

Для того, чтобы научить Карпофора увертываться от нападения зверей, его выставляли против леопарда и быка, связанных длинной веревкой. Поскольку бык бегал так же быстро, как и леопард, увернуться от последнего было труднее, чем если бы он был просто привязан к столбу, но гораздо легче, чем если бы леопард был свободен. Другой бестиарий с копьем находился позади животных и подталкивал их к Карпофору. Карпофора выставляли также одновременно против льва и леопарда, и он учился увертываться от обоих. Его заставляли лежать на земле, выпускали дикого кабана, и Карпофор учился вскакивать в последний момент, чтобы увернуться от нападения. Он научился раздражать диких животных, разрешая им почти настигнуть себя, но в последний момент перепрыгивая через низкий забор или за деревянный щит /как в современных боях быков/. Целью этих маневров было только разъярить

животных, чтобы они потом набросились на осужденных преступников, выведенных на арену.

Естественно, Карпофор вскоре был весь покрыт шрамами, но, как и все бестиарии, он гордился ими, как солдат гордится своими медалями, и смотрел на них, как на знаки своего профессионального мастерства. Карпофор мог подробно рассказать, как и когда он получил каждый из них.

У молодого бестиария было два серьезных недостатка: он много пил и имел бешеный нрав. Ученикам школы было запрещено пить спиртное, за исключением разбавленного вина во время трапезы. Но Карпофор добывал выпивку окольными путями.

Одним из его заданий в школе было воспитать леопарда людоедом. Это было сложно, так как ни одна большая кошка сама не бросается на людей. Первая часть обучения состояла в преодолении инстинктивного страха леопарда перед человеческим существом. Для этой цели более всего подходил леопард, рожденный в неволе и поэтому не боявшийся людей. Обычно выбирался самый свирепый взрослый детеныш. Обвязанный мягкими тканями бестиарий приближался к леопарду и притворялся испуганным. Как только леопард бросался на него, бестиарий падал на пол клетки и начинал кататься по полу, изображая агонию. Вид распростертой жертвы побуждает любое агрессивное животное к нападению. К бестиарию были привязаны куски мяса. Таким способом леопарда обучали быть убийцей. Животное всегда побеждало в этих учебных боях, и дрессировщик никогда его не бил и не наказывал.

Леопарда кормили человеческим мясом, которого всегда было много в цирке. А позднее его подстрекали к нападению на рабов. Предварительно рабам ломали руки и выбивали зубы, чтобы они не могли оказать никакого сопротивления: ведь отчаявшийся человек мог убить леопарда голыми руками /Карл Экели, исследователь Африки, сделал это/. Даже если леопарду бросали женщин или детей, надо было быть уверенным, что победа достанется ему без труда. Когда животное уже было уверено в своих силах, ему бросали для убийства неискалеченных рабов. Если раб слишком успешно сопротивлялся, наблюдавший за схваткой бестиарий убивал его ударом копья.

Людоед Карпофора был прекрасно обучен. Он никогда не нападал на Карпофора или кого-нибудь другого, кроме человека, специально выставленного для него на тренировочной арене. Он привык пожирать людей только в этих специфических условиях и умер бы от голода в лавке мясника, поскольку не

воспринимал мясо, как что-то съедобное. /Это может показаться невероятным, но это правда. Ставший людоедом лев или тигр бросается через стадо овец к пастуху и не трогает только что убитую корову, поскольку он потерял вкус к чему-либо другому, кроме человеческого мяса. Так было с двумя знаменитыми львами-людоедами в Цаво /Кения/, задержавших строительство железной дороги на три недели. Эти два льва игнорировали оставляемых для них козлов, крупный рогатый скот и даже зебр, которыми обычно любят лакомиться львы. Их в конце концов заманили в клетку-ловушку из двух отсеков, в одном из которых сидело два человека. Даже когда этих львов расстреливали, они пытались добраться до людей/.

Леопард Карпофора так утвердился в своей манере поведения, что молодой бестиарий брал его на прогулку рядом с загонами, где находились антилопы, предназначенные для арены. Леопард не обращал на них никакого внимания. Однако на всякий случай Карпофор всегда держал его на поводке. Однажды Карпофор выпил лишку и не взял леопарда на поводок во время водопоя. К несчастью, что-то испугало антилоп, и они бросились бежать. Вид так близко бегущих от него животных пробудил в леопарде охотничьи инстинкты, и он прыгнул на сернобыка. Карпофору не удалось оттащить в сторону леопарда, вцепившегося в бок сернобыка своими длинными когтями. В слепой ярости Карпофор ударил его по голове цепом со свинцовыми шарами и убил на месте с первого удара.

Молодой бестиарий убил животное, которое было дороже, чем он сам. Разъяренный инструктор школы бестиариев, которому продал себя в рабство Карпофор, приказал бросить его на растерзание диким зверям на следующих играх. Карпофор принял свою судьбу в угрюмом молчании. Но использовавшиеся как палачи звери были хорошо известны Карпофору. Когда его выгнали на арену, он подошел к группе львов, тигров, леопардов и медведей и закричал: «Хеопс! Лесбия! Ложись, Ирод! Ты хорошая девочка, Кипрос!» Озадаченные животные оставили его в покое и стали драться друг с другом. Это зрелище так поразило зрителей, что они потребовали освобождения Карпофора. Он вернулся в школу. После этого случая он никогда не пил во время работы с животными и старался держать себя в узде.

Окончив школу, Карпофор стал работать бестиарием на арене. В отличие от своих товарищей он никогда не забывал, что его основная задача — развлекать толпу, а не демонстрировать замечательные трюки, которые могли оценить только

другие бестиарии или несколько знатоков с подиума. Так как он вырос под трибунами, то знал, что цирком управляет чернь, а не интеллектуалы из первых рядов и не старые бестиарии, сидящие по вечерам в винной лавочке Чило на Аппиевой дороге, описывающие свои былые подвиги молодым бестиариям, которые почтительно слушали их, открыв рот и веря каждому слову. Например, эти старики считали большим достижением научить самцов оленей тащить колесницу. Эти животные очень пугливы, и лишь немногим бестиариям удавалось проделать этот трюк: в Египте дрессировщики Птолемея обучили самцов оленей везти колесницу их царственного хозяина, и в Греции жрица ездил в экипаже, который тащили эти животные. Каждый бестиарий мечтал о повторении этого трюка, каждый, но не Карпофор. Он знал, что на публику этот трюк не произведет впечатление. Зрители так же оценили бы тянущих колесницу зебр или страусов, хотя это было сделать несравненно легче. Их вообще не интересовали экзотические животные, запряженные в колесницу. Они хотели более захватывающего зрелища. И Карпофор решил подготовить для них такое развлечение.

Сексуальные сношения между женщинами и животными часто показывали под трибунами, подобно тому как их сегодня демонстрируют на площади Пигаль в Париже. Такие зрелища показывали время от времени и на арене. Проблема состояла в том, чтобы найти животных, которые бы делали то, что от них требовалось. Осла или даже большую собаку, которые бы добровольно совокупились с женщиной перед кричащей толпой, было трудно найти, и, конечно, требовалась помощь со стороны женщины. Если женщина хотела совокупления сама, то это мало развлекало толпу. Бестиарии упорно пытались научить животных насиловать женщин. Для этого обычно женщин покрывали шкурами животных или помещали их в деревянные модели коров или львиц. Во время представления пьесы под названием «Минотавр» Нерон приказал поместить актера, исполнявшего роль Пасифая, в деревянную корову, а актеру, изображавшему быка, совокупиться с ним. Однако эти приспособления оказались неэффективны при работе с настоящими животными, и этот проект пришлось оставить.

Карпофор, набравшийся с раннего детства опыта под трибунами, очень хорошо понимал, в чем тут дело. Животные в основном ориентируются с помощью обоняния, а не зрения. Молодой бестиарий внимательно следил за всеми самками в зверинце и, когда у них наступала течка, пропитывал их

кровью мягкие ткани. Эти ткани он пересчитал и отложил. Затем он нашел под трибунами женщину, согласившуюся помогать ему. Используя совсем ручных животных, не обращавших внимания на шум и столпотворение вокруг них, он побуждал их совокупляться с женщиной, завернутой в заготовленные ткани. Как и во время работы с людоедами, он создавал у животных привычный образ поведения и никогда не давал им возможности вступать в контакт с самками своего вида. По мере того, как к животным приходила уверенность, они становились агрессивными. Если женщина, следуя инструкциям Карпофора, защищалась, гепард вонзал свои когти ей в плечи, хватал ее за шею зубами, тряс и вынуждал подчиниться. Карпофор использовал несколько женщин для того, чтобы хорошо натренировать животных. Изнасилованная быком или жирафом женщина обычно не переживала испытания, но он всегда мог достать сломленных жизнью старых проституток из провинции, которые не понимали в полной мере, в чем заключается их работа до тех пор, пока не было слишком поздно.

Карпофор произвел сенсацию своими новыми трюками. Никто не представлял себе львов, леопардов, диких кабанов и зебр, насилюющих женщин. Римляне очень любили представления на мифологические сюжеты. Зевс, царь богов, часто насиловал молодых девушек, принимая облик различных животных, поэтому такие сцены могли быть представлены на арене. Карпофор поставил сцену изнасилования быком молодой девушки, изображавшей Европу. Зрители неистово аплодировали.

Апулей оставил нам живое описание одной из подобных сцен. Отравительница, отправившая на тот свет пять человек с целью завладеть их состоянием, должна была быть растерзана на арене дикими зверями. Но сначала, чтобы увеличить муки и позор, ее должен был изнасиловать осел. На арене была поставлена кровать, отделанная черепаховыми гребнями, с матрасом из перьев, покрытая китайским покрывалом. Женщину растянули на кровати и привязали к ней. Осел был обучен вставать коленями на кровать, иначе ничего бы не получилось. Когда совокупление закончилось, на арену выпустили диких зверей, и они быстро положили конец страданиям несчастной женщины.

Карпофор держал свой метод обучения в глубоком секрете, притворяясь, что все дело в особом амулете, который он всегда вешал на шею животного перед тем, как выпустить его на арену. Хотя ему предлагали за амулет огромные деньги, он

отказывался продать его. В конце концов он дал его своему хозяину из школы бестиариев в обмен на досрочное освобождение. Как-то получилось, что амулет с тех пор никогда не действовал.

Бестиарии старого закала презирали Карпофора. Они утверждали, что, ставя грязные зрелища, он унизил их благородную профессию. Они, правда, забыли, что в годы их молодости старые бестиарии осуждали их самих за то, что они учат хищников пожирать беззащитных мужчин и женщин. В действительности, обе стороны были достойны друг друга. Зрелища все больше деградировали. Что когда-то было демонстрацией настоящего мужества и искусства, хотя и зверского, постепенно становилось только предлогом для жестких и сексуально извращенных зрелищ.

Хотя Карпофор хвастал, что ему наплевать на то, что говорят о нем бестиарии-ветераны, их презрение раздражало его. Поэтому он продолжал драться на арене как венатор. Однажды он даже убил двадцать диких зверей, по-видимому, голыми руками. Что это были за звери, отчеты не сообщают. В жесткой и опасной работе Карпофору не было равных. В результате он стал единственным бестиарием, чье имя дошло до нас.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Опираясь на свидетельства Марциала, Светония и других римских писателей, давайте представим себе один день в Колизее во времена императора Домициана.

Распространение билетов начиналось за несколько дней до игр. Билеты распространяли специальные уполномоченные, спекулянты их перепродавали, эдитор бросал билеты в толпу. Те, кому не удалось достать билет, выстраивались в очередь перед входами в цирк, надеясь захватить хотя бы стоячее место. Все приносили с собой еду. Акробаты, музыканты и танцовщики развлекали их, надеясь, что кто-нибудь из толпы бросит несколько монет. Билетеры, которых называли локариями, то есть людьми, указывающими места, помогали имеющим билеты найти свое место. Когда все зрители с билетами рассаживались, солдаты, охранявшие входы, отходили в сторону, и безбилетники бросались через проходы на верхний ярус, чтобы захватить стоячие места. Каждый думал только о себе. Женщин сбивали с ног, топтали детей, в проходах и на пандусах возникали драки. В одной такой давке погибло 40 человек. В конце концов огромный амфитеатр заполнялся. На верхнем ярусе вокруг мачт, поддерживавших веларий, толпилось столько людей, что матросам императорского флота отвечающим за веларий, было очень трудно работать.

Свет, проходя сквозь красную ткань велария, приобретал красноватый оттенок, поэтому все пространство амфитеатра было залито ровным алым сиянием. Под защитой велария про-

ведение игр уже не зависело от погоды. В рекламе игр исчезли фразы вроде: «Если позволит погода» или «Состоится независимо от того, будет солнце или дождь».

Фонтаны, которые служили в основном для того, чтобы создавать в цирке прохладу, разбрызгивали ароматизированную и подкрашенную воду. Мраморные боги и богини держали в руках урны, дельфинов, откуда били водяные струи. По-видимому, статуи могли «потеть» духами с помощью специальных приспособлений. Но через аромат благовоний уже пробивались тяжелые запахи пота, кожи, чеснока и вонь от зверей с выгульных площадок под ареной. Потом запахи станут еще резче и будут бить прямо в нос.

Ров был заполнен водой, которая все время циркулировала и охлаждалась специально привезенным с гор снегом, что было совершенно необходимо, поскольку к полудню амфитеатр превращался в раскаленную печь.

Летом в Риме жарко. Без велария, защищавшего зрителей от горячих лучей солнца, сидеть в амфитеатре было бы просто мучением. Как-то раз Калигула, желая наказать чернь за критику одного из устроенных им зрелищ, приказал убрать веларий и держал людей в амфитеатре под прямыми лучами солнца несколько часов. Многие умерли от солнечного удара. В цирк зрители приходили в легчайших тогах или туниках без рукавов, приносили веера.

Уличные торговцы, продававшие прохладительные напитки, с трудом пробивались через забитые людьми проходы. В клетках под ареной рычали львы, выли волки, трубили слоны. Зрители были заняты заключением пари друг с другом и с букмекерами, которые перелезали из одного ряда в другой, выкрикивая соотношения шансов собиравшихся вступить в бой гладиаторов. Шум толпы был похож на шум «прибоя в шторм», как писал один римский поэт.

Веларий хлопал на ветру, и цвет проходящего через него света постоянно менялся. Веларий был сделан из шерстяной ткани, так как холст оказался слишком тяжелым для такого огромного пространства, которое надо было накрыть. Большая часть велария была красного цвета, но, по-видимому, некоторые его части были и других цветов, поскольку римские поэты описывали, как волны света, идущие сквозь постоянно колеблющийся веларий, окрашивали белый мрамор статуй то в красный, то в желтый, то в лазурный цвета.

Амфитеатр был настолько высок, что при взгляде вниз с верхних рядов кружилась голова. Деревянный настил арены

был покрыт свеженасыпанным песком, который специально для этих целей привозили из Египта. Песок сверкал в приглушенном свете, заливающим арену, потому что по песку были разбросаны полудрагоценные камни. А Нерон однажды засыпал арену золотым песком. Песок сам по себе был прекрасным материалом для покрытия арены, поскольку он хорошо впитывал кровь. Само слово «арена» означает на латыни песок. Перед мраморным алтарем, установленным в середине арены, жрецы совершали жертвоприношения. В далекие времена приносились и человеческие жертвы. Алтарь был посвящен Юпитеру Лависте. Жрецы были одеты в широкие белые одежды с красными перевязками. Они вывели белого быка и двух баранов в золотых головных уборах. На алтаре уже горел огонь. Другие жрецы разбрызгивали над алтарем вино и благовония. С большими церемониями животных принесли в жертву. Жрецы исследовали внутренности жертвенных животных, чтобы понять, хотят ли боги начала игр. Цирк был набит до отказа, и богам лучше было хотеть этого. Гадание на внутренностях жертвенных животных показало, что боги действительно хотят, чтобы игры начались. Жрецы размахивали курильницами с благовониями и пели гимны, а в это время рабы уже убирали алтарь и туши убитых животных.

На подиуме уже собрались избранные. Первые 36 рядов предназначались тем, кто принадлежал к высшему классу римского общества. Император еще не приехал, но прибывшие в Рим иноплеменные властители со свитами уже заняли свои места. Белокурые бородатые галлы дивились на окружавшие их чудеса. Здесь были сигамбрийцы с длинными косами, завязанными в узлы, эфиопы с волосами, похожими на шерсть, персы в красных и голубых халатах, шитых золотом, жители Британии в рубахах и свободных штанах, скифы из русских степей и греки в белых широких одеждах. Все эти народы были подвластны Риму, и толпа знала это. Римляне отпускали грубые замечания о варварах и еще более грубые замечания о своей собственной знати, сидевшей в первых рядах. Многие патриции были известны своей скандальной жизнью. Из толпы им кричали: «Эй, Италик, ты все еще любовник своей матери?», «Антония! Если гладиаторы переживут этот бой, их ждет более тяжелое испытание, когда они будут пытаться удовлетворить тебя!», «Приветствуем тебя, Гай! Тебе уже удалось сделать своего любовника трибуном преторианцев?». Патриции не обращали внимания на крики толпы, хотя были уязвле-

ны ее насмешками. Отвечать на насмешки они считали ниже своего достоинства.

Но вот до зрителей донеслись звуки музыки и шум приветствий. Это подходила к амфитеатру процессия, впереди которой шли рабы в золотых доспехах, звуками труб возвещая о ее приближении. Вскоре процессия через Ворота Жизни начала выходить на арену. Эдитор, дававший игры, ехал на колеснице, запряженной зебрами /римляне называли их «тигровыми лошадьми»/. Эдитором был болезненный молодой человек с безвольным выражением лица. Он был сыном влиятельной старой патрицианки, полной решимости добиться избрания этого глупого юнца на высокую выборную должность. Молодой человек уже выглядел крайне утомленным, потому что долгая езда в колеснице по улицам, когда приходилось все время стоять прямо, явно была ему не по силам. Он буквально сгибался под тяжестью золотого венка, усыпанного драгоценными камнями. Раб, ехавший с ним в колеснице, должен был все время следить за тем, чтобы венок не свалился у него с головы. На эдиторе была пурпурная тога, отделанная золотой тесьмой. Ему приходилось одновременно и управлять зебрами, и держать в руках скипетр из слоновой кости с золотым орлом. К счастью, ему фактически не приходилось править, так как опытные конюхи вели зебр под уздцы. Толпа иронически приветствовала молодого патриция. Если игры оправдают ожидания зрителей, то после игр они поприветствуют его по-настоящему и выберут на должность...

Перед колесницей маршировала группа музыкантов, играющих с большим старанием на рогах, флейтах и дудках. За колесницей шли клиенты в белых одеждах и рабы с платками, на которых было написано, на какую должность претендует эдитор. Далее следовала длинная процессия платформ на колесах, запряженных лошадьми, мулами и слонами. На каждой платформе стояла статуя бога или богини, а также жрецы, которые курили фимиа на алтарях, стоящих перед статуями. На другой платформе группы юношей и девушек представляли живые картины на мифологические сюжеты. Процессия обошла арену под возгласы приветствий, свист и крики: «Сойди с колесницы и уступи место матери. Пусть она едет на колеснице!», «А ты хорошенький, сахарная слива. Давай встретимся под трибунами, и ты получишь мой голос». На эти долгие официальные парады толпа смотрела, как на пустую трату времени. Существовала даже пословица: «Утомительный, как цирковая процессия». Но эти процессии, как телереклама в

наши дни, были необходимы: эдитор, дававший игры, хотел, чтобы все хорошо запомнили, за кого надо голосовать.

Утомленный молодой человек сошел с колесницы, спотыкаясь от усталости. С помощью рабов он добрался до своего места на подиуме, где уже сидела его мать. С вздохом он упал в кресло. Рабы сняли с его головы золотой венок. Молодой человек попытался вытереть пот с лица рукавом, но его мать гневным жестом остановили его.

Звук трубы возвестил о прибытии императора Домициана. Он вошел в ложу через задний вход. Императорская ложа была на помосте, возвышающимся над подиумом. Четыре колонны, увенчанные статуями свободы, поддерживали балдахин. Домициан любил только жесткие игры /на досуге он развлекался тем, что накалывал мух на булавки/. Император был толстым человеком с выпуклыми водянистыми глазами и совершенно лысый. Его частная жизнь была такова, что его за глаза называли «старым козлом». Во время игр он всегда держал при себе маленького мальчика с очень маленькой головкой и советовался с ним обо всем, видимо, полагая, что этот ребенок обладает сверхъестественной способностью угадывать, кто будет победителем. Домициан имел собственную школу гладиаторов и был, в конце концов, убит одним из своих гладиаторов, подкупленной группой честолюбивых политиков.

Домициан был скуп. Он не делал игр, поэтому его не любили и считали скрягой. Весталки в белых одеждах вошли в свою ложу, которая находилась рядом с ложей императора. Прозвучала другая труба, и начался парад участников. Возничие ехали в колесницах. Гладиаторы маршировали в военном строю. Слоны несли башенки, в которых сидели вооруженные люди. Ехали верхом конные нубийцы. Шла кавалерия императорской гвардии. Бестиарии вели дрессированных слонов. Страусы тащили легкие колесницы. Шли заклинатели змей с обвившимися вокруг них питонами. А вот появилась группа бойцов с быками, мужчин и женщин, на которых были только набедренные повязки. За ними наездники в роскошных костюмах ехали верхом на жирафах, оленях, антилопах и даже на прирученном носороге. Люди тянули клетку с редкими животными, недавно привезенными в Рим. Шла группа пигмеев из леса Итури в Центральной Африке.

В процессии были парфянские лучники, сирийские пращники, рыжие ирландцы с дубинами, ассирийцы с цепями, египтяне с топорами, возвращавшимися после броска подобно бу- мерангу, африканские метатели камней, эсседарии,

бросающие арканы с колесниц, германцы с дротиками, индийские сикхи, бросавшие кольца с заточенными краями, лапландцы с копьями и приспособлениями для их метания, обитатели Андаманских островов с гарпунами. Маленькие мальчики, изображавшие купидонов, с игрушечными луками и стрелами бегали по арене и метали в толпу легкие стрелы. К каждой стреле был привязан лотерейный билет. Группы хорошеньких девушек, единственной одеждой которых была гирлянда цветов вокруг талии, бросали лепестки роз под ноги процессии. Карлики, одетые в шутовские костюмы, многие с огромными, ярко окрашенными фаллосами, бегали вокруг, кувыркались, делали стойки на голове и выполняли простые акробатические трюки. В конце процессии шел, блистая золотыми доспехами, отряд преторианский гвардии.

Пройдя под бурные аплодисменты круг по арене, участники процессии выстроились перед императорской ложей, отсалютовали Домициану, затем молодому эдитуру. Он был застигнут врасплох, и его матери пришлось толкнуть его, чтобы он не забыл подняться и ответить, как положено. Большинство участников игр покинуло арену, но некоторые гладиаторы задержались. Они расхаживали перед толпой и кричали хорошеньким девушкам: «У тебя есть шанс, малышка, обнять меня перед тем, как меня обнимет смерть». Некоторые гладиаторы, гордившиеся своей фигурой, были полностью обнажены, если не считать венков на голове. Их тела блестели от оливкового масла. Вместо оружия они несли пальмовые ветви. Они напрягали мускулы, сцепив пальцы рук, играли бицепсами, поднимая руки в стороны и отводя при этом плечи назад. Толпа громко выражала свой восторг. Большинство женщин смущенно опускали глаза вниз, но при этом бросали украдкой взгляды на великолепные фигуры гладиаторов, стоявших прямо перед ними. Крики «Я поставил на тебя, Прим!», «Угости их холодной сталью, Памфил!» продолжались. В последнюю минуту зрители спешили сверить имена, шансы и оружие указанных в программе гладиаторов.

Когда все ушли с арены, наступило минутное затишье. Затем раздался звук трубы, и сразу же сотни диких зверей начали заполнять арену. По традиции игры начинались с венации, то есть охоты на диких зверей.

Число и разнообразие животных в таких охотах были поразительными. Марциал писал, что однажды в шестидневных играх было убито девять тысяч животных. Здесь были олени, дикие кабаны, медведи, быки, антилопы, козероги, шакалы,

страусы, журавли, дикие лошади, гиены, леопарды и стадо домашнего скота «для массы». Казалось, что вся арена была покрыта лоскутным одеялом из разноцветных шкур.

Драки вспыхивали то здесь, то там, но поскольку арена была переполнена, а животные совсем потеряли голову от страха, то драки затихали сами собой, так как давка разъединяла дерущихся. Многие животные, обезумев от ужаса, пытались хоть куда-нибудь убежать и спрятаться.

Восхищенные зрители кричали и с азартом подсчитывали на пальцах число животных на арене, поскольку каждое последующее представление должно было быть грандиознее предыдущего. При этом никто из зрителей ни на минуту не задумался над тем, какой огромный и слаженный труд потребовался, чтобы одновременно доставить на арену такое количество столь разных животных. Когда интерес к зрелищу сбившихся в хаотическую массу и дерущихся животных начал ослабевать, на арену выпустили лисиц с привязанными к хвостам горящими головнями. Лисицы металась среди животных, наводя на них ужас. Толпа ревела от восторга. Вялый по натуре Домициан возбудился от вида беспомощных животных, борющихся за свою жизнь. Он потребовал, чтобы ему дали лук. Жирный император был великолепным стрелком. В этом искусстве он упражнялся в своем поместье на пойманных животных. Домициану подали мощный персидский лук с тетивой из сухожилий, такой упругий, что когда он не был натянут, то выгибался в противоположную сторону. Приземистый император приплясывал от нетерпения, пока раб натягивал тетиву. Другой раб подал ему колчан, наполненный стрелами с павлиньими перьями. Домициан начал стрелять в беззащитных животных под одобрительные крики толпы. Часто ему удавалось не только пронзить животное стрелой насквозь, но и поразить этой же стрелой другое, стоящее рядом. Демонстрируя свою ловкость, он вонзил две стрелы в голову одного и того же животного, как бы украсив его рогами. Расстреляв более сотни животных, Домициан приказал рабу прыгнуть на арену, выбежать на середину и вытянуть в сторону руку с растопыренными пальцами. Домициан послал стрелы между пальцами раба. Толпа вопила от восторженного удивления. Патриции вежливо аплодировали. Поскольку арена все еще была полна обезумевших животных, рабу приходилось делать невероятные усилия, чтобы увернуться от их нападений. У него было отчаянное положение: ему одновременно приходилось следить и за животными, и за Домицианом. Толпа находила метания раба забав-

ными и смеялась до слез. Неожиданно на раба сзади напал бык, поднял его на рога, а потом бросил на землю. Раб упал между двумя медведями, которые начали рвать его на части. Крики раба заглушили на мгновение мычание скота и ржание пронзенных стрелами лошадей.

Домициан с широкой улыбкой на лице ждал смерти раба. Затем он двумя меткими выстрелами убил обоих медведей и сел, вытирая свое потное лицо, под гром аплодисментов.

Настала очередь профессиональных венаторов, в том числе и Карпофора. Они вышли на арену через те же входы, откуда выпускали животных. Толпа мгновенно определяла каждую группу венаторов. Некоторые из них несли только покрывало и кинжал против медведей. Кто-то был в полном вооружении гладиатора, готовясь отразить атаки быков. Другие несли копыя с круглыми металлическими дисками посреди древка. Они должны были сражаться с дикими вепрями. Диск препятствовал вепрю, насаженному на копые, рвануться вперед и убить охотника. Верхом ехали охотники на оленей. Они были вооружены копиями. Карпофор был одет только в свободную тунику, оставлявшую обнаженными его мощные руки. На шее у него висело несколько амулетов, приносящих удачу.

По сигналу молодого эдителя прозвучала труба. Под громкие звуки оркестра венаторы через проходы выбежали на арену. И тотчас арена заполнилась криками, истошными воплями, воем, мычанием, ревом, проклятиями и шумом схваток. Чернь любила зрелище охоты. Места для черни находились высоко, и оттуда, из-за мачт, поддерживающих веларий, арена просматривалась плохо, поэтому было трудно наблюдать за индивидуальными боями, чем могла наслаждаться знать из первых рядов. А в охоте было столько действий и участников, что, где бы ни сидел, ты мог всегда увидеть что-нибудь интересное. Зрители вскочили с мест и криками одобряли венаторов, хотя в цирке был такой шум, что никто не слышал даже собственного голоса.

Карпофор работал быстро. Перебегая от одной антилопы к другой, он хватал несчастное животное за рога, резко повернув голову, сворачивал ему шею и бросал умирающее животное на землю. Затем он тут же хватал следующее животное. Он убил подряд пять антилоп...пятнадцать...двадцать. Как свидетельствует Марциал, он убил еще по крайней мере одного леопарда. После падения каждого животного на трибунах вспыхивали аплодисменты, и не только в верхних рядах, поскольку патриции тоже наблюдали за Карпофором. Крики возрастали в ре-

гулярном ритме прибоя, по мере того, как Карпофор убивал одно животное за другим. Такую демонстрацию силы редко можно было увидеть на арене. По свидетельству Марциала Карпофор был суперзвездой.

Стадо животных сильно поредело. Карпофору стало все труднее ловить очередные жертвы. Тогда он перешел к другому приему. Заложив руки за спину, он направлялся к выбившимся из сил лисицам и испуганным до оцепенения шакалам и хватая их зубами за загривок, прокусывал его и таким образом убивал животное на месте. Иногда жертвы сопротивлялись, бросались на человека и вонзали зубы в подбородок или щеку венатора.

Карпофор не прибегал к помощи рук, чтобы оторвать их от себя. Он либо стряхивал животное, либо заставлял его разжать челюсти, катаясь по арене. Зрители были в истерике от восторга. Домициан сидел с открытым ртом, выпученными от восхищения глазами, и даже молодой эдитор, изнемогавший в своей тяжелой тоге, заинтересовался происходящим на арене.

Первая партия животных была почти истреблена. Рабы с лопатами, корзинами и граблями быстро очистили арену. Решетки перед входами заскрипели и поднялись. Карпофор прокричал предупреждение своим товарищам венаторам и стал спиной к внутреннему барьеру, то есть к высокой деревянной стене, отстоящей от стены подиума на 2-3 метра. На арене появились новые животные. В воздухе запахло горячей смолой и паленой шерстью. Это рабы с помощью пучков горячей соломы и раскаленных железных прутьев выгоняли животных на арену. Новые жертвы не были оленями, лисицами или антилопами. Это были львы, несколько тигров, много леопардов, диких собак и волков. Не отрывая глаз от арены, Карпофор поднял руки к верху внутреннего барьера. Тотчас же его рабы подали ему сверху щит и короткий меч. Рабы других венаторов тоже подали своим хозяевам новое оружие: плащи, подобные тем, которыми пользуются современные матадоры, пики, дротики и кинжалы.

Никто не ждал, что хищники нападут на бестиариев по собственной воле. Недавно пойманные, ошеломленные, истощенные жизнью в неволе, они думали только о бегстве. Но бежать было некуда. Если они искали защиты около внутреннего барьера, рабы раскаленными железными прутьями отгоняли их от стены. Карпофор выбрал ближайшего к нему молодого льва и, прикрывшись щитом, двинулся к нему.

Лев не обращал внимания на приближавшегося человека. Он выяснял отношения с другим львом. Карпофор подошел к

нему сбоку и ударил мечом. Но меч лишь проткнул льву шкуру, так как за секунду до удара лев отскочил в сторону, уклоняясь от своего противника, с которым он дрался. Раненное животное рванулось вперед и ударило Карпофора передними лапами — левой, потом правой, как боксер. Карпофор отразил удары щитом, и лев отступил, озираясь по сторонам в поисках пути к бегству.

Животное стояло у стены внутреннего барьера. Карпофор двинулся вперед, крикнув рабам не трогать хищника. Если льва тронуть раскаленным прутом, он помчится через арену, и тогда его будет невозможно остановить. Лев пристально следил за венатором. Карпофор кричал и размахивал мечом, пытаясь спровоцировать нападение льва, но тот не двигался. Карпофор прошел раз-другой перед животным, но лев не собирался нападать. А венатор не решался вступить в схватку со львом у стены, так как в этом случае у него не было бы пространства, чтобы увертываться от хищника. Наконец, потеряв терпение, он крикнул рабам: «Хорошо, дайте ему огоньку!».

Через щель в барьере высунулся раскаленный прут. Лев заревел от боли и прыгнул вперед. Карпофор приготовился отражать нападение, но обезумевший лев прыгнул прямо через голову венатора и исчез в массе животных.

Карпофор выругался и начал искать другую жертву. Рядом он увидел леопарда, который следил за ним немигающими глазами. Венатор понял, что большая кошка напряглась перед прыжком. Карпофор ненавидел леопардов: они действовали молниеносно. Со львами было куда легче иметь дело, но этот леопард был к Карпофору ближе, чем другие звери, а Карпофор не хотел, чтобы толпа считала, что он избегает схватки с леопардом. Из-за края щита он внимательно наблюдал за зверем, ожидая стремительной атаки.

Но все произошло так, как происходит всегда, когда имеешь дело с леопардом. Как ни был Карпофор внимателен, нападение все-таки оказалось неожиданным. Не успел Карпофор опомниться, а зверь уже был на нем, пытаясь ухватиться за гладкую бронзу щита задними лапами. К счастью, животное не понимало разницы между человеком и его щитом и продолжало терзать щит. Это и спасло Карпофора. Он три раза подряд вонзил меч в леопарда, пока смертельно раненая кошка не упала на песок, дергая в агонии лапами.

Карпофор развернулся в поисках следующей жертвы. Рядом один из венаторов набросил на льва накидку, лишив его таким образом возможности видеть, а затем одним ударом убил

его. Другой венатор пригвоздил волка к земле пикой и давил на нее, уклоняясь от зубов агонизирующего животного. Двое венаторов в доспехах медленно приближались к тигру с двух сторон. Тигр вертелся, пытаясь следить за обоими одновременно.

Находившийся в сильном возбуждении молодой венатор метнул в тигра дротиком и попал в животное. В данных обстоятельствах этого нельзя было делать. Когда дротик был еще в воздухе, Карпофор уже знал, что сейчас произойдет. Он бросился на помощь, но тигр уже прыгнул на одного из тяжелооруженных венаторов. Большая кошка весила более 500 фунтов, и человек упал, как подрубленный секирой. Мгновенно тигр сжал его голову челюстями и раскусил череп. Шлем венатора треснул, как глиняный горшок, под длинными клыками зверя.

«Копейщики! Копейщики!» — кричал Карпофор во всю силу своих легких, стремясь в то же время отвлечь внимание тигра. Вооруженный копьем венатор, подбежав, попытался ударить животное, но кошка отпрыгнула, ударив по наконечнику копья лапой. Затем тигр закружился на месте, пытаясь зубами вытащить застрявший в теле дротик.

Карпофор крикнул вооруженному мечом венатору: «Подойди к нему с другой стороны, а я подойду с этой». Венатор кивнул и стал обходить тигра. Карпофор грубо сказал копейщику: «Мы будем отвлекать внимание тигра, пока у тебя не появится возможность действовать копьем. Но не волынь». Подняв щит, он пошел на тигра.

Тигр перестал кусать дротик и повернулся к Карпофору, затем поджал задние лапы, готовясь к прыжку. Тигр следил за Карпофором, но не двигался.

Затем неожиданно, как это делает леопард, тигр прыгнул. Карпофор упал на одно колено, чтобы лучше принять удар, и прикрылся большим щитом. Тигр ударился в щит подобно тарану, выбив его из рук человека. Затем он схватил Карпофора за плечо и потащил через арену.

Карпофор снизу всадил меч в брюхо тигра. И в это же время он увидел, как копые вонзилось глубоко в грудь хищника. Вооруженный мечом венатор подскочил к тигру и одним страшным ударом разрубил ему череп. Мертвое животное рухнуло на распростертого на земле Карпофора.

Венаторы вытащили его из-под полосатой туши. Карпофор истекал кровью, но мог еще стоять. Вокруг него бушевали другие схватки. Один венатор держал леопарда за горло, ста-

раясь задушить его, хотя задние лапы леопарда вырвали ему внутренности. Четыре огромные желтые дикie собаки из гор Греции повалили другого венатора и растянули его на песке. Две собаки тащили его за голову и плечи, а две другие — за ноги. Пятая собака терзала гениталии беспомощного человека. Еще один венатор пытался вытащить пику из тела убитого им волка, а в это время сзади на него набросилась целая стая волков. Молодой венатор схватил львицу за хвост и держал, пока двое его товарищей разили ее своими пиками.

«Тебе лучше покинуть арену, — сказал один из венаторов. — Толпа разрешает тебе уйти». Зрители следили за подвигами Карпофора и беспокоились за него.

Карпофор не расслышал слов венатора. Ярость ослепила его. Внезапно его охватила дикая ненависть к хищным тварям. Он нагнулся и попытался поднять меч, но ему помешала страшная боль от раны, которую ему нанес тигр. Бок у него онемел. Карпофор выругался. Копейщик подал ему меч. Огромным усилием воли Карпофор заставил свои потерявшие чувствительность пальцы обхватить рукоятку меча.

Он направился к месту, где продолжались схватки между людьми и зверями, хотя кровь лилась у него из раненого бока и заполняла следы его правой ноги, когда он с усилием продвинулся вперед. Вооруженный мечом венатор и копейщик обменялись взглядами, покачали головой и пошли за ним. Толпа на трибунах кричала: «Не надо, Карпофор, не надо!» и махала платками, но Карпофор не обращал на зрителей внимания. Он твердо решил убить еще хотя бы одного тигра или погибнуть.

Домициан повернулся и отдал приказ человеку из своей свиты, а тот прокричал его трубачу. Трубач подал сигнал. И сразу же из Ворот Жизни вышел отряд тяжеловооруженных солдат с копьями. Они построились в шеренгу поперек дальнего конца арены и сомкнули щиты. Каждый щит входил в кронштейн соседнего щита. Таким образом арену перегородила сплошная стена из щитов. Большой прямоугольный щит закрывал воина от переносицы до колен. Перед щитами был сплошной ряд опущенных копий. Солдаты держали копья с такой точностью, что при взгляде сбоку казалось, что это одно копьe. По команде центуриона шеренга двинулась вперед размеренным шагом. Шаг легионеров был настолько точным, что им можно было измерять расстояния. Тысяча /milla/ таких шагов составляла 5280 футов, или то, что стало известно как миля.

За солдатами шли бестиарии с цепями со свинчаткой на случай, если какой-нибудь зверь вдруг прорвется через шеренгу. А вслед за ними на арену вышли гладиаторы, называемые андабатами. На андабатах были сплошные шлемы без прорезей для глаз, то есть они должны были сражаться вслепую. Оказавшись на арене, андабаты стали размахивать мечами, надеясь поразить кого-нибудь из своих противников-андабатов. Андабаты должны были развлекать зрителей во время паузы между охотой и следующим зрелищем. На арене все время должно было что-нибудь происходить.

Как только Начальник игр, должность которого была аналогична должности инспектора манежа в современном цирке, услышал сигнал об окончании охоты, он приказал открыть ворота, ведущие на пандусы. Приказ был немедленно выполнен. Рабы вынесли в проходы чаши с водой, чтобы приманить к ним измученных жаждой животных. Оставшиеся в живых хищники отступали перед равномерно двигавшейся на них линией копий. Большинство из них в конце концов нашло открытые ворота и выбежало через них. Здесь они жадно набросились на воду в чашах. Но двум львам и одному леопарду удалось преодолеть сомкнутый строй: львы перепрыгнули через солдат, а леопард прорвался через шеренгу. Бестиарии с цепями быстро выгнали животных с арены через Ворота Жизни.

Карпофор был в полузабытьи и не сразу понял, что охота закончилась. Он продолжал двигаться к оставшимся на арене животным, высматривая себе тигра. Копейщик потянул его за рукав. Он мягко сказал: «Охота кончилась, Карпофор. Солдаты освобождают арену для следующего зрелища. Давай уйдем отсюда». Карпофор отмахнулся от него. Бегущий от солдат волк пронесся мимо него, и Карпофор раздраженно поддал ему ногой. Тигров на арене больше не было.

Зрители, уже забывшие об охоте, наблюдали за андабатами, отмечая взрывами хохота их неловкие движения. За андабатами стояли рабы и подталкивали их друг к другу длинными вилами. Вдруг Карпофор увидел льва и тут же бросился к нему. Марциал пишет, что лев предпочел броситься на копья и погибнуть, чем встретиться с Карпофором.

Линия солдат приблизилась к Карпофору почти вплотную! Центурион заорал: «Уберите отсюда этого ненормального сукина сына!»

Венатор с накидкой незаметно подошел к Карпофору сзади и накинул ее ему на голову. Тотчас тяжеловооруженный венатор и копейщик схватили разъяренного бестиария. Хотя он

сопротивлялся как сумасшедший, они быстро скрутили его и вынесли с арены. Под трибуной уже ждали цирковые врачи.

Один из врачей распорядился: «Ребята, хорошенько прижгите ему рану». Карпофора втащили в комнату, где уже оказывали помощь нескольким bestiариям. Врач крикнул, и ему на помощь поспешили четыре огромных негра. Мгновенно оценив ситуацию, они схватили разъяренного венатора и потащили его к деревянной кровати, в ногах и в изголовье которой были кандалы. С помощью кандалов раненого удерживали на кровати. Карпофор сопротивлялся бешено, но негры были специалистами своего дела. Им было не привыкать иметь дело с гладиаторами и венаторами, обезумевшими от ран или жажды крови. Негры бросили Карпофора на кровать и надели ему на руки и ноги кандалы.

«Мой мальчик, тебе будет лучше через несколько минут, — успокоил его врач, готовя лекарство, содержащее опиум. — Ты хорошо дрался сегодня. Эти тигры — настоящие дьяволы. Некоторые думают, что львы опаснее, потому что они громко рычат и имеют грозный вид, но с ними справится любой хороший венатор. Выпей это». Он схватил бредящего венатора за щеку, стараясь, чтобы он не укусил его, и, умело оттянув ее, вылил снадобье в горло. «Я никогда не забуду игры, которые дал старый Вителий, чтобы люди забыли о восстании в Паннонии. Пятьдесят тигров на арене одновременно. Что это был за день! Все были в крови. Этот человек должен выступать сегодня?» — прокричал он Начальнику игр, торопливо проходящему мимо.

«Нет, он будет выступать завтра днем», — ответил Начальник игр.

«К этому времени ты будешь в полном порядке, — заверил врач тяжело дышавшего Карпофора. — Я скажу рабам, чтобы они выжали немного крови из этих мертвых кошек, и ты выпьешь ее. Ты потерял много крови. Это питье восстановит твою кровь так же, как и твой дух. А теперь давай-ка зашьем твою рану».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пока андабаты заканчивали бой, рабы подкатили через Ворота Смерти к внутреннему барьеру макет горы. Деревья, кусты и цветы на ее склонах были настоящие. Сверху даже сбегали потоки воды, которая подавалась насосами, скрытыми внутри макета. Насосы приводились в действие рабами. Декораторы вносили последние поправки в сооружение, а плотники проверяли готовность всех приспособлений.

Начальник игр озабоченно наблюдал, как бедняги андабаты наносили друг другу удары, которые редко бывали смертельными. Профессиональные гладиаторы, которых хорошо знали зрители, всегда могли надеяться на то, что в награду за хороший бой толпа сохранит им жизнь. Но этим несчастным надеяться было не на что. В роли андабатов всегда выступали осужденные за самые тяжкие преступления. Их никто не знал, и они не могли показать в бою ни ловкости, ни искусства. Их единственной надеждой было драться с такой отчаянной храбростью, чтобы толпа сохранила жизнь хотя бы одному или двум из них до следующего боя. Когда один из андабатов падал, сраженный, на песок, служитель арены, одетый как Харон /мифический перевозчик душ умерших через реку Стикс/, брал у рабов, следующих за ним с жаровней, раскаленный прут и проверял, касаясь сраженного прутом, жив он или нет. Если при этом человек дергался, другой служитель арены, одетый как Гермес, бог подземного царства, подавал знак рабам перерезать сыромятные ремни, удерживающие шлем андабата на

голове, затем молотком разбивал голову распростертому человеку. И сразу же рабы крючьями выволакивали убитого через Ворота Смерти в сполариум, где другие рабы снимали с него доспехи. Потом тело поступало к мясникам, которые разрубали его на куски для кормления диких зверей.

Патриции в нижних рядах смотрели на бой андабатов с презрением, но чернь любила это зрелище. Зрители притворялись, что дают советы сражающимся, выкрикивая: «Сейчас он слева! Нет, он уже справа!» Они намеренно дурачили ничего не видевших андабатов, чтобы посмотреть, как они в ужасе будут вертеться и отчаянно бить мечами по воздуху. Рабы подтолкнули оставшихся в живых андабатов друг к другу. Конец боя был уже близок. Начальник игр повернулся и крикнул работавшей на горе команде: «Убирайтесь или, клянусь богами, я оставляю вас на арене».

Когда начались бои андабатов, одновременно началась и подготовка к уборке с арены сети и мостиков между мачтами. Около каждой пары слоновых бивней, поддерживающих сеть, встал раб с длинным шестом. Другая команда рабов встала на досках, переброшенных между мачтами, держащих веларий. По команде Начальника игр рабы шестами сняли сеть с бивней. Она упала на арену, похожая на гигантскую теннисную сетку в сотню ярдов длиной. Рабы сняли доски с кронштейнов по бокам мачт и передали их другой команде рабов. Эти рабы бегом унесли доски с арены. Когда были убраны последние доски, сеть вытащили вслед за ними. Теперь зрители имели гораздо лучший обзор арены, хотя им все еще мешало внутреннее кольцо мачт, поддерживающих веларий.

Люди, находившиеся на искусственной горе, спрыгнули на землю. Команда рабов начала толкать макет, стоявший на катках, вперед. Возможно, им помогали слоны, толкавшие гору лбами. В центральном кольце мачт, поддерживающих веларий, было два разрыва, один — напротив Ворот Жизни, с находящейся над ними императорской ложей, и другой — напротив Ворот Смерти. Веларий поддерживали в этих местах веревки. Гору выкатили на арену из Ворот Смерти через один из этих промежутков.

В это время бой между андабатами почти закончился. Осталось в живых только две пары. Теперь они отбросили щиты, сцепили свои левые руки, чтобы не потерять друг друга, и поражали один другого мечами. В одной паре андабаты убили друг друга. Рабы быстро убрали убитых и посыпали арену свежим песком. Наконец один из двух оставшихся андабатов убил

другого. Выжившего андабата толпа пощадила. Он получил передышку на несколько дней до следующего боя.

Когда рабы, выносившие последние мертвые тела, покидали арену, вода через трубы в стенах подиума начала затоплять арену. Начальник игр появился на подиуме и громко прокричал, что хочет сделать важное сообщение. На самом деле с этим сообщением должен был выступить молодой эдитор, но он выпил так много вина, что уже не мог держаться на ногах, не говоря уже о том, чтобы обратиться с речью к зрителям. Начальник игр прокричал:

«Римляне! Говорят, что мы некультурный народ. Что может быть дальше от истины? Просто мы сильная раса и любим мужественные виды спорта. Это не значит, что мы не умеем ценить более утонченные вещи». Его прервали криками, свистом и весьма неприятными звуками, которые получаются, если поместить язык между губами и с силой подуть. Кто-то бросил в Начальника игр винный бурдюк, но тому удалось уклониться. «Друзья, глядя на ваши благородные, умные лица, я думаю, что зрелище, которое вы сейчас увидите, доставит вам удовольствие. Ведь мы, римляне, славимся художественным вкусом. Среди нас находится знаменитый греческий певец Мезенций, который исполнит прекрасную оду «На смерть Орфея», аккомпанируя себе на лире. Как вы знаете, Орфей был прославленным музыкантом и мог, согласно греческой легенде, очаровывать своей музыкой даже диких зверей. Дамы и господа, перед вами великий Мезенций».

Под вопли ярости и возмущения на вершине горы появился одетый в белые одежды Мезенций с золотой лирой. Разъяренная толпа кричала: «Нас надули! Проваливай в Афины, проклятый фрукт! Это игры или опера? Кости переломаем!» Певец раскланялся в разные стороны и ударил по струнам. К этому времени вода на арене поднялась на два фута. Начальник игр, внимательно наблюдавший за подъемом воды с помощью свинцовых отметок на стене подиума, дал сигнал. На заполненную водой арену выплыла увешанная гирляндами цветов плоская баржа. Она была заполнена красивыми девушками, поющими аккомпанемент к песне. Девушки были обнажены, если не считать небольших фартучков из кисеи, которые ветер то относил в сторону, то прижимал к их юным округлым бедрам. Толпа перестала свистеть и стала проявлять интерес к происходящему. Сейчас, когда шум стих и певца можно было услышать, он удвоил свои усилия, а девушки запели еще прекраснее, взмахивая при этом руками в такт музыке и отводя

лечи назад, чтобы приподнять груди с тщательно покрашенными сосками. В это время зрители увидели нечто новое: рабы выпустили из сетей и клеток в быстро поднимающуюся воду шесть бегемотов и множество крокодилов. Толпа начала аплодировать.

Движимая скрытыми внутри нее гребцами баржа приблизилась к острову, где Орфей, сидя среди цветов, пел бессмертную оду. Вода на арене была так прозрачна, что зрители могли наблюдать за животными, плавающими в ней: огромными крокодилами длиной в 15 футов, скользящими над дном как тени, и тяжеловесными бегемотами, шагающими по дну как по суше. Время от времени один из бегемотов поднимался на поверхность, пускал из обеих ноздрей фонтаны воды и вновь погружался. Толпа с интересом наблюдала за этим зрелищем в течение нескольких минут, но потом стала проявлять признаки нетерпения и неудовольствия.

Начальник игр был умелым режиссером. Он почувствовал, что толпе пора показывать что-то новое и драматичное, и подал другой сигнал.

Тотчас же в горе открылись потайные двери, из которых стали выходить дикие звери: леопарды, медведи, волки и черные пантеры. Поглощенный своим пением Орфей не замечал животных до тех пор, пока черная пантера не прошла по траве прямо перед ним. Испуганный певец в изумлении уставился на нее, но продолжал петь, озираясь в отчаянии и стараясь подать сигнал Начальнику игр, что произошла страшная ошибка. Девушки продолжали весело петь. Они бросали лепестки роз в сторону Орфея и просили его продолжать свое прекрасное пение.

Но неудачливый певец больше не хотел заниматься образованием римской черни. Он бросил лиру и, бегая вокруг горы, взывал о помощи. Зрители смеялись до колик. Они знали, что изящные греки считали себя выше завоевавших их римлян, и теперь одно из этих женоподобных существ было испугано до полусмерти. Этот поворот событий оказался совершенно неожиданным, и в этой неожиданности зрители увидели только юмор. Один из зрителей крикнул: «Вы, греки, думаете, что вы очень культурны. Давай-ка посмотрим, как ты укротишь этих диких зверей своим сладким пением». Толпа снова захохотала.

Несчастный Орфей опять побежал вокруг скалы и налетел на леопарда. Испуганное животное отскочило, но затем ударило певца. Леопард зацепился когтями за одежду грека. Человек и зверь вместе упали на землю. Обезумевший от ужаса леопард

пытался освободиться. Увидев борющиеся фигуры, два волка бросились к ним и начали терзать человека. В это время схватку увидел один из медведей, тренированный людоед, и вразвалку направился к ней. Он встал, раскачивая своей длинной подлой шеей назад и вперед, и неожиданно сделал бросок. Ударом по морде отбросив волка, он схватил певца за ногу и поволок его, хрюкая и пыхтя. За ними волочился леопард, так и не сумевший высвободить свои когти из одежды грека. За ними в надежде на поживу следовали волки. Еще один медведь зашел с другой стороны и тоже схватил вопившего от боли и ужаса певца. Два медведя разорвали грека на части, а волки бросились завершать дело. Леопард сделал еще одну отчаянную попытку освободиться и на этот раз преуспел в этом. Он бросился вверх по склону горы и столкнулся с другим медведем, спускавшимся сверху узнать, в чем дело. Два животных начали драться. Волки следили за их борьбой, готовясь растерзать проигравшего.

Певец был мертв. Звери дрались за части его тела, разбросанные по склону горы. Толпа ослабела от хохота, и девушки на барже тоже смеялись. Начальник игр дал очередной сигнал.

Казалось, что ничего не произошло. Но вдруг одна из девушек на барже вскрикнула от ужаса. Она сидела на планшире, и ее босые ноги коснулись воды. Баржа тонула! Испугались и другие девушки. Вскочив со своих мест, они начали взывать о помощи. Раб внутри баржи смотрел через щель на Начальника игр. Когда тот подал сигнал, раб приказал гребцам вытащить весла и потопить судно. Гребцы покинули баржу через люк и лихорадочно поплыли к стене подиума, молясь о том, чтобы крокодилы и бегемоты не успели схватить их.

Бегемоты совсем не такие добродушные, похожие на свиной существа, какими они кажутся. Все находившиеся на арене бегемоты были самцами и имели очень плохой нрав. Один из гребцов случайно коснулся одного из них. Мгновенно бегемот развернулся, и вокруг него образовался водоворот. Он вонзил клыки в тело гребца. Вода вокруг стала красной от крови, и около этого места закружились крокодилы, стегая хвостами по воде и хватая челюстями бегемота и друг друга. Толпа встала как один человек при виде этого нового зрелища. Баржа с визжащими от страха девушками уже почти полностью погрузилась в воду. Наиболее решительные из них пытались добраться либо до острова, либо до подиума вплавь.

Это удалось немногим, поскольку Начальник игр тщательно отобрал на баржу девушек, не умеющих плавать. Добравшиеся до острова были немедленно атакованы дикими зверя-

ми, обезумевшими от запаха крови и вкуса человеческого тела. Несколько девушек доплыли до стены подиума. Они цеплялись за нее и умоляли о пощаде. Крокодилы, нападавшие на девушек, вспенивали воду рядом с баржой. Две могучие рептилии схватили одну из девушек и начали изгибать ее в противоположных направлениях. Один крокодил выкручивал ей руку, а другой — ногу. Гигантский крокодил, весивший, должно быть, более тонны, выскочил из воды и схватил девушку, стоявшую на планшире. Он нес заходившуюся в крике жертву так же легко, как слон нес бы морковку. Вместе с ней он погрузился в воду. Другие огромные рептилии старались сбить девушек в воду хвостами. Деревянная баржа не полностью погрузилась в воду, но на ней негде было спрятаться.

К барже подплыло несколько бегемотов, возбужденных шумом и запахом крови. Хотя эти большие животные и не были плотоядными, они были агрессивны, как быки. Только их глаза и носы виднелись над поверхностью воды, когда они плавали, наблюдая за истерическим возбуждением на полузатопленной барже. Толпа была в ярости. «Вперед, лентяи! Сделайте же что-нибудь! Дайте огня!» — вопили люди, поскольку не желавших нападать быков иногда побуждали к действию, бросая в них горящие дротики.

Один из бегемотов напал на баржу. Высунувшись наполовину из воды и раскрыв до отказа огромную пасть, он обхватил своими клыками планшир и начал трясти судно, как терьер трясет крысу. Рассвирепевший двухтонный бегемот тряс и раскачивал баржу. Последние из оставшихся девушек были сброшены в воду, где то здесь, то там появлялось белое брюхо крокодила, переворачивавшегося на спину, чтобы удобнее было вырывать куски из тела своей добычи.

Чернь на трибунах впала в экстаз. Женщины вскакивали и молотили кулаками по спинам сидящих впереди, истерически крича: «Убей! Убей! Убей!». Еще до начала игр ушлые молодые люди, определяли в толпе склонных к таким истерикам женщин и садились с ними рядом. В состоянии истерического экстаза эти женщины не обращали внимания на окружающих, полностью захваченные кровавым представлением на арене, и юноши могли позволить себе с ними любые вольности. Давно ставшие импотентами старики радостно пускали слюни. Даже обыкновенные нормальные мужчины следили за событиями на арене с полуоткрытыми ртами и старались не упустить ни одной детали, а потом пробивали себе кулаками дорогу к проституткам под трибунами. Дети кричали и танцевали, что-

бы уменьшить нервное напряжение и выразить радость от такого зрелища. Только зрители первых рядов наблюдали за происходящим с бесстрастным интересом. Они со знанием дела оценивали силу и свирепость животных и обсуждали фигуры девушек, которые в это время расставались с жизнью.

С водонепроницаемого барьера, наспех возведенного поперек Ворот Смерти, спустили на воду плоты из тростника и двухместные лодки, сплетенные из камыша. На каждом плоту находилось по шесть негров с Нильских порогов с гарпунами в руках. В каждой из плетеных лодок, имевших необычные возвышения на носу и на корме, сидело по одному гребцу и одному гарпунщику. Эти экзотические плоты и лодки подплыли к тому месту, где около затонувшей баржи бурлила вода. Один из плотов бесшумно скользнул к бегемоту, и по данному сигналу гарпунщики вонзили в него свои гарпуны.

Теперь даже пресыщенные зрители на подиуме начали проявлять интерес. Арена быстро превратилась в месиво пены, крови, борющихся рептилий, ревущих бегемотов и кричащих людей. Вперед рванулось несколько легких каноэ, выдолбленных из целого ствола дерева. Все они, кроме одного, направились к острову. Из каноэ на берег высадилось несколько египтян. Вышедшие из горы бестиарии загоняли животных обратно в щели плетью со свинцовыми грузилами. Египтяне выстроились у края воды. Они стояли со скрещенными на груди руками. Эти великолепно сложенные люди были обнажены. На них были только набедренные повязки. Они стояли неподвижно как изваяния. Египтяне принесли с собой несколько тяжелых свернутых сетей, которые сейчас лежали рядом с ними.

На оставшейся в отдалении каноэ находился худой, жилистый человек, которого по цвету кожи можно было принять за метиса. В его каноэ сидели четыре великолепных гребца, которые заставляли буквально летать свое легкое суденышко. Метис, по-видимому, руководил действиями гарпунщиков: он смотрел в воду и затем отдавал команду напасть на животное или пощадить его. Зрители гневно кричали ему: «Нет! Нет!», но человек не обращал никакого внимания на их крики. Когда гневные выкрики черни достигли такой силы, что казалось вот-вот начнется бунт, Домициан повернулся к одному из своих адъютантов и резко отдал приказание. Адъютант исчез и вернулся через несколько мгновений с Начальником игр. Он дал императору какое-то объяснение, которое, казалось, императора удовлетворило. Император кивнул и вновь стал наблюдать за происходящим на арене.

Уровень воды на арене стремительно падал, так как открыли шлюзовые ворота, и вода выливалась даже быстрее, чем раньше прибывала. Все бегемоты были либо мертвы, либо агонизировали. Многих крокодилов гарпунщики прикончили. Метис высадился из каноэ на остров и начал отдавать распоряжения. Египтяне подняли сети и пошли по воде, которая уже едва доходила им до пояса. Толпа затихла, ожидая чего-то необычного.

В воде было столько крови, что она стала совершенно непрозрачной, и египтяне наощупь тыкали вокруг себя длинными шестами. Вдруг они подняли крик. Образовав круг, они начали вытаскивать сеть на склон горы. Под водой как будто что-то взорвалось, и вдруг в центре сети появился огромный крокодил. Египтяне вытащили его на берег. Высокий египтянин вышел вперед. Крокодил яростно бил хвостом и щелкал челюстями так, что щелчки можно было услышать даже на самом верхнем ряду. Выбрав момент, египтянин сделал неожиданный прыжок и, вскочив на спину рептилии, замкнул руки ей на шее.

Толпа ответила самым искренним из всех возможных видов поощрений — она молчала, затаив дыхание. Зрители никогда не видели ничего подобного. Крокодил начал кататься по земле. Помощники египтянина не давали крокодилу опять плюхнуться в воду. Один из них схватил гигантское существо за хвост, и тут же поплатился за свою ошибку: он был сбит с ног и потерял сознание. Постепенно египтянин сомкнул ноги вокруг рептилии и, проведя захват «двойной Нельсон», медленно перевернул крокодила на спину. Затем он быстро схватил его за рыло, удерживая челюсти сомкнутыми. При виде такой невероятной силы толпа закричала от удивления и восторга.

Египтянин переместился ближе к челюстям лежащего крокодила и провел рукой вниз по брюху. Он встал, держа одну руку ладонью вниз по направлению к рептилии, другой проделывая мистические пассы в воздухе. Огромное существо лежало неподвижно. Толпа смотрела на все это, затаив дыхание. Египтянин повернулся, чтобы взять лук.

Зрители бешено аплодировали, хотя многие из них бормотали, касаясь своих амулетов и делая знаки против дурного глаза: «Черная магия!». Когда аплодисменты замерли, египтянин повернулся и толкнул крокодила ногой. После одного-двух пинков рептилия повернулась на живот и бросилась к человеку с раскрытой пастью. Она быстро запуталась в ячейках сети, и ее уволокли с уже сухой арены. Рабы вывели на арену упряжки мулов, чтобы с их помощью убрать мертвых бегемотов и крокодилов.

Карпофору удалось убедить врача отпустить его посмотреть на заключительную часть представления. Шатаясь после пережитых волнений и от потери крови, он медленно шел к Воротам Смерти, время от времени держась рукой за стену. Никто не обращал на него внимания. Гладиаторы, готовясь к выступлению, делали разминку: размахивали мечами, отрабатывая друг на друге различные приемы. К искусственной горе прикрепляли блоки и ворота, чтобы вытащить с арены. К макету подносили клетки для животных, которые еще находились внутри. Рабы с тележками с сухим песком, который нужно было разбросать по арене, пробивались сквозь толпу людей, уходивших с арены. Начальник игр распорядился этим организованным хаосом. Карпофор с трудом пробивался вперед, время от времени раздражаясь. Он отвесил оплеуху толкнувшему его рабу. Наконец в проеме ворот он увидел верхние ряды амфитеатра и часть велария. Сейчас, когда он почти вышел из прохода, крики толпы стали ему слышны в полную силу. Любопытно, что, сражаясь сам, Карпофор никогда не слышал криков толпы, так как был поглощен своей собственной работой на арене. Теперь он понял, что крики толпы достигли своего апогея. Это говорило о том, что толпа действительно была просто вне себя. Он энергично продолжал пробиваться вперед.

Карпофор почувствовал запах сырого песка, смешанный с вонью от внутренностей животных. Венатору был привычен запах смерти, но впервые для него этот запах смешивался с запахом сырости. Он видел борьбу египтянина с крокодилом и очень ею заинтересовался. Глазом профессионала он определил, что трюк совсем не был так опасен, как казалось толпе. Хотя Карпофор никогда не видел борьбы с крокодилами, он знал, что ее начали показывать на аренах Рима еще во времена Августа. В школе бестиариев учитель читал им описания подобных подвигов из Плиния и Страбона. Он внимательно наблюдал, как еще трое из команды египтянина боролись с крокодилами, пойманными сетью. Каждый раз это сопровождалось бурными аплодисментами. Когда наконец египтянин покинул арену и на нее вслед за оркестром вышел отряд гладиаторов, Карпофор нашел египтянина в раздевалке и поставил ему чашу охлажденного вина.

Египтянин оказался более приветливым, чем ожидал Карпофор. Обычно исполнитель не любит рассказывать о технике своего трюка: существует опасность, что ее может позаимствовать честолюбивый соперник. Но этому человеку, очевидно, льстило, что римлянин, хотя и не знатный, а просто свободный человек, но

все-таки римский гражданин снизошел до похвалы его трюку. После пары кружек крепкого вина египтянин расслабился.

«Да, это хороший трюк, хороший трюк», — сказал он скромно. — Я из Тениры. Она находится на берегу Нила в Южном Египте. В нашей деревне охотятся на крокодилов из-за их кожи». Карпофор кивнул. Почти каждое местечко имело свою традиционную профессию. Крокодиловая кожа приносила хороший доход. «Некоторые наши молодые люди имели обыкновение бороться для развлечения с восьми- и девятифутовыми крокодилами. Если наблюдать за хвостом и челюстями, это совсем не так опасно, как кажется. Как ты знаешь, крокодилы довольно медлительны. Останавливать леопарда или львицу, как это делаешь ты, гораздо опаснее».

«Каждый человек должен заниматься своим делом. Мне совсем не нравится схватка с двадцатифутовым крокодилом», — сказал Карпофор, снова наполняя чашу своего нового друга и уже планируя включить борьбу с крокодилами в свой репертуар.

«Это требует практики, но, пользуясь хорошим рычагом, ты сможешь повернуть на спину крокодила так же легко, как человека. Но это не должен быть крокодил в 20 футов длины. Такой крокодил весит больше тонны. Кроме того, они не часто вырастают до таких размеров. Тот, с которым я боролся, был длиной в 15 футов. Я скажу, что это много для крокодила».

«Готов поклясться, что он был длиннее, — льстиво сказал Карпофор. — Что это было за магическое заклинание, которое ты использовал, чтобы удержать его на спине?».

«О, это было сделано для толпы. Римляне думают, что мы, египтяне, — великие маги. Любой крокодил будет лежать неподвижно, если его перевернуть на спину. Я не знаю, чем вызвана у них такая реакция, но это так».

«Подумать только, какую надо иметь силу, чтобы удерживать закрытой пасть крокодила», — восхищенно воскликнул Карпофор.

«Все совсем не так. У крокодила сильны мускулы, закрывающие пасть. Они обладают колоссальной силой. Но мускулатура, открывающая пасть, слаба. Любой человек сможет удержать закрытой пасть крокодила».

«Ты, конечно, хорошо знаешь свое дело», — сказал Карпофор. Про себя он подумал, что египтянин, наверное, идиот, раз он выдает такие сведения. На следующих играх Карпофор уже рассчитывал сам бороться с крокодилами. «Приручить их — большая проблема», — продолжал египтянин, протягивая чашу еще за одной порцией вина. — Некоторые священные крокодилы

стали совсем ручными. Жрецы голосом вызывают их из воды и кормят из рук. Неприрученный крокодил не будет есть в неволе. Кроме того, они слишком нервны и не нападают на людей в воде, пока не увидят, что это делают другие крокодилы.»

«У нас те же проблемы со львами, — сказал египтянину Карпофор. — Необходимо с каждой группой необученных львов выпускать настоящего людоеда. Когда львы видят, что людоед начинает убивать людей, они присоединяются к нему».

«Я подозревал, что ты так делаешь. На большом озере в сердце Африки живет большой ручной крокодил. Его длина почти 25 футов, а весит он столько же, сколько весит слон. Местные жители используют его в роли судьи и палача одновременно. Подозреваемого преступника приводят на берег озера. Жрецы вызывают крокодила боем барабанов. Крокодил знает, что означает бой барабанов, и, переплыв озеро, выплывает на берег. К нему длинными шестью выталкивают жертву. Если крокодил съедает человека, тот считается виновным. Если почему-то крокодил не обращает на человека внимания, его отпускают на свободу. Сейчас этот крокодил такой старый и дряхлый, что один из туземцев должен помогать ему выкарабкиваться на берег, поддерживая его хвост, как шлейф. Я хотел бы завладеть этим крокодиллом. Представляю, какую сенсацию он бы произвел в Риме».

«Так ты приручаешь крокодилов?» — мимоходом спросил Карпофор, наполняя пустую чашу египтянина.

«Это, дорогой друг, мой маленький секрет, — сказал египтянин, опрокидывая чашу и поднимаясь, чтобы уйти. — Я должен посмотреть, как чувствуют себя четыре спасенных нами крокодила. Они у нас ручные, и мы не даем их убивать. Спасибо за вино. Но не напивайся и не разбалтывай свои секреты».

«Сукин сын, — подумал Карпофор, наблюдая за удаляющимся египтянином. — Кто, по его мнению, хочет украсть его вшивый трюк? Вечные проблемы с этими подозрительными египтянинами. Надеюсь, что его проклятые крокодилы съедят его на следующей неделе в Вероне».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Наступило послеполуденное время. Гладиаторы, которые вышли на арену после охоты на крокодилов, назывались меридианами. Они выступали в середине дня, когда большинство патрициев уходило домой обедать и на трибунах оставалась исключительно чернь. На трибунах открывали корзины с провизией, доставали фляги с вином, пока на арене незадачливые меридианы убивали друг друга.

Во время этих малоинтересных выступлений Начальник игр остановился, чтобы обстоятельно переговорить с Карпофором. «Держишься?» — спросил он, скользнув взглядом по окровавленной повязке на правом боку венатора.

«Сомной все в порядке», — угрюмо ответил Карпофор. Как всякому знающему себе цену бестиарию, ему была неприятна сама мысль о том, что какому-то животному, пусть даже тигру, удалось изрядно потрепать его.

Начальник игр задумался и сказал: «Сразу после обеденного перерыва мы устроим массовое избиение пленных. Их бросят на растерзание львам, но я хочу побережь хороших людоедов до следующего дня. Если их использовать сегодня, то они насытятся и не будут работать в представлении мифов, назначенном на завтра. Но и сегодняшнего зрелища мы не можем отложить. Львы должны напасть на пленных сразу же. И никакого бегания вдоль барьера или лежания на песке».

«Что вы хотите, чтобы я сделал? — озадаченно спросил Карпофор. — Дикие животные не нападут на людей без натренированных львов-людоедов».

«Не спорь со мной, а лучше проследи, чтобы все было сделано в наилучшем виде», — холодно и резко ответил Начальник игр. — Вспомни-ка лучше, что у нас впереди еще пять дней игр. Надерзишь мне еще раз, попадешь на арену к тиграм со связанными руками». После этих слов Начальник игр удалился.

Чертыхаясь про себя, Карпофор начал думать. Его беспокоила не угроза Начальника игр. Больше всего он боялся испортить свою репутацию бестиария, способного творить чудеса. Карпофор долго сидел, обхватив голову руками. В сердцах он обругал рабов, которые протащили мертвого меридиана по его ногам, хотя сам отказался освободить проход. Но вот наконец ему в голову пришла идея. Он встал и, преодолевая боль, пошел в нижнюю темницу, где содержались пленные.

Он спускался вниз по бесконечным пандусам, следующим один за другим. Поскольку пленных было легко перемещать и они не представляли большой ценности, то всех приговоренных к смерти на арене содержали в самых нижних подземных этажах, в то время как животные находились в верхних. Карпофор редко бывал в нижних этажах, и ему приходилось спрашивать дорогу у стражников, которые стояли на равных расстояниях друг от друга у горящих факелов, вставленных в стенные кронштейны. Наконец он добрался до уровня, который искал и, пройдя порядочное расстояние и сделав несколько поворотов, оказался перед дубовой дверью, за которой содержались те пленные, которые должны были сегодня принять смерть на арене.

Это были евреи, плененные после подавления одного из многих народных восстаний в Палестине. Карпофор что-то об этом слышал. Восстали три деревни в горах Масады. Почему они восстали, он не мог вспомнить. Либо они были против орлов на штандартах легионов, называя их идолами, либо они напали на караваны, которые принадлежали самаритянам, либо что-то еще в этом духе. Во всяком случае потребовалась трехмесячная кампания, чтобы овладеть их укреплениями, и вот пленные мужчины, женщины и дети привезены в Рим, чтобы умереть на арене. Евреи всегда были беспокойным народом. Если бы не они, Колизей могло бы просто не быть. После падения Иерусалима в 72 году н.э. двенадцать тысяч пленных евре-

ев работали на строительстве этого грандиозного здания, а потом погибли в гладиаторских боях при его открытии.

Стражники у дверей отвинтили тяжелые болты. Они пытались выведать у Карпофора информацию о шансах сторон в гладиаторских боях, которые должны были состояться сегодня в конце дня. Карпофор мало знал о гладиаторах, но тем не менее посоветовал им ставить на Нерима против Приденса и прошел в камеру. На этом этаже вентиляционные отверстия выходили не наружу, а на следующий верхний этаж, поэтому единственным источником света здесь был факел в кронштейне на стене. Узники пели гимн на своем языке. Карпофор оглядел их. Здесь в основном были женщины, дети и длиннородые старики: ведь почти все молодые мужчины были убиты на войне. Это как нельзя лучше устраивало Карпофора.

Пленники не обращали на него внимания, и он вынужден был крикнуть, чтобы они прекратили пение. В конце концов пение прекратилось, и Карпофор спросил: «Кто-нибудь здесь говорит на латыни?». Никто не ответил. Тогда Карпофор попробовал заговорить по-гречески.

Старик ответил ему на этом языке: «Я говорю по-гречески. Но я хотел бы, чтобы вы ясно поняли, что я не саддукей и у меня нет приятни к тем людям из нашего народа, которые выучили греческий язык и переняли греческие обычаи».

«Конечно, конечно, — нетерпеливо сказал Карпофор. — У меня к вам есть предложение. Против вас выпустят необученных львов. Но они не нападут на вас, если вы точно не выполните мою инструкцию. Выслушайте меня до конца, — продолжал он, подняв руку. — Если на вас не нападут львы, то вас бросят на растерзание медведям или диким собакам, а они будут убивать гораздо медленнее, чем львы. У меня такое предложение. Здесь много детей. Пусть больные дети и дети-калечки, которым все равно не жить, пойдут на арену вместе с вами. А я использую все свое влияние на Начальника игр, чтобы остальных детей он продал в рабство. Клянусь в этом богами!»

«Я думаю, что нам лучше умереть всем вместе, — сказал раввин с достоинством. — Но я передам твое предложение».

И он обратился к пленникам. Карпофор нетерпеливо ждал результатов переговоров. Недостаток кислорода вызывал у него головокружение и тошноту. Кроме того, здесь не было туалетов, а жертвы находились в камере уже больше недели. Неудивительно, думал Карпофор, что часто узники рвутся на арену, как на свободу. Любая судьба лучше заключения здесь. Даже возможность выйти на несколько минут на свежий воз-

дух перед нападением диких зверей представляется счастьем. Он также понял, почему эти боины устраивались обычно в первый день игр: заключенных надо было вывести из этих камер как можно скорее, чтобы они все не перемерли.

Когда раввин передал евреям предложение Карпофора, женщины забились в истерику. Они плакали и кричали, прижимая к себе детей и раскачиваясь в экстазе горя. Многие мужчины опустились на пол, закрыли лицо руками и рыдали, не скрывая этого. Карпофор смотрел на это выражение чувств с отвращением: как римлянин, он давно научился скрывать свои переживания. Он не понимал, как старый раввин мог хоть что-нибудь разобрать в этом столпотворении. Все обращались к нему одновременно, разрывая на себе лохмотья, размахивая руками или протягивая к нему руки, как будто в мольбе о помощи. Раввин спокойно слушал эти крики, время от времени задавал вопросы и качал головой. Наконец, он повернулся к Карпофору.

«Я продолжаю по-прежнему думать, что нам лучше погибнуть всем вместе, но женщины слабы и принимают твое предложение. Что мы должны делать?»

Карпофор был готов к этому вопросу. Техника провоцирования нападения львов, которую он стал объяснять евреям, позднее применялась христианскими мучениками, как свидетельствует один из Отцов Церкви Езибей. Эта же техника используется сегодня белыми охотниками в Африке, чтобы получить хорошие снимки нападающих животных.

«Сначала вам надо понять, как думают львы», — начал объяснять Карпофор. Это был его конек. Он презирал этих невежественных варваров, которые ничего не знали о мышлении больших кошек. — «Многие думают, что, если морить льва голодом, он станет злобным. Я видел, как умирающих от голода больших кошек выпускали на арену. И что же? Они ложились у ног людей, отданных им на съедение, и умирали от голода». — Упоминание о такой плохой работе бестиариев заставило Карпофора печально покачать головой. — «Морить кошек голодом — это значит делать их только слабее. Большие кошки могут длительное время обходиться без еды, и их желудки временно прекращают выделять сок. Поэтому заставить кошку принять пищу, если она от нее отказывается, очень трудно. Но еще труднее, во много раз труднее, заставить кошку на открытой арене, когда кругом орут люди и от этого у нее шумит в голове, напасть на добычу, да еще незнакомую».

«Что ты хочешь, чтобы мы сделали?» — терпеливо спросил раввин.

«Сейчас я скажу», — огрызнулся Карпофор. — Если вы будете стоять неподвижно, эти неопытные львы просто не обратят внимания на вас. Дело в том, что лев чует свою добычу, а это в основном антилопы и зебры, по запаху. Человек имеет другой запах, поэтому лев не воспринимает его как добычу. Эти бедняги даже не знают, что вас можно съесть. Мы постараемся им помочь и покроем вас шкурами зебр и антилоп. Если вы начнете кричать и бегать, вы испугаете львов, они очень нервные создания. На воле они охотятся только в безлунные ночи, причем жертву убивает всегда львица. Погода может быть подходящей, но мы не можем воссоздать все остальные условия. Так что не кричите, как только что кричали ваши женщины, а то все кошки обделаются от страха».

«Я обещаю вам, что женщины будут вести себя тихо», — спокойно сказал раввин.

«Проследи за ними. Не забывайте, что в ложах сидят знатные люди. Драгоценные камни, которые они носят, стоят больше, чем вы все вместе взятые. Это не оскорбление, это правда. Вы должны делать вот что. Стойте спокойно. И пусть кто-нибудь из вас отойдет в сторону. Не надо стоять плотной толпой. Затем вы начнете слегка двигать руками и немного раскачиваться, чтобы львы поняли, что имеют дело с живыми существами. Когда они поймут, что вы живые и не опасны, они нападут. Помните: не делайте резких движений и не издавайте громких звуков».

«Понимаю», — сказал раввин. Он обернулся и перевел еврея слова Карпофора. Отчаявшиеся люди напряженно слушали его. Снова последовал град вопросов. Раввин спросил Карпофора: «Как ты можешь доказать, что сдержишь слово и спасешь детей?».

«Никак, — откровенно ответил Карпофор, — но вам нечего терять. Детей все равно убьют».

Раввин печально сказал: «Это правда», — и обратился к соплеменникам. Последовали новые крики и рыдания. Карпофор слушал с возрастающим беспокойством. Наконец раввин сказал: «Выбери детей, которых ты спасешь, если продажа в рабство означает спасение». Он отвернулся, не желая видеть процедуру отбора.

Карпофор приблизился к толпе. Матери выталкивали своих детей вперед, торопливо приводя в порядок их волосы, утирая им носы и стараясь сделать так, чтобы лохмотья выглядели

более опрятно. Матери прижимали к себе детей и отвергнутых, и отобранных, одинаково рыдая над ними, а дети смотрели на Карпофора с любопытством и старались коснуться мягкой ткани его туники и блестящей пряжки пояса.

Карпофор позвал стражника и приказал проследить, чтобы две группы детей не перемешались.

Начальник игр наблюдал за перестройкой внутреннего барьера. Сейчас внутренний барьер возводился из искусственных валунов, сделанных из штукатурки. Они должны были изображать холмы Масады. Декорация, изображавшая главный город, была умело расположена среди скал. Этот город был построен Иродом Великим около 50 года до н.э.

Декораций, используемых в зрелищах, было так много, что они не помещались в обширных хранилищах под Колизеем, и их приходилось держать в подвалах Храма Венеры, расположенного неподалеку. Львы должны были появиться на арене, как будто выходя из своих берлог, поэтому выходы для львов находились среди искусственных скал. Работа по установке декораций началась, когда на арене еще дрались последние меридианы.

Карпофор рассказал о своей договоренности с еврейскими пленниками, но Начальник игр отреагировал на это неопределенным кивком головы.

«У нас хватает пленных, чтобы сделать хорошее зрелище. А оставшихся в живых детей потом могут убить бабуины. Кстати, среди них много маленьких девочек?»

Карпофор беспокожно заерзал: «Я обещал старому священнику, что продам их на невольничьем рынке».

«Ты обещал?! Неужели ты думаешь, что на арене командует какой-то bestiарий?»

«Я поклялся богами».

«Тогда откажись от клятвы. Ты думаешь, что клятва, данная мятежникам, считается действительной?»

«А почему нет? Я римский гражданин и поклялся перед богами. Моя клятва так же крепка, как и клятва императора».

Начальник игр с любопытством посмотрел на Карпофора: «Ты не свихнулся часом? Хорошо, я подумаю. Но запомни, я управляю ареной, а не невольничьим рынком. Начинай-ка лучше доставлять львов к стене барьера».

Карпофор посмотрел на трибуны. Подиум заполнялся патрициями, которые возвращались после обеда. Начальник игр крикнул меридианам: «Кончайте, или я вам прибавлю прыти

раскаленным железом». Карпофор ушел, чтобы проследить за погрузкой львов.

Львы содержались в гораздо лучших помещениях, чем пленные. Занимаемые ими камеры /их и сейчас можно видеть в Колизее/ располагались в стене подиума, но ниже уровня арены. Каждая камера была высотой 8 футов, а длиной и шириной 7 футов. Канавка с водой проходила перед камерами, так что у животных всегда был доступ к свежей воде. Свинцовые трубы и бронзовые краны находятся в рабочем состоянии до сих пор. Прямо над камерами на уровне арены располагалась система переходов, по которым бегали с поручениями рабы, не беспокоя при этом животных. Отсюда вниз, в камеры, где находились животные, были проделаны узкие отверстия, через которые бросали пучки горящей соломы, чтобы заставить их выйти в проход, откуда на арену вели пандусы. Пандусы были уложены кирпичом «в елочку», чтобы животные, поднимаясь вверх, могли цепляться когтями за поверхность.

Карпофор пошел проверять камеры со львами. Дверью в каждую камеру служила железная решетка. Она была подвешена на петлях и откидывалась наружу. Решетка была величиной почти со стену камеры, так что испуганное животное без труда находило выход и имело возможность выскочить из клетки раньше, чем его обожжет пламя или задушит дым. Как только животное покидало камеру, железную решетку захлопывали, а передвижной барьер начинали двигать по проходу, заставляя хищника идти к пандусу, ведущему на арену. Такая система позволяла рабам стоявшим около каждой двери одновременно открывать несколько камер. Как эти рабы, оказавшиеся между животными и движущимся барьером, покидали проход, представить невозможно. Вполне вероятно, что им это и не удавалось. Но рабы были дешевы...

Очень важно было вовремя выпустить львов из камеры. Ведь как только Домициан вернется, он тотчас подаст сигнал начинать дневные игры. К этому моменту львы должны уже выйти из камер и находиться в проходе. Карпофор, направляясь к камерам со львами, проходил мимо рабов, стоявших около углублений в стене /их можно видеть и сегодня/, где находились лебедки, приводящие в движение подъемники, на которых поднимали вверх из нижних этажей клетки с животными. Потом с помощью лебедок клетки с животными по пандусу проталкивали на арену. Убедившись, что рабы с соломой стоят наготове в верхнем проходе, а в нижнем у каждой камеры стоит раб, чтобы по команде открыть клетку, Карпо-

фор поднялся наверх. Патриции заняли свои места на подиуме. Заняли свои места и знатные иностранцы. Молодой эдитор тоже был на месте. Карпофор отметил про себя, что молодой патриций выглядел хуже, чем евреи, просидевшие неделю в подземной тюрьме.

К нему подбежал возбужденный раб: «Во имя Венеры, где ты был? Начальник игр в ярости. Император уже идет по переходу от бань Тита, а львы еще в камерах. Начальник игр сказал, что если ты...»

Карпофор не стал слушать, что еще сказал Начальник игр. Императоры пользовались тремя подземными ходами, построенными специально для них. Эти подземные ходы соединяли Колизей с дворцом, банями и Латеранским холмом. Невозможно было заранее предвидеть, каким ходом воспользуется император. Карпофор побежал по проходу нижнего этажа, на ходу отдавая приказания открыть камеры. Послышался скрежет открываемых железных решеток, и тотчас же рабы в верхнем этаже зажгли солому и бросили ее в камеры.

Когда горящая солома упала в камеры, оттуда донеслось рычание задыхающихся животных. Затем раздался грохот падающих решеток, а потом скрип барьеров, которыми львов начали проталкивать вперед по проходу, сгоняя их на подвижные платформы, подобные тем, которыми пользуются и сегодня для подъема грузов. Эти платформы должны были доставить животных на уровень арены в помещения внутреннего барьера. В данном случае роль внутреннего барьера играли искусственные скалы. Когда львов из очередного ряда камер загнали на подвижную платформу, начальник команды рабов тотчас же подал сигнал. Рабы начали поворачивать ворота, и животных подняли во внутреннее пространство искусственных скал.

Раб, наблюдавший за происходящим через смотровое отверстие в стене подиума, говорил Карпофору, что творилось на трибунах: «Император идет в свою ложу. Вот он остановился, чтобы поговорить с госпожой Ливией. Теперь он приветствует зрителей. А сейчас он разговаривает с остроголовым малышом, которого он всюду таскает за собой. Вот он садится».

Карпофор выбежал из Ворот Смерти и нырнул в отверстие, ведущее во внутреннее пространство груды валунов из штукатурки, изображавших скалы. Львы были уже там. Они находились в клетках, пол которых и был той подвижной платформой, на которой львов подняли наверх. Теперь по сигналу надо было выгнать львов из этих клеток прямо на арену.

В это же время еврейские пленники на подъемнике были доставлены в модель их родного города. Как только Домициан дал сигнал начать игры, евреи открыли двери по бокам модели города и вышли на ярко освещенную арену. По приказу Карпофора все они были в звериных шкурах. Пленников встретили свистом и оскорбительными выкриками: «Обрезанные собаки! Предатели! Теперь мы увидим, как вас спасает ваш бог. Выпускайте львов!»

Задняя стенка клеток, в которых находились львы, могла передвигаться. А в скалах имелись двери, которые сейчас и открыли. Подвижные задние стенки клетки стали двигаться вперед, вынуждая львов выйти через открытые в скалах двери на арену. Львы не вышли на арену, как казалось зрителям на трибунах, а их буквально вытолкнули туда. Теперь они носились большими прыжками вдоль внутреннего барьера, пытаясь отыскать путь к бегству. Несколько львов прыгнули на валуны, повисли на них, удерживаясь когтями, но через несколько мгновений сорвались вниз. Время от времени лев, бегающий по кругу, внезапно поворачивался и налетал на льва, следующего за ним. Раздавалось гневное рычание, животные обменивались ударами больших лап, быстрыми как молния, а затем разбежались, чтобы снова начать спокойно бегать. Несколько львов приблизились к толпе людей, стоявших посередине арены, поглядывая на них, и отошли прочь.

Дети, оставшиеся со взрослыми пленниками, начали плакать. Несколько женщин упало в обморок. Мужчины попытались запеть гимн, но при виде ужасных зверей им изменили голоса, и пение затихло. Львица закружилась вокруг группы людей, не зная, что делать. Карпофор увидел, как старый равин сделал шаг вперед и начал слегка двигать руками, как его проинструктировал Карпофор. Но львица попятилась от него. Молодой лев с оранжевой гривой разрывал лапами песок, то ли пытаясь найти воду, то ли чуя кровь под слоем свежего песка, которым посыпали арену, после того как с нее вытащили труп последнего меридиана. Лев поднял голову и зарычал на равнина. Тот сделал несколько шагов вперед. В конце концов, думал Карпофор, для них всех будет лучше, если все это кончится побыстрее. То, что приходилось сейчас переживать этим людям, было страшнее смерти.

Лев припал к земле. Карпофор следил за кончиком его хвоста. Он слегка двигался из стороны в сторону, и вдруг резко задергался. Сейчас, сейчас он прыгнет, думал Карпофор. Еще один шаг человека вперед, и лев прыгнет. Глупец, почему ты

не шагнешь вперед? Карпофор с трудом подавил искушение крикнуть раввину, чтобы он сделал это, но его голос мог испугать льва.

Затем он увидел, как лев втянул когти, чтобы было удобнее прыгать. Раввин снова стал раскачиваться. Лев напал так неожиданно, что Карпофор увидел его уже на человеке. Он проглядел момент, когда лев оторвался от земли. Раввин упал. У евреев вырвался крик ужаса. А лев схватил упавшего человека за пояс и побежал с ним так легко, как бежит кошка, несущая мышь, чтобы найти укромное место и там съесть свою добычу. Молодой нубийский лев с черной гривой бросился вперед и схватил раввина за голову. Закричала женщина.

Запах крови возбудил остальных. Львица прыгнула прямо в середину плотно сбившейся группы и начала наносить удары направо и налево. Толпа рассыпалась, как овечье стадо, когда в его середину врывается колли. Львы терзали людей больше от страха, чем от голода. Раздался крик, и упала женщина. Еще один крик, и рухнул ребенок с разможенной одним ужасным ударом головой. Взрослый лев подкрался сзади к одному из мужчин и схватил его. Голова мужчины исчезла в пасти льва. Женщина бежала по арене, волоча львенка, вцепившегося ей в ногу. Львенок тряс головой и рычал, пытаясь сбить женщину с ног.

Карпофор слышал безумный, дикий рев толпы. Петроний, ценитель элегантности, презрительно заметил: «Эти сборщики лохмотьев наслаждаются своим кровавым карнавалом». Сейчас крики толпы не были похожи на приветствия во время состязаний на колесницах или на выражение восторга, вызванное искусным владением оружием. Высота гула толпы изменилась, как меняется лай стаи гончих, когда они увидят перед собой добычу. Карпофор знал, что, когда чернь была в таком состоянии, мужчины и женщины в приступе возбуждения бросались на арену и пили кровь из луж на песке. Он знал, что женщины на трибунах царапали себе щеки ногтями, а мужчины били по мраморным сиденьям кулаками, пока они не начинали кровоточить. Скудное бессмысленное существование римской черни было бы невыносимым, если бы их эмоции не имели выхода. Игры и существовали для этого. Желания народа могли удовлетворить только зрелища смерти, крови и мучений. Люди пьянели от вида страданий. Только смерть и секс еще возбуждали их чувства. Вид раздираемой львом женщины был зрелищем одновременно и жестким, и сексуальным.

Все евреи были уже мертвы. Львы начали пожирать их тела. Слышался явственный хруст костей. Карпофор отвернулся от смотрового отверстия. Он знал, что сейчас произойдет. Этих львов не оставят в живых, как оставляли тренированных людоедов, так как арена должна быть очищена для следующего зрелища.

Эфиопские лучники в великолепных головных уборах, украшенных страусовыми перьями, силой пробили себе дорогу по переполненным проходам к балконам на стенах подиума. Отвращиваясь, Карпофор услышал, как зазвенели тетивы луков и как заревели поражаемые звери. Когда он покидал внутренний барьер, рабы с крючьями кинулись на арену, чтобы вытащить тела мертвых животных и людей. За ними бежали рабы с корзинками, наполненными свежим песком, и кувшинами с ароматизированной водой для полива арены. Ароматы были необходимы. На подиуме патриции подносили к носу кусочки сухих духов, и даже плебеи на трибунах закрывали лица платками. Кровь и внутренности, покрывающие арену, издавали сильный неприятный запах. Рабы поставили на трибунах курильницы с благовониями. Из фонтанов били струи ароматизированной шафраном и вербеной воды. Карпофор обратил внимание на молодого эдителя, стоявшего в своей ложе и обменивавшегося с толпой шутками, чтобы показать всем, какой он демократ. Зрители шутили с ним доброжелательно. До сих пор игры соответствовали стандартам, и толпа была соответственно настроена по отношению к молодому искателю должности. Но если зрелища в последующие дни окажутся хуже, они не будут голосовать за эдителя, хотя юнец и его мать разорили себя, чтобы устроить эти игры.

Внутренний барьер был спешно убран, и арена была освобождена для состязаний на колесницах. Это должны были быть особые состязания. Настоящие состязания на колесницах проходили только в Большом цирке, специально для них построенном. Удовлетворяя требования болельщиков, Домициан увеличил число состязающихся упряжек с 4 до 6, создав команды Золотых и Пурпурных. Он устраивал до 100 состязаний в день, уменьшив количество кругов, которые делали колесницы вокруг Спины, с 7 до 5, чтобы увеличить количество заездов. Однако обширная арена Колизея была недостаточно велика для свободного маневрирования 6 квадриг, поэтому проходившие на ней состязания были скорее шуточными.

Состязания на колесницах начались. Сперва соревновались колесницы, запряженные страусами, затем верблюдами,

потом африканскими антилопами. Поскольку возникшие совершенно не могли управлять этими животными, каждое состязание заканчивалось большой свалкой. Их и устраивали в расчете на такое окончание. После истерического возбуждения, вызванного бойней евреев, эта интерлюдия своим комизмом развлекала зрителей и давала им возможность расслабиться. Между колесницами бегали карлики в шутовских костюмах. Они специально пугали животных и притворялись, что их переехала колесница. Один из карликов забыл, что страусы бьют ногами вперед, а не назад, как лошади, и поставил себя под удар, который вырвал ему внутренности. Толпа долго смеялась и посчитала, что это был самый забавный случай за все время игр.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

День клонился к вечеру. Наступило время главного представления. Когда солнце зашло за край цирка, стало заметно прохладнее, и матросы начали сворачивать веларий. Перегретый воздух поднимался вверх и затруднял работу. Огромный кусок ткани, поднимаясь и опускаясь в восходящем потоке воздуха, втягивал свежий воздух через колоннаду верхнего яруса, окружавшую здание. Толпа расслаблялась, слышались вздохи облегчения. Рабы убрали курильницы с благовониями, ставшие ненужными, когда началась циркуляция воздуха. Патриции спрятали сухие духи. На подиуме зрителей стало больше, чем в первой половине дня. Многие патриции презирали обычные вульгарные зрелища, которые так любила чернь. Но сейчас наступило время гладиаторских боев, а ими интересовались даже самые взыскательные зрители из знати.

Вслед за оркестром на арену строем вышли гладиаторы. Выходя на арену, они расходились в разные стороны, и вскоре вся арена заполнилась гладиаторами. Они отсалютовали императору и молодому эдитуру, который в это время с азартом заключал пари со всеми желающими. Его интересовали только гладиаторские бои. Как все патриции, он считал себя знатоком в боевых искусствах. Толпа состояла из ярых болельщиков и приветствовала различные отряды гладиаторов криками: «Ура Путеоланинам! Удача всем Мукенанцам! Крючок для Помпейцев и Путекузанцев!» Здесь и там вспыхивали драки между разными группами болельщиков.

Гладиаторы в своих великолепных доспехах и снаряжении представляли впечатляющее зрелище. Обученные военному строю, они отлично маршировали по арене. Каждая группа гладиаторов несла свое традиционное оружие. Гоплиты были в полных доспехах, мирмиллоны с кривыми саблями, ретиарии с сетями и трезубцами, пагниарии с деревянными щитами и длинными бичами, эсседарии замыкали шествие на колесницах, в каждой из которых, кроме возничего, помещался и метатель арканов. Было представлено много типов гладиаторов и много типов оружия. Чернь не только знала все типы оружия, но и почти каждого гладиатора.

В те времена гладиаторы все еще были великолепно обученными профессиональными бойцами, гордящимися своей профессией. У них были славные традиции. Сто лет назад гладиаторы Марка Антония, которых он готовил к выступлению в честь своей ожидаемой победы над Августом Цезарем, остались с ним, когда его покинули собственные войска. Они образовали армию и попытались добраться до своего хозяина в Египет. Когда выяснилось, что им не достать корабли, они отправили Антонию послание, в котором убеждали его вернуться и дать им возможность отдать за него свои жизни. Однако Антоний не захотел оставить Клеопатру. Гладиаторы служили и как телохранители императоров. Выдающиеся гладиаторы были до сих пор самыми известными людьми в империи. Гораций с горечью писал: «Если Малсенас говорит, что сегодня будет холодно, это становится темой для разговоров в Риме». Нерон приказал украсить свою гробницу резьбой с изображением победы Петраитиса. Мальчишки царапали имена знаменитых гладиаторов на стенах своих комнат, а хозяева гостиниц вывешивали памятные таблички типа «Здесь был Петраитес», подобно тому как Сарди вывешивал на стенах портреты театральных знаменитостей.

Но эта самая ужасная и мужественная профессия была уже поражена болезнью. Она появилась, когда гладиаторы стали сражаться с животными. Помпей выставил гладиаторов против слонов. Клавдий создал кавалерию, сражавшуюся с леопардами. Нерон заставил преторианскую гвардию сражаться с 400 медведями и 300 львами. Ни гладиаторы, ни ланисты не знали заранее, когда против них выставят медведей, львов и диких кабанов. Это зависело от прихоти толпы. Пока человек бился с человеком, у него было 50 шансов из 100 выжить /или 40, если взять в расчет, что он мог умереть от ран после боя/. И ланистам было выгодно воспитывать таких великих бойцов, как

Фламма. Но когда людей посылали против диких зверей, если они не были обученными бестиариями, которые рисковали не больше, чем современные матадоры, то вероятность гибели достигала 90-100%. При таком положении большие затраты на обучение гладиатора-профессионала не оправдывались, подобно тому как было бы невыгодно тренировать боксера, если известно, что он погибнет в первом или втором раунде.

В результате все, что попадало в гладиаторскую мясорубку, перемалывалось. Предполагалось, что человек мог быть приговорен к арене только за грабеж, убийство, святотатство или мятеж. Но при огромных потерях в боях с животными гладиаторов требовалось гораздо больше, чем их имелось в запасе. В судах наиболее распространенным вердиктом стал «приговорен к арене». Чернь становилась все более равнодушной к фехтовальному искусству, и теперь уже любой преступник мог ожидать, что на него напялят доспехи и выставят на арену. Фламма был бы шокирован самим фактом появления подобных людей на арене.

Однако умение сражаться все еще ценилось многими зрителями. На трибунах сидели старые солдаты, которые знали, как обращаться с мечом, и патриции на подиуме традиционно интересовались искусством боя. В этот день молодой эдитор — вернее, его мать — решил устроить действительно хороший бой. Такой, чтобы им мог гордиться потомок Горация. Все выступавшие должны были быть искусными бойцами. Ничто не должно было напоминать жалкое зрелище времен Калигулы.

Тогда пять ретиариев было выставлено против пяти секуторов. В то время было обычной практикой падать, не будучи раненым, чтобы император дал знак пощады. Эта уловка сохраняла жизнь хорошо обученным гладиаторам и снижала стоимость игр. Однажды, как и было предварительно условлено, секуторы победили ретиариев. Весь бой был сплошным надувательством, как часто бывает в современной профессиональной борьбе. Чернь так разъярилась, что Калигула решил опустить палец вниз. Видя свою неминуемую гибель, один из ретиариев схватил свой трезубец, напал на пятерых секуторов и всех их убил. Дело приобрело скандальный характер, и чернь стала подозрительно относиться к любому гладиатору, который падал на землю без видимых ранений.

После парада все гладиаторы, кроме ретиариев и секуторов, оставили арену. В старые времена обычно сражалась только одна пара гладиаторов, но сейчас должны были биться 50 пар

гладиаторов одновременно. Чернь привыкла смотреть на гладиаторские бои в основном как на повод для заключения пари, поэтому, чем больше было пар, тем было лучше для зрителей. Толпа относилась к гладиаторам так, как современные любители бегов относятся к лошадям: она видела в них живые шары рулетки или просто игральные кости. Один за другим гладиаторы падали на окровавленный песок. Стонали проигравшие и ликовали выигравшие. Неизвестный зрителям гладиатор еще мог ожидать пощады, если, проиграв, он в мольбе протягивал руку к толпе. Он был никому неизвестен, и никто не рассчитывал, что он выиграет бой. Но только небо могло помочь фавориту, поверженному мечом или трезубцем какой-нибудь «темной лошадки». Ведь на него ставили все накопленные деньги, и он разорял поставивших на него. Тогда трибуны были полны гнева. Зрители выбрасывали вперед сжатые кулаки с направленным вниз большим пальцем или делали жест как будто втыкают палец в расprostертого на земле человека. В таких случаях молодой эдитор всегда следовал желанию толпы. Он организовал зрелище, чтобы получить голоса избирателей, а не для того, чтобы противоречить им.

Закончив свою дневную работу, Карпофор не торопясь подошел к Воротам Смерти, чтобы посмотреть на бой гладиаторов. Рядом с ним сражался ретиарий Негрим с секутором Приденсом. Карпофор вспомнил, что посоветовал стражникам ставить на ретиария Негрима, и начал с интересом наблюдать за схваткой.

Негрим бросил сеть и поймал в нее секутора, но прежде, чем он успел рывком свалить с ног тяжеловооруженного воина, Приденс рванулся вперед с брошенной на него сетью и вонзил свой меч в бедро ретиария. Негрим покачнулся, но ему удалось удержаться на ногах, и он отпрыгнул от секутора, пытавшегося сбросить с себя сеть. Снова Приденс рубанул с плеча, задев левую руку своего противника, в которой тот держал сеть. В правой руке ретиария был трезубец, которым он пытался удержать секутора на расстоянии. Зрители, следившие за этой схваткой, громкими криками отметили момент, когда ретиарий был ранен в бедро и начал хромать. Поскольку боевые качества ретиария в основном определяются подвижностью, позволяющей ему убежать от закованного в доспехи секутора, Карпофор полагал, что стражники потеряли свои деньги, которые они поставили на Негрима, но тот умудрился пропустить трезубец между ступнями секутора и сбил его с ног. Сразу же вслед за этим Негрим прижал своего противника к земле

трезубцем и, опершись на древко, посмотрел на эдителя. Беспомощный Приденс знаком молил о пощаде.

Толпа потребовала смерти секутора, и молодой эдитор опустил большой палец вниз. Трезубец был плохим оружием для смертельного удара. Ретиарии обычно добивали поверженного секутора ударом кинжала через забрало. То ли Негрим потерял свой кинжал в схватке, то ли не хотел пользоваться им. Он обратился к другому секутору Ипполиту, уже выигравшему свой бой, с просьбой убить распростертого на земле человека. Трезубец был убран. Приденсу удалось встать на колено. Но в этот момент Негрим толкнул его на меч Ипполита, который и пронзил ему горло. (Мы знаем, что такая схватка действительно произошла, знаем даже имена людей, участвовавших в ней, и куда они были ранены, так как ход этой схватки изображен в серии картинок, нацарапанных на стене в Помпеях. Вероятнее всего, эта схватка произошла в Помпейском амфитеатре, а не в Римском).

Карпофор был доволен ретиарием. Он решил повидать двух стражников, которым он дал совет поставить в Негрима, и потребовать с них процент от выигрыша. Поскольку другие бои его не интересовали и к тому же давала о себе знать рана, он вернулся на сполариум выпить и отдохнуть. На арене после боев ретиариев и секуторов началась настоящая битва между сражающимися на колесницах эсседариями, лаксуриями (метателями арканов) и вооруженными копьями и закованными в доспехи гоплитами. Гоплиты были греческими наемниками, сражавшимися под началом своих офицеров либо на войне, либо в цирке. Выйдя на арену, гоплиты построились в фалангу, которая была аналогом британского каре, сломившего кирасир Наполеона 18 столетий спустя. Глубина построения фаланги составляла шесть рядов. Солдаты последней шеренги имели копьа длиной 24 фута, если можно доверять свидетельству Ливия. Как они могли справляться с таким длинным оружием Ливий не сообщает. У солдат следующего ряда были более короткие копьа, и так каждый последующий ряд имел копьа короче, чем предыдущий. У солдат первого ряда копьа были длиной всего шесть футов. Это означало, что колесницы встречала стена копий, причем каждого солдата первого ряда защищало шесть копий.

Гоплиты не стояли вплотную, как можно было бы предположить, а располагались примерно в трех футах друг от друга. Это давало возможность копьам проходить через все ряды, и, кроме того, солдаты могли маневрировать оружием. Офицеры,

стоящие внутри фаланги с обнаженными мечами, выкрикивали приказы: «Полибей, твой наконечник копья выходит из линии на две ладони! Эпаминонд, ты не собран! Муха сшибет тебя с ног в такой позиции».

Эсседарии использовали легкие колесницы, запряженные двумя лошадьми. Они галопом объезжали неподвижную фалангу и иногда неожиданно посылали лошадей прямо на нее, как будто собираясь заставить их броситься на копья, и затем в последний момент сворачивали в сторону. Эсседарии надеялись вынудить кого-нибудь из молодых греков повернуть в их сторону копья, чтобы следующая за ними колесница могла бы ворваться в создавшуюся таким образом брешь, но офицеры гоплитов поддерживали железную дисциплину, и линия копий не колебалась.

После нескольких ложных атак, эсседарии изменили свою тактику. Они не могли себе позволить утомить лошадей. В каждой колеснице находилось два человека: возничий и метатель аркана. При новой атаке арканщик в головной колеснице начал вращать петлю способом, известным сегодня как «бабочка», то есть он вращал петлю вертикально перед собой и слева от себя. Затем он резко перенес ее вправо и бросил аркан в направлении стоявшего во втором ряду гоплита. Если бы эсседарий попытался поймать бегущее животное, он бы перед броском вращал петлю вокруг своей головы, чтобы лучше контролировать ее полет, подобно тому, как извивается перед броском нападающий в бейсболе. Но в этом случае греки догадались бы, куда будет направлен бросок, и уклонились бы или отбили петлю копьём. Поэтому быстрый неожиданный бросок из-под руки был лучшим приемом.

Но даже такой бросок не удался. Петля ударилась о гребень из конского волоса на шлеме солдата в первой шеренге и изменила свое направление. Тут же эсседарий рванул аркан назад, испугавшись, что гоплит схватит аркан и выдернет у него из рук. Когда головная колесница с грохотом укатила прочь, другой эсседарий попробовал сделать такой же бросок. Он тоже промахнулся. Эсседарий в третьей колеснице, зная, что греки ждали такого броска, решил бросить аркан по-другому, раскрутив его над головой. Аркан змеей проскользнул через ряды и обвился вокруг шеи солдата в последнем ряду. Испустив победный вопль, арканщик обвил веревку о рог на краю колесницы, а возничий, направив лошадей в сторону, отпустил поводья. Аркан выволок полузадушенного гоплита из рядов фаланги. Он потерял свое копьё и разрушил строй. Мгновенно

полдюжины колесниц бросилось в образовавшуюся брешь. Возничие воплями подгоняли лошадей и били поводьями по их спинам.

«Сомкнуть ряды!» — закричали офицеры гоплитов. Колесницы вновь были встречены стеной неподвижных копий. Возничие успели вовремя отвернуть. Не успел лишь один. Колесница налетела на копья. Лошади упали на колени. Арканщик выпрыгнул из колесницы и убежал, а возничий не успел этого сделать вовремя. Он погиб, как и его лошади: копье пронзило ему грудь.

Другие колесницы рванулись вперед, чтобы воспользоваться образовавшейся брешью. Они надеялись расстроить строй фаланги раньше, чем гоплиты вытащат свои копья из бьющихся в агонии лошадей. Их пронзили своими копьями солдаты третьего и четвертого рядов. Офицер, командовавший этой частью фаланги, сразу понял ситуацию.

«Третий и четвертый ряды на колени!» — закричал он громовым голосом. — «Пятый и шестой ряды три шага вперед».

Как один человек солдаты в третьем и четвертом ряду упали на колени и те, у кого копья не завязли, подняли их, уперев задним концом в землю. Два задних ряда солдат сделали вперед три шага точно отмеренной длины, чтобы восстановить ряд копий. Приблизившиеся колесницы были вынуждены отвернуть в сторону.

Когда копья освободили от бьющихся в агонии лошадей, офицер быстрым ударом меча по основанию черепа добил животных. Из тыла фаланги последовал следующий приказ: «Пятый и шестой ряды, три шага назад! Третий и четвертый ряды, подняться!»

Строй фаланги был снова восстановлен, и она могла встретить атаку эсседариев.

К фаланге мчались две колесницы, одна рядом с другой. Казалось, что они собираются пожертвовать собой, врезавшись в фалангу, чтобы следующие за ними колесницы могли ворваться в нарушенный строй. Гоплиты напряглись, готовясь встретить удар. В последний момент колесницы разделились, одна из них повернула направо, а другая — налево. Арканщик из левой колесницы бросил аркан быстрым броском из-под руки. Он целился в солдата в последнем ряду. Пока аркан был еще в воздухе, офицер рассек его ударом меча. Он служил раньше на Ближнем Востоке, и его меч был из дамасской стали. Другой арканщик воспользовался тем, что внимание гоплитов было отвлечено. Он играл своим арканом, вращал его способом,

известным сегодня как «океанская волна», пытаясь привлечь к себе внимание гоплитов и отвлечь их от действий своего товарища. Увидев, что бросок товарища не удался, он мгновенно метнул свой аркан, высунувшись из колесницы и сообщив ускорение аркану резким движением всего тела, используя руку в основном для придания полету веревки правильного направления. Он поймал в петлю солдата из пятого ряда, рывком сбил его с ног и потащил сквозь другие ряды.

Среди гоплитов гомосексуализм рассматривался не только как естественные, но и как идеальные и благородные отношения между юношами и зрелыми мужчинами. Юноши в первых рядах имели любовников среди мужчин задних рядов. Считалось, что это увеличивало боеспособность фаланги, так как солдаты не оставили бы своих любовников в критический момент битвы. Но гомосексуализм создавал и трудности. Когда эсседарий волочил своего пленника через строй фаланги, юноша, любовник старого солдата, отшвырнул копье и бросился на тело своего друга, пытаясь его спасти. Офицер пробил мечом горло юноше. Офицеры и рядовые закричали: «Сомкнуть ряды! Сомкнуть ряды!» Но было уже поздно. Строй фаланги был разрушен. Эсседарии с воплями атаковали фалангу со всех сторон.

Командир гоплитов понял, что больше нельзя сохранить сомкнутый строй. Он командовал: «Отделение направо, отделение налево! Откройте проходы и держитесь!»

Фаланга разделилась на отделения. Каждый солдат так же хорошо знал свою позицию при построении по отделениям, как и при построении фалангой. Солдаты с правой стороны отделения сделали два шага влево, а с левой стороны два шага вправо. В фаланге образовались проходы, куда устремились колесницы. Не давая эсседариям воспользоваться ситуацией, командир гоплитов резко прокричал еще один приказ, и фаланга начала снова смыкаться.

Эсседариями командовал старый, опытный и мужественный британец. Его рыжие волосы были заплетены в косички, а лицо и руки, сплошь покрытые татуировкой, отдавали голубиной. Он воевал против римлян под началом великой воительницы королевы Боадии и знал приемы борьбы колесниц с сомкнутым строем солдат. Он понял, что, если дать возможность фаланге сомкнуться, с ней уже не удастся справиться. С боевым кличем он направил своих косматых пони в один из проходов и, свесившись с колесницы, начал наносить боевым топором удары направо и налево. Другие эсседарии последова-

ли его примеру, и через несколько секунд фаланга была разбита на малые группы, которые отчаянно оборонялись от атакующих колесниц.

«В боевой порядок! В боевой порядок!» — кричали офицеры, но фаланге не удалось восстановить свой строй. Солдаты пятились от ворвавшихся в их ряды лошадей. Вынужденные сбиться в кучу, они не могли действовать копьями. Длинные копья тех, кто стоял в задних рядах, сейчас были бесполезны. Можно было использовать только короткие копья первого ряда. Окруженные со всех сторон врагами, солдаты не решались обернуться, опасаясь получить удар топором спереди или обнаружить смертоносный аркан на шее, хотя они слышали крики и стоны своих товарищей, которых убивали сзади, и в любой момент ожидали удара в спину от напиравших на остатки фаланги эсседариев.

Командир гоплитов стоял в окружении своих людей, оказавшихся поблизости во время прорыва эсседариев. Вокруг них забрызганные кровью эсседарии добивали оставшихся в живых греков. Крики дикарей, их скорченные фигуры, восторг, с которым они приканчивали раненых, делали их похожими на фурий, вырвавшихся из преисподней. Бой заканчивался. На трибунах зрители, поставившие на эсседариев, уже требовали у букмекеров свои выигрыши.

Начальник гоплитов возвысил голос для последнего приказа: «Стройтесь в клин и вперед!» — закричал он. Группа гоплитов, окружавшая его, исполняя приказ, произвела перестроение и образовала клин, во главе которого стал их начальник. Гоплиты пошли вперед, ошестинившись копьями. Этот боевой порядок был похож на старый «летающий клин» в футболе. Построенные треугольником солдаты двигались вперед с возрастающей скоростью. Пройдя сквозь толпу спешившихся эсседариев и присоединив в дороге гоплитов, оказавшихся вне строя, клин превратился в грозный монолит, против которого никто не мог устоять. Эсседарии и не пытались сражаться и бросились к своим колесницам, но лошади с колесницами разбежались по арене. Спешившиеся эсседарии оказались беспомощными перед неумолимо наступающим строем копейщиков. Клин прошел по арене, сокрушая любое препятствие. Греки надрезали сухожилия лошадям, запряженным в колесницы. Когда командир гоплитов увидел, что сопротивление эсседариев сломлено, он отдал следующий приказ: «Рассредоточиться! Пусть каждый сам выберет себе жертву!»

Издав боевой клич впервые с начала битвы, гоплиты рассыпались по арене. Они не обращали внимания на знаки пощадь или смерти, которые подавали зрители. Толпа была ошеломлена происходящим и не знала, как на это реагировать. Гоплиты охотились за эсседариями и пронзали их своими копьями. Завершив бойню, они построились и двинулись через арену по направлению к воротам. Они шли, откинув головы назад, выпятив грудь и отбивая шаг. Гоплиты на следующий день должны были покинуть Рим, чтобы выступить на арене в Помпеях. Оттуда они собирались отправиться в Африку, чтобы принять участие в подавлении бунта восставшего против Рима нубийского вождя.

Победа гоплитов была встречена толпой холодно. Римляне презирали греков, считая их женоподобными, а никто не любит, когда разрушают его иллюзии. Кроме того, зрителям нравилась живописность британцев и их необычная ловкость в обращении с арканами. А дисциплинированность и надменный вид гоплитов вызывали у римлян враждебность. Они кричали: «Собачья голова! Собачья голова!», чтобы напомнить самоуверенным грекам о великой битве у Киноцефалы (по-гречески «собачья голова»), в которой римские легионы нанесли грекам сокрушительное поражение. Гоплиты не обращали ни малейшего внимания на насмешки. Только один из них снизошел до ответа. Полупьяный человек крикнул с трибуны: «Греки! Почему бы вам не расслабиться? Война-то кончилась!»

Молодой офицер-гоплит взглянул на него. «Какая?» — поинтересовался он с презрением. Затем гоплиты промаршировали через Ворота Смерти, сохраняя безупречный строй.

Кульминацией игр явился бой слонов, управляемый двумя отрядами самнитов. В битве приняло участие 30 слонов, по 15 с каждой стороны. У всех слонов на спинах находились боевые башенки, где сидели вооруженные люди. С одной стороны сражались индийские слоны, а с другой — африканские. Эта битва вызывала особый интерес у патрициев и военачальников, поскольку она должна была решить раз и навсегда, какие слоны обладают лучшими боевыми качествами, индийские или африканские.

В бою использовались только самцы, потому что у них были бивни. Африканские слоны были меньше индийских, хотя полностью выросший африканский слон обычно бывает больше индийского. Это объяснялось тем, что индийские погонщики были более искусны в ловле слонов и лучше умели их содержать.

Нумидийские слоны все были молодыми самцами, и многие из них были в плохом состоянии.

Все слоны были защищены войлочными подушками. Большинство из них поступило из государственной фермы в Лаурентуме, расположенной недалеко от Рима. Римляне время от времени использовали их в боевых действиях, особенно против дикарей, впадавших в панику при виде огромных животных. Поскольку слоны дорого стоили и римская толпа не любила наблюдать гибель этих животных, их старались щадить во время игр, конечно, насколько это было возможно. Когда Помпей впервые устроил охоту на слонов в Большом цирке, раненый слон протянул хобот к толпе подобно поверженному гладиатору, протягивающему руку к зрителям в мольбе о пощаде. Это зрелище было таким жалостливым, что даже озверевшая чернь потребовала прекратить охоту (Этот жест, по-видимому, инстинктивен у слонов. Дж.А.Хантер, знаменитый профессиональный охотник из Кении, рассказывал мне, что он видел, как такой жест делали смертельно раненые слоны, когда он приближался к ним, чтобы добить. Местные охотники не давали Хантеру стрелять, говоря при этом: «Слон просит, чтобы ему дали спокойно умереть»).

Однако, хотя в бою должны были гибнуть в основном люди, а не слоны, они тоже могли погибнуть, как и все другие живые существа, оказавшиеся на арене.

Напрягшись от возбуждения, толпа наблюдала за сближением противоборствующих отрядов. Слоны трубили при виде неприятеля и загибали вверх свои нежные хоботы, чтобы предохранить их от повреждения.

Индийские погонщики сидели верхом на шеях слонов. Они ехали на боковых седлах, как амазонки, т.е. перекинув ноги на одну сторону. Индийцы использовали для контроля за животными анкус, то есть стрекало с загнутым, подобно рыболовному крючку, концом. Стрекало нумидийцев было в форме буквы Г. Мы знаем об этих деталях по монетам, выпущенным в ознаменование этих боев, с выгравированными на них картинками.

В башенке, или «замке», на спине слона находилось трое вооруженных людей. Когда два стада ринулись друг на друга, слоны стали хоботами стаскивать погонщиков со спин своих противников. Если им это удавалось, то победа была за ними, так как слон без погонщика прекращал драться и бежал от битвы. Если этот прием не удавался, слоны начинали драться бивнями. Издавая гневные булькающие звуки, каждый из них старался вонзить бивни в мягкое брюхо своего противника. В

это время воины в башенках бросали друг в друга дротики и пытались поразить своих противников стрелами.

Один из молодых африканских слонов первым бежал из боя. Истыканный бивнями своего более крупного и лучше обученного противника, молодой самец не мог больше сражаться. Он повернулся и побежал, преследуемый индийским слон-победителем. Когда он в ужасе метался по арене, с него слетела башенка, и находившиеся в ней люди оказались на песке. Направляемый своим погонщиком индийский слон прекратил преследование африканца и занялся людьми. Каждый боевой слон имел свои собственные способы убивать людей. Однажды убив человека одним методом, он использовал этот метод и в дальнейшем при различных обстоятельствах. Один слон схватил человека хоботом и насадил его на бивень. Другие слоны-победители становились коленями на свои жертвы, топтали их или бросали хоботами на песок арены или о стены подиума.

Два отряда самнитов разделились на маленькие группки и следовали за слонами, прячась за большими животными от дротиков и стрел, подобно тому как современная пехота идет в атаку под защитой танков. Когда противоборствующие стороны столкнулись, самниты стали мечами подрезать у слонов ахилловы сухожилия или вонзать снизу копыя в жизненно важные органы. Воины в башенках старались изо всех сил защитить своих животных. Не всегда это им удавалось. Один из слонов упал замертво, пораженный дротиком в глаз. Другой слон, пронзенный копьями самнитов, продолжал сражаться, стоя на коленях. Он хватал щиты самнитов, пытавшихся подойти к нему, чтобы убить его, и бросал их в воздух, пока не оказался окруженным целым кольцом щитов. Аплодирующая толпа требовала пощадить героическое животное, но искалеченный слон не имел никакой ценности, и был убит умело брошенным дротиком.

Несмотря на все усилия нумидийцев, африканские слоны проигрывали битву. Индийские погонщики вывели несколько своих слонов из боя. Эти слоны поднимали валявшиеся на песке дротики и передавали их солдатам в башенках. Индийцы перестроились и собрались заканчивать битву. Но неожиданно произошло вмешательство, первое за этот долгий и кровавый день. Домициан, срочно посоветовавшись с военачальниками, сидевшими с ним в императорской ложе, приказал молодому эдитуру остановить бой. С точки зрения военных было ясно, что индийские слоны продемонстрировали свое превосходство над африканскими, и не было смысла продолжать убивать ценных

животных. Обычно столь кровожадная толпа приветствовала это решение аплодисментами. Римляне любили слонов. Позднее император Коммод развлекался, убивая слонов на арене. Вероятно, он расстреливал их стрелами из безопасной императорской ложи. Но во времена Домициана еще существовало представление о честной спортивной борьбе, в особенности, если ее вели такие огромные благородные животные.

Боем слонов заканчивалась программа первого дня игр. Становилось темно. В настенных кронштейнах зажгли факелы. Толпа тонкими струйками вытекала из огромного амфитеатра. Люди считали проигрыши и выигрыши, спорили о событиях, строили планы на завтра, пробивая себе дорогу через забитые людьми выходы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Убедившись, что все звери вычищены, накормлены и напоены, Карпофор пошел в таверну Чило, расположенную около Аппиевой дороги, чтобы обсудить события дня и напиться до бесчувствия перед завтрашними испытаниями.

Люди каждой профессии, связанной с цирком, посещали какую-то определенную винную лавку, куда приход посторонних не поощрялся. Чило обслуживал бестиариев. Его лавка располагалась всего в нескольких шагах от дороги, в темной аллее. Рядом находилась «Волчья берлога», как римляне называли этот район красных фонарей. Когда Карпофор вошел в таверну, он, к своему удивлению и неудовольствию, увидел, что там расположилась компания посторонних: за столом сидел Начальник игр, а рядом с ним — несколько богатых патрициев, каждый с телохранителем из гладиаторов. Патриции были закутаны в плащи и пришли, очевидно, инкогнито, хотя все их легко узнавали. Многие патриции были знатоками игр, а эта группа специализировалась на бестиариях. Хотя эти аристократы могли равно и облагодетельствовать его, и уничтожить, Карпофор только сердито кивнул им, садясь на свое место.

Стены таверны были украшены грубыми росписями. Одна из них была копией фрески на памятнике в Минтуре. На ней были изображены одиннадцать гладиаторов, которые убили десять медведей (и были сами убиты ими). Другая фреска была портретом знаменитого венатора Аула. Она была подписана «Моему хорошему другу Чило на память о многих приятных

Гладиатор с венками победителя на фоне Колизея
Римский барельеф в Музее города Рима

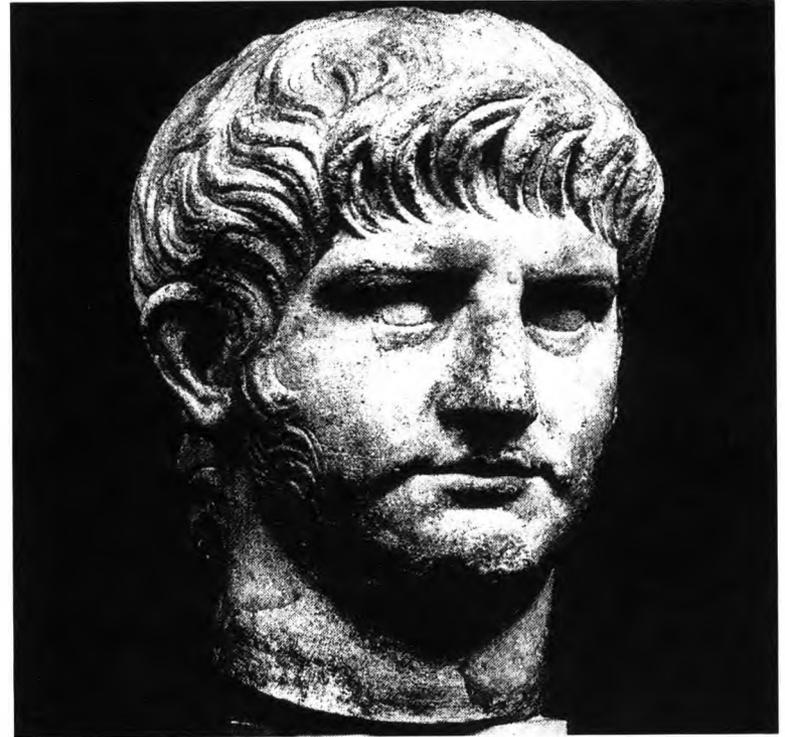
Римский Форум, переставший служить амфитеатром при Нероне в 57 г. после Р.Х., когда гладиаторские бои переносятся в Колизей

Современный вид Римского Форума

Калигула

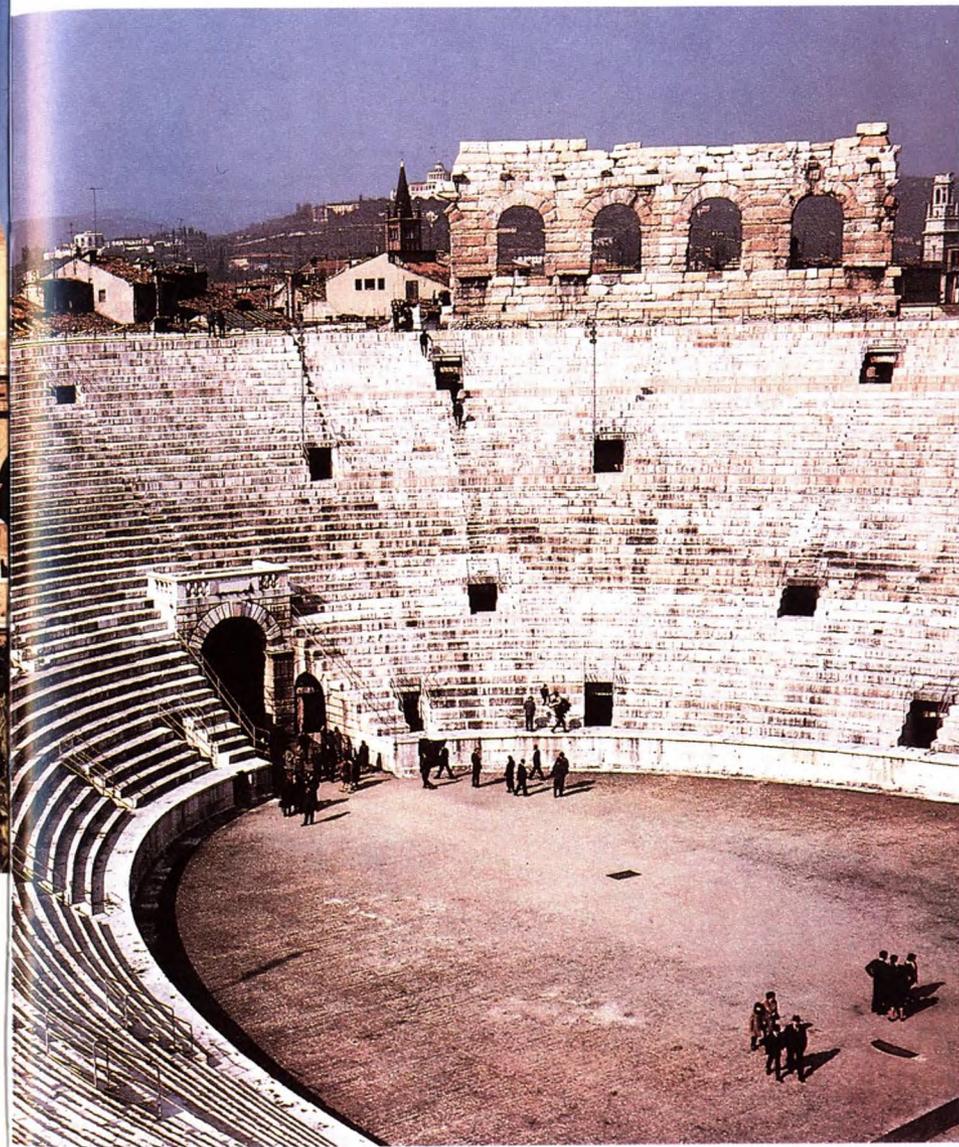

Нерон

Фасад Колизея

Фрагмент амфитеатра в Вероне

Гладиаторские казармы в Помпее. Как и в Риме, пространство перед казармами служило тренировочным глацем

Жан-Леон Жером
Бронзовая статуя гладиатора с сеткой
Ок. 1859. Музей "Феникс Арт". Аризона. США

Гладиаторский шлем из бронзы
I в. после Р.Х.

Секутор
Бронзовая статуэтка из Римского музея в Аванше (Швейцария)

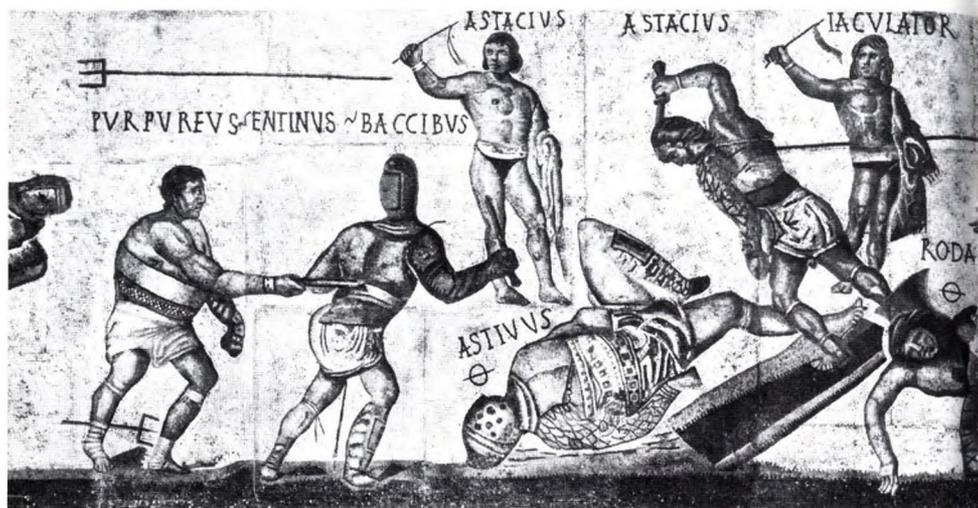
Гладиаторский шлем из бронзы, принадлежавший, по всей видимости,
фракийскому гладиатору
I в. после Р.Х.

Бронзовая фигура гладиатора, найденная в Лиллебонне
Франция. Музей античности в Руане

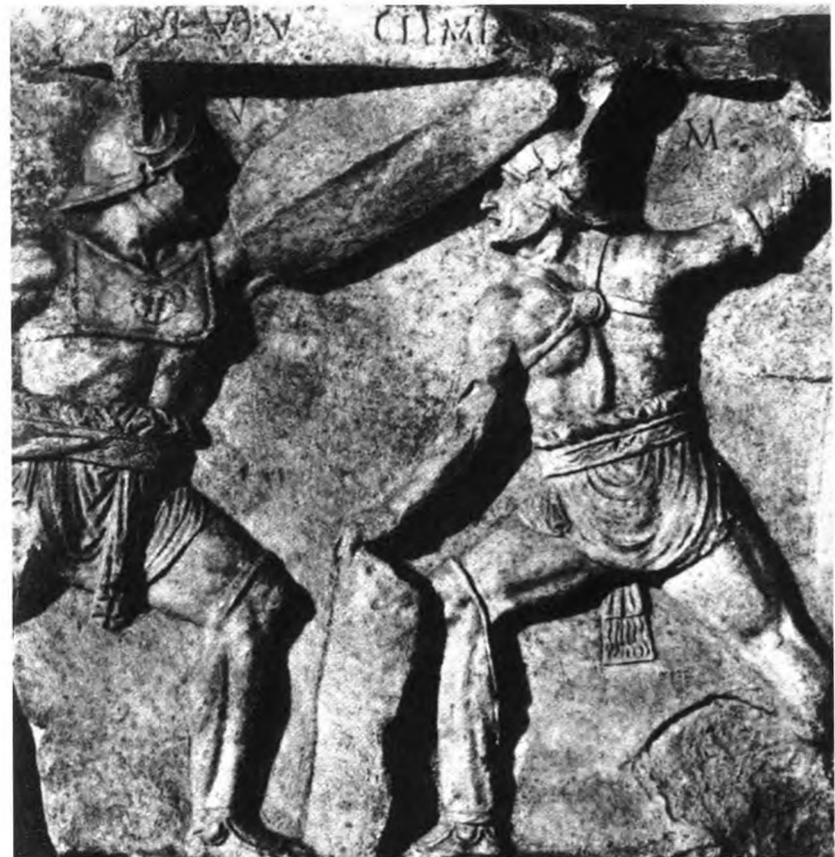
Жан-Леон Жером
"Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!"
1859. Художественная галерея Йельского университета. Коннектикут.
США

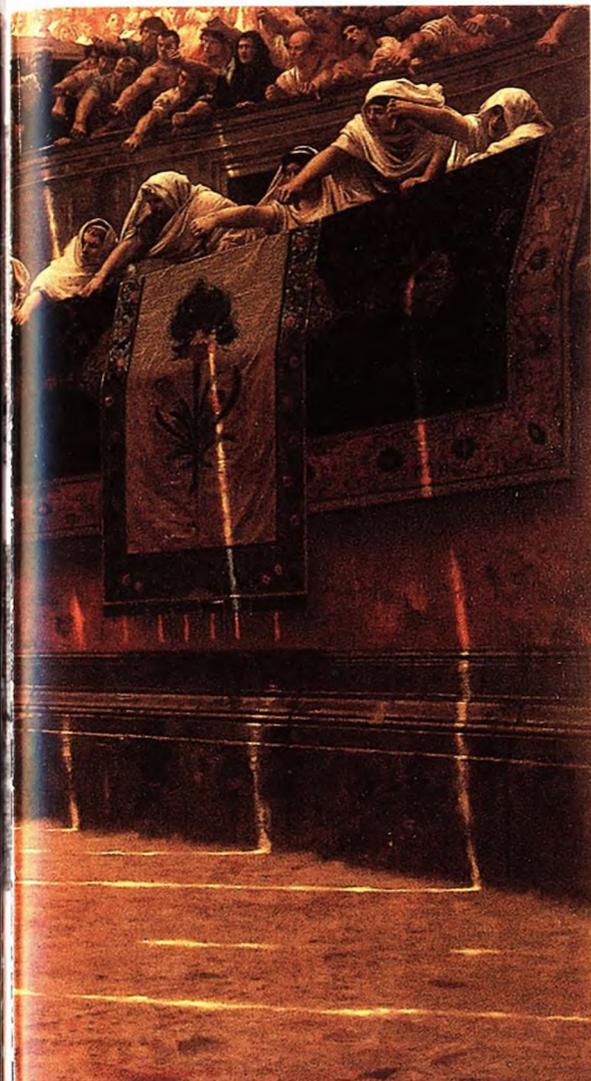
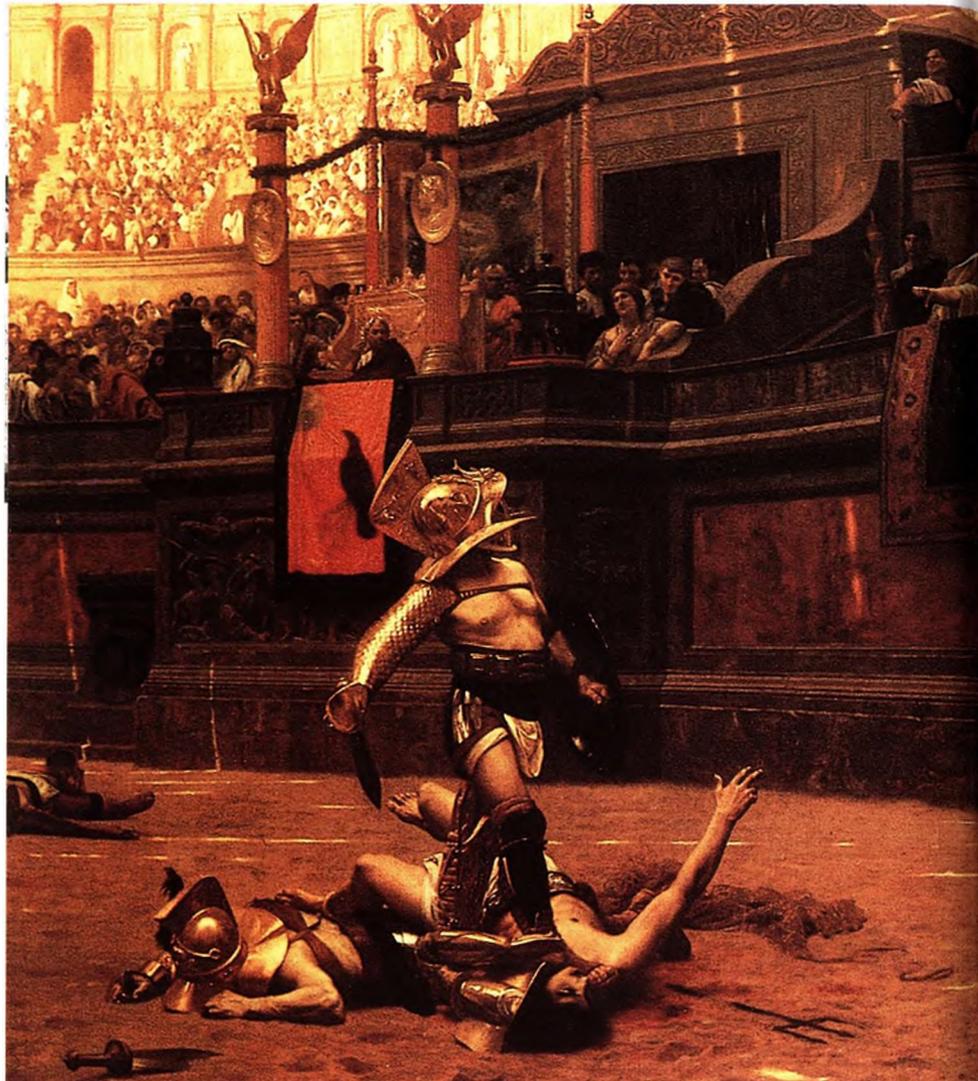
Фрагмент мозаики IV в. после Р.Х., на которой указаны имена гладиаторов. Если гладиатору удавалось долго прожить, то он становился своего рода "звездой", и у него появлялись "болельщики"

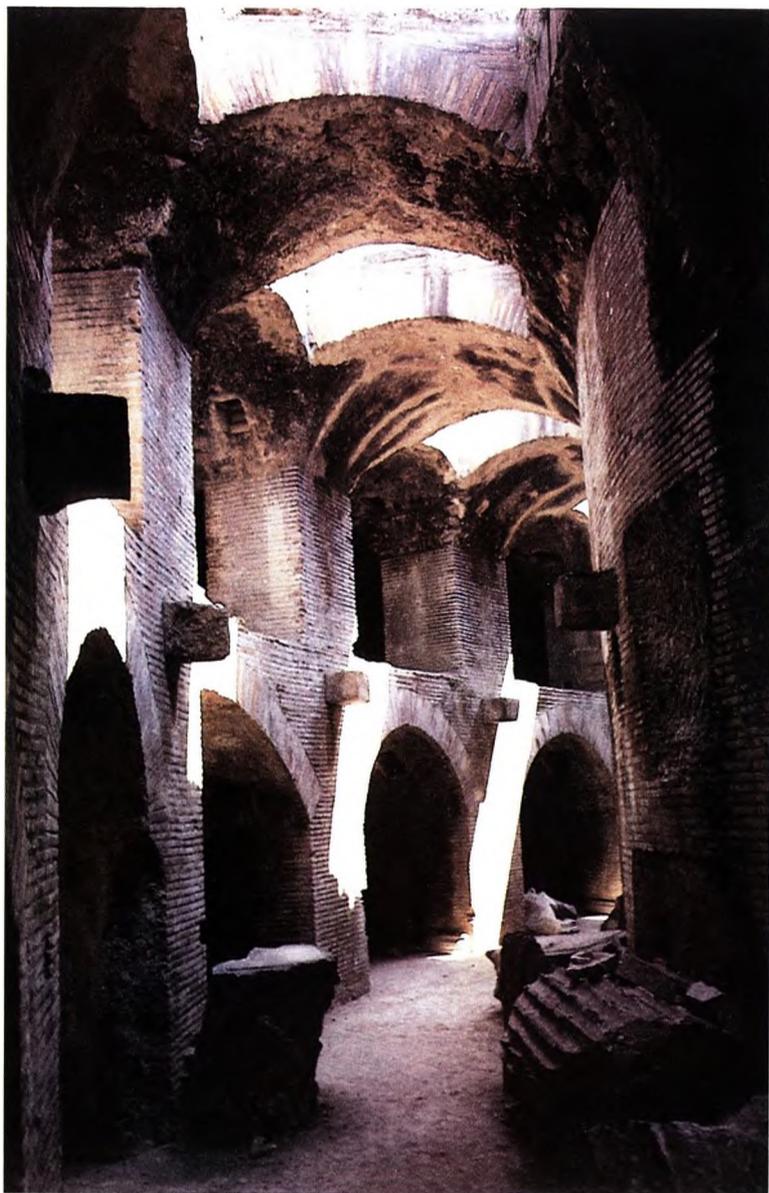
Боевая сцена
Изображение на вазе

На этих тяжело вооруженных гладиаторах традиционная набедренная повязка (сублигакулум). Рука одного из них защищена броней (маникой), а нога другого - поножником (окреей). У обоих на груди металлические пластинки, которые встречаются также у охотников на африканских мозаиках. У гладиаторов это очень редкий способ защитить грудь

Жан-Леон Жером
Большой палец книзу: убей его!
1872. Музей "Феникс Арт". Аризона. США

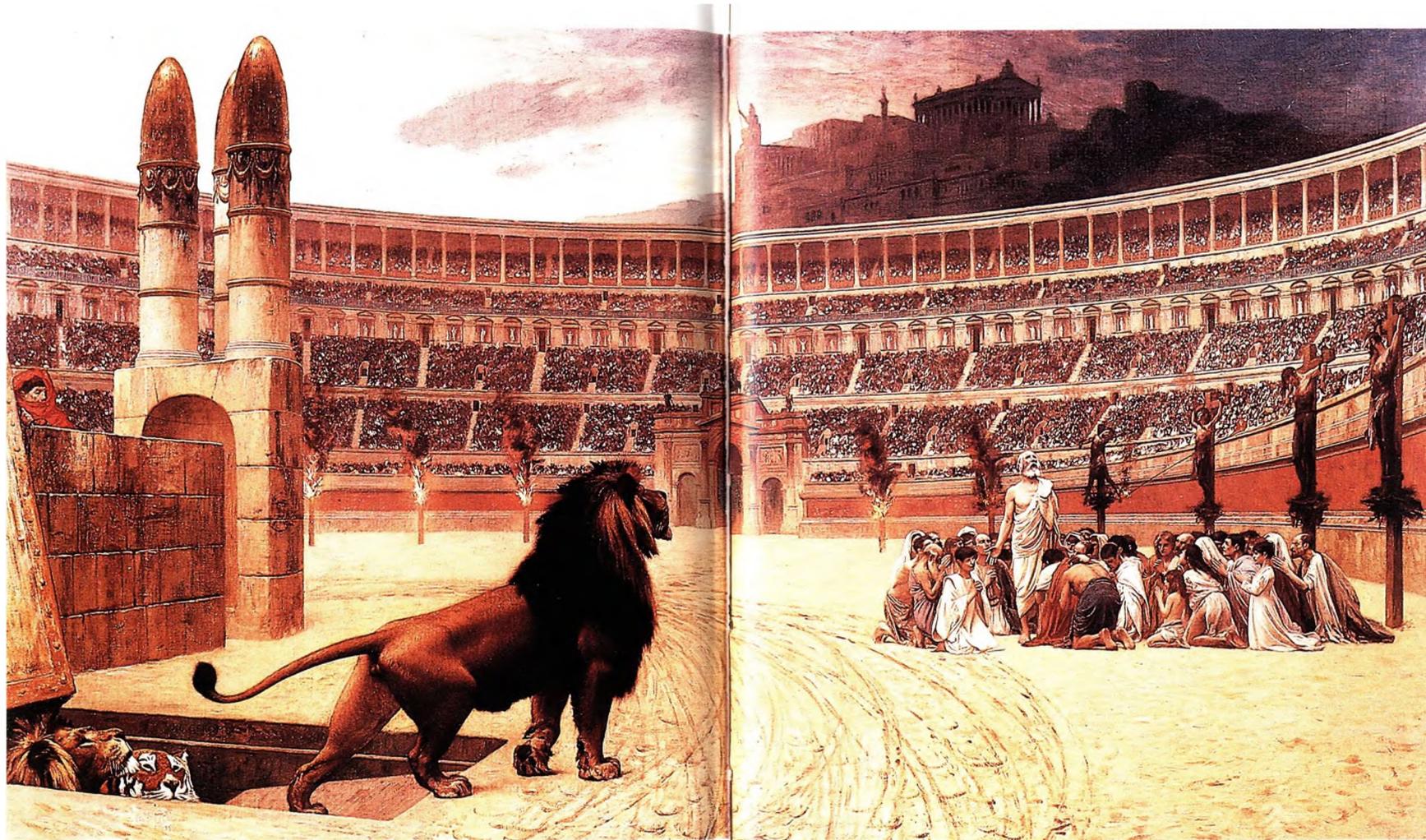

Пуцоланы Большого амфитеатра. Слева, на первом и втором этаже видны выходы из клеток с дикими зверями

Мозаика на Пьяцца Армерина в Сицилии Поимка диких животных, предназначенных для римских боев диких зверей Первая половина IV в. после Р.Х.

Жан-Леон Жером
Последние молитвы христианских мучеников
1883. Галерея "Уолтрес Арт". Балтимора. США

Парад зверей. Звери носили пышные украшения. Грива льва
посыпалась порой золотой пудрой
Мозаика из Ватиканского храма

Бой между буйволом и медведем
Мозаика с виллы в Злитене
Музей в Триполи

Иногда в схватке зверей участвовал обыкновенный погонщик, даже не
вооруженный, как мы видим на этой мозаике. Но при необходимости
погонщик направлял движения слона
Ватиканский музей

Привязанного к столбу человека толкают навстречу хищникам
Мозаика с виллы в Злитене
Музей в Триполи

Временное сооружение для людей и животных в центре арены

Охотники экипированы, как гладиаторы. Привязанные животные не свободны в своих движениях
Деталь барельефа
Музей римской цивилизации в Риме

Состязание колесниц в цирке

вечерах. Аул». Надпись однако, сделал не сам Аул: он был неграмотным. Еще одна роспись изображала двух мужчин, которых выбрасывали из таверны. Под ней была объясняющая изображение надпись: «Следи за собой, а то с тобой будет то же».

Карпофор потребовал вина. Толстый грек Чило был в свое время и бандитом, и укрывателем краденого, и нищим, и служителем при клетках в цирке. Теперь, кроме своей основной профессии — хозяина таверны, он занимался сводничеством и грабил путешественников, опоив их зельем из белладонны и болиголова.

«Ты прекрасно дрался с тигром, — дружески заметил жирный грек. — Как насчет того, чтобы отпраздновать твою победу? Есть прекрасное родосское вино. Его только что доставили из Греции».

«Твое проклятое смолистое вино не годится даже для чистки клеток», — резко ответил венатор.

«Ты что же хочешь столетнего фалернского?» — спросил грек, уязвленный отношением к вину своей родины.

Хозяин таверны набрался смелости в присутствии патрицьев и гладиаторов. Карпофор поднял голову и уставился на него.

«Давай вино», — сказал он медленно и отчетливо. Чило открыл было рот, чтобы огрызнуться, но передумал и вытащил из щели на стойке высокий винный кувшин. Держа его за обе ручки, Чило поставил кувшин на опрокидыватель, предназначенный для выливания вина из кувшинов, и наполнил вином глиняную чашу. Карпофор осушил ее одним глотком. Хозяин снова наполнил чашу.

Один из патрициев заговорил: «Мой друг...э-э... сапожник, — все заулыбались, так как его друг был известным сенатором, — ... и я обсуждали вопрос, кто является более опасным противником: тигр или лев. Каково твое мнение?»

Карпофору хотелось посоветовать патрицию утопиться в Тибре, но он сдержал себя и вежливо ответил на вопрос. Другие патриции тоже вступили в разговор. Некоторые из них задавали не слишком умные вопросы, но, порядочно выпив, Карпофор настроился на более дружелюбный лад.

Начальник игр спокойно заметил: «Ты сделал прекрасное дело, заставив неопытных львов растерзать еврейских мятежников».

«Для этого нужно знать львов и евреев», — ответил довольный похвалой Карпофор.

«Это была прекрасная работа. Послезавтра 50 зилотов будут драться с 70 медведями. Зилоты будут вооружены только кинжалами. Это будет хорошее зрелище».

«У вас нет что ли других пленных, кроме евреев?» — раздраженно бросил Карпофор. Почему-то воспоминания о старом раввине, спровоцировавшем нападение львов, раздражало его.

«Благодарю за них Геркулеса», — искренно сказал Начальник игр. — «Они построили амфитеатр Флавиев. Они же первыми погибли на его арене. И до сих пор, постоянно бунтуя, они поставляют людей для игр. А проклятые назобей, или, как они себя называют, христиане, никуда не годятся: они умирают, как овцы, без борьбы. Я сам отказываюсь использовать их в играх».

Все одобрительно кивнули. Собеседники были бы очень удивлены, если бы узнали, что Колизей уцелеет только благодаря эдикту папы Бенедикта XIV, который захотел сохранить его как памятник христианским мученикам, хотя их погибло здесь сравнительно немного: казни христиан при Нероне происходили в Большом цирке.

Один из юных патрициев был другом Тита, уже известного нам молодого эдителя. Этот аристократ-подросток выпил слишком много и теперь разразился похвальной речью своему другу (Между прочим, эта речь полностью взята из «Сатирикона» Петрония):

«Следующие три дня должны быть действительно хороши: не будет дешевых рабов-гладиаторов, а почти все гладиаторы будут из свободных граждан. У старого доброго Тита золотое сердце и горячая голова — ребята поймут это в бою, и не будет никаких поднятых вверх пальцев. Тит проследит, чтобы у всех были острые мечи и не допустит никаких уклонений от боя. К концу дня арена будет выглядеть, как лавка мясника. У Тита полно денег. Положим, он будет тратить по 400 000 сестерциев на каждый день игр, но старик оставил ему 30 000 000, так что беспокоиться не о чем. Эти игры прославят его имя. Он достал несколько прекрасных лошадей для колесниц и женщину-возничего, а также любовника Глико, которого растерзает бык. Глико застал его со своей любовницей. Мальчик не был ни в чем виноват, он раб и вынужден был делать все, что хотела его хозяйка. Это ее следовало бы отправить к быку, но если ты не можешь бить осла, ты можешь побить его поклажу. В любом случае это будет хорошее зрелище. Что показал нам другой кандидат в магистраты? Вшивое зрелище с вонючими гладиато-

торами. Если бы ты испустил ветры, то повалил бы половину из них. И бестиариев я видел получше. Зрелище проходило ночью при свете факелов. И как думаешь, что он показал нам? Петушиный бой? Гладиаторы были с подбитыми коленями или кривоногие. У этих живых трупов надо было бы подрезать коленные сухожилия перед боем. Единственный боец среди них был фракиец, но и его рабы должны были подпалить железными прутьями, чтобы он начал двигаться. Толпа орала: «Свяжите их!», поскольку было очевидно, что гладиаторы были беглыми рабами. Впоследствии паршивец сказал мне: «Во всяком случае я дал зрелище». «Ты дал, а я аплодировал, — ответил я ему. — Я думаю, что я дал тебе больше, чем получил».

Карпофор и большинство остальных посетителей сильно напились. Карпофор потребовал еды, и хозяин таверны принес ему кусок жареного мяса. «Я видел глаз быка покрупней, чем это», — прорычал венатор и бросил тарелку на пол. Он схватил свою чашу с вином и расплескал ее по столу. «Еще вина, — заревел венатор и, заставляя себя встать на ноги, ухватился рукой за стойку. — Еще вина величайшему человеку в империи. Я более велик, чем сам император. А знаете почему? Этот сын большой свиньи не мог бы удержать свой трон и неделю, если бы не люди вроде меня. Кто покончил с мятежом Луция Антонина? Я устроил игры, в которых стая бабуинов изнасиловала 40 маленьких девочек младше 10 лет. Солдаты прекратили мятеж, чтобы посмотреть на это зрелище. А тот случай, когда произошло очень дурное предзнаменование — молния ударила в Капитолийский Храм? Чернь восстала и погубила бы город, если бы я не организовал состязания на колесницах, в которые вместо лошадей были впряжены голые женщины. Что это собачье дерьмо Домициан вообще сделал? Я управляю империей и могу набить морду любому!»

Старый бестиарий, сидевший в углу, непристойно загоготал. Он выглядел, как мумия. У него не было волос на голове, а глаза настолько запали, что видны были только глазные впадины. Казалось, что кожа у него натянута прямо на кости.

«Сегодняшние бестиарии не более, чем кастраты, — хрипло и визгливо закричал старик, слюнявя свою винную чашу. — В мое время они были мужчинами. Подо мной горел песок, могу вам сказать. Мы мечами сражались с зубрами...»

«Попридержи язык, старая развалина! — завопил венатор. — Я знаю вас, стариков: вы были львами, если вас послушать,

а вы были лисицами, если б на вас посмотреть. Никто из вас не стоит и собственного дерьма. Посмотри на себя сейчас».

«Да, посмотри на меня, — крикнул старик. — Подождем, когда ты станешь слишком старым для арены, проешь свою одежду и не сможешь получить даже места служителя при клетках. Я видел тебя на арене. Ты бегал, как мышь в горшке. В мое время...»

Ему не удалось продолжить. Карпофор бросился через комнату и схватил старика за голову и горло. Мгновенно полдюжины человек бросились на взбесившегося венатора. Чило подскочил, размахивая тяжелым деревянным стулом. Он опустил его со всей силой на голову Карпофора. Однако перед тем как венатора сбили с ног, он успел переломить шею старику тем самым приемом, который использовал на арене. Последовал резкий хруст, и старый bestiарий упал замертво на пол.

«Стража! Стража!» — кричала дюжина голосов. В винную лавку вошел молодой центурион в блестящих доспехах. За ним следовал отряд солдат, вооруженных палками с железными наконечниками.

«Что тут происходит? — резко крикнул молодой центурион. — Чило, смотри, ты потеряешь свою лицензию. Кто этот человек? Клянусь Марсом, это Карпофор! Откачайте-ка его водой: я поставил на этого ублюдка в завтрашних играх 50 сестерциев».

«Он убил человека», — возмущенно закричал Чило.

«Кого? Этот старый мешок с костями? Не ври мне, грек, он умер от удара. Эй, Телегоний, вытащи труп и брось его в Тибр. Лучше следи за порядком, Чило, а то можешь оказаться на арене. Проследи, чтобы Карпофор был готов к завтрашней дневной охоте, или тебе не поздоровится».

Несколько bestiариев отнесли Карпофора в ближайшие бани. Там прекрасные массажисты привели его в нормальное состояние. Карпофора щекотали пером по горлу, чтобы заставить выbleвать вино. Врач забинтовал ему голову и зашил рану, которая снова начала кровоточить. На следующее утро Карпофор снова был в Колизее. Он чувствовал, что его рот был как Большая Клоака, но он был готов снова выйти на арену.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ночью арена была заполнена морской водой, доставленной из порта Остия (как римлянам удавалось делать это, даже при их огромном богатстве и неограниченных людских ресурсах, я не могу себе представить). Арена превратилась в гигантский аквариум, полный «морских чудовищ», как я полагаю, акул и огромных скатов. Сицилийские ловцы губок с ножами, зажатые между зубов, ныряли со стены подиума в искусственное озеро и дрались с чудовищами. Потом была битва между двумя флотами галер, один из которых выплыл из Ворот Жизни, а другой — из Ворот Смерти. Пока с арены спускали воду, зрителям показали номер с тюленями. Они лаяли, когда произносили их имена, и приносили рыбу своим хозяевам. Затем на еще сыром песке арены был устроен бой с быками.

Быки были зубрами (этот вид почти вымер сейчас), мускусными быками и европейскими бизонами. Римляне прекрасно знали различия между этими видами животных, поскольку они много раз видели их на арене, но натуралисты вплоть до 18 столетия путали их. Зубры чем-то напоминали длиннорогий скот старого Запада, но они были гораздо тяжелее и у них были короткие бороды. Рога старого зубра могли в длину превышать шесть футов. Европейский бизон похож на американского, но значительно меньше его. Мускусный бык был таким же, как сегодня. Бои с быками были впервые введены в игры императором Клавдием, поскольку они были относительно дешевы. Возможно, полудиких животных перегоняли в Рим конные пасту-

хи подобно тому, как ковбои перегоняли лонгхорнов или как в наше время верховые с деревянными пиками перегоняют испанских боевых быков. В стаде животные довольно послушны, но если одно животное отделить от стада, оно становится диким.

Когда быки выходили на арену, им сначала бросали куклы, которых они поднимали на рога. С помощью этого приема быку создавали должное настроение для нападения на живых людей. Затем на арену выходили bestiarii, чьей специальностью было уклонение от атак быков. На арене возводился внутренний барьер, чтобы удержать животных в центре арены, и через интервалы ставили бурладерос, такие же, какими пользуются в современном бое быков. Bestiarii выскакивали на арену из-за прикрытия этих бурладерос и начинали бегать по арене, провоцируя быков к нападению. Опытный bestiarius всегда чувствовал, не оборачиваясь, на каком расстоянии от него находится преследующий его бык. Он замедлял бег, если далеко отрывался от быка, чтобы погоня выглядела более драматичной. Если бык достигал его, он с предельной скоростью бежал под защиту бурладерос. Когда bestiarius скрывался за бурладерос, бык бил в дерево рогами и иногда откалывал щепки длиной в два или три фута. Однажды одна из таких щепок отлетела на трибуны и убила зрителя.

Часто два bestiarii работали вместе, причем один из них держался ближе к голове, а другой — ближе к хвосту быка. Животное крутилось, пытаясь достать сначала одного своего мучителя, а потом другого. Этот трюк можно было проделывать только с неопытными быками. Бык, побывавший на арене, знал этот трюк и сосредотачивался на одном человеке. Но bestiarii узнавали таких животных почти сразу же по их поведению. Опытный бык вместо того, чтобы самому слепо нападать на людей, ждал, чтобы они подошли к нему сами.

Вот и сейчас после нескольких минут такой разминки на арену вышли акробаты. Это были мужчины и женщины, одетые лишь в набедренные повязки. Они были с острова Крит и показывали свое традиционное искусство, фрагменты которого до сих пор можно увидеть на фресках в Кносском дворце. Надо признать, что многие историки сомневаются в том, что критяне выступали на арене, однако существуют римские фрески, на которых изображены мужчины, крутящие сальто-мортале над спинами быков. Я не сомневаюсь, что это был довольно стандартный трюк. Его и теперь время от времени показывают в родео. Делалось это так. Один человек отвлекал внимание быка, в то

время как другой бежал вперед, хватал быка за рога и вслед за этим немедленно подпрыгивал вверх и ставил ноги на лоб быка (надо помнить, что это были не испанские боевые быки, а дикие животные). Когда бык вскидывал голову и подбрасывал акробата вверх, тот крутил сальто-мортале, приземлялся на спину быка и тут же соскальзывал с нее. В это время его напарники кричали и бегали перед быком, отвлекая его внимание. Вариацией этого трюка было выполнение сальто-мортале назад и приземление на руки двух ожидающих напарников. Бык мог заставить лететь человека на расстояние до 50 футов. После этого бык вместо того, чтобы преследовать человека, обычно останавливался, озадаченно тряс головой, как бы говоря: «Куда же он подевался?», и нападал на другого акробата.

При выполнении этих трюков акробаты боялись не столько рогов быка, сколько его копыт. Если человек падал, ему часто удавалось избежать рогов нападающего быка, но не его копыт. Огромный вес животного сокрушал его, разрывая ему легкие и печень.

Между быками часто устраивались бои. Такой бой начинался и сейчас. Зубр приблизился к одному из бизонов, который лежал на песке. Зубр фыркнул, стал рыть копытами песок, но в атаку не бросился. Бестиарий пробежал между двумя животными, провоцируя зубра к нападению, но рассвирепел не зубр, а бизон. Он вскочил на ноги и бросился на человека со скоростью, недоступной ни одному зубру. Бестиарий как молния помчался к бурладерос, но бизон догнал бы его, если бы зубр не атаковал бизона. Бизон крутил и бодал зубра, приподнимая его над землей. Когда зубр упал на землю, бизон тут же ударил его рогом в глаз. При этом конец его рога застрял в черепе зубра и обломился. Затем он крутанулся на передних ногах и рысью отошел в сторону, оставив смертельно раненого зубра умирать на песке. В этот момент возбужденная патрицианка сорвала с себя дорогую брошь и без всякой причины, если не считать, что от возбуждения она потеряла голову, бросила ее на арену. Ее спутник, благородный молодой человек, прыгнул с подиума, подбежал к внутреннему барьеру, перемахнул через него, подобрал брошь и бросил ее обратно патрицианке. Но бизон увидел его. Он развернулся, напал на человека и убил его прямо на месте.

Начальник бестиариев, специальностью которых было дразнить быков, уклоняясь от их нападения, кивнул Начальнику игр, внимательно наблюдавшему за происходящим с края внутреннего барьера. Животные теперь были достаточно возбуждены, чтобы можно было перейти к следующему номеру.

Они становились все более мрачными. Никому из них, кроме бизона, не удалось убить хоть одного из своих мучителей. Быки начали делать стойки, называемые куеренчиями в современном бое быков. Животные либо собирались вместе, либо стояли, не двигаясь. Бестиарии и акробаты уже ничего не могли сделать. Чтобы вернуть быкам уверенность в себе, надо было убить хотя бы одного человека.

На арену вывели осужденных преступников, которых и должны были убить быки, чтобы приобрести эту уверенность (в бою быков для этих целей используют лошадей). Среди этих преступников находился жалкий мальчишка, который был миньоном Глико, то есть его наложником. Ему было не больше 15-16 лет. Он, спотыкаясь, вышел на арену, ослепленный блеском белого песка, ведь веларий не закрывал центральную часть арены, а защищал только зрителей. Глико, сидевший на подиуме рядом со своей любовницей, перегнулся через мраморную балюстраду и позвал мальчика. Тот, услышав знакомый голос и надеясь на отсрочку, побежал на голос. Движение привлекло внимание зубра, который сразу же бросился в атаку. Но прежде чем он успел ударить мальчишку, того вздернула в воздух невидимая проволока. Мальчишку обвязали перед выходом на арену. Проволокой управляли матросы на помосте, который находился наверху, под самым веларием. Мальчик с криком взлетел в воздух, а мгновение спустя его бросили под ноги бизону. Бизон хотел напасть, но мальчика снова подняли вверх, и это повторялось несколько раз. В это время Глико и его любовница хохотали, а толпа выла от восторга. В конце концов случайно или в соответствии с заранее задуманным планом зубр пронзил мальчика своим длинным рогом. Бык носился по арене, а на его роге корчился заходившийся в крике мальчик.

Когда все преступники были убиты, на арену снова выбежали бестиарии и акробаты. На этот раз за ними следовали фессалийские всадники. Они галопировали рядом с быками, хватали их за рога и бросали на землю, как это делается в современном родео. Плиний описал этот трюк. Всадники с пиками отвлекали внимание быков, когда на арену вышли венаторы с мечами и накидками. Среди них был Карпофор.

Некоторые быки уже бывали на арене раньше. Прыгун с шестом сделал ошибку, попытавшись показать свое искусство на одном из этих умудренных опытом животных. Он побежал к быку и, когда бык бросился на него, попытался перепрыгнуть через его голову. Но старый бык просто остановился и стал ждать, когда человек упадет. Выражение лица прыгуна, когда

он взлетел наверх, вызвало хохот толпы. Карпофор был вооружен копьем. Видя неминуемую гибель прыгуна, он шагнул вперед и ударил копьем зубра в бок.

Он думал, что бык тут же упадет замертво, но его удар оказался несмертельным, и раненое животное рванулось в сторону, вырвав копье из рук Карпофора (эта сцена изображена на фреске в Помпеях). Бык развернулся и бросился на Карпофора. Специальностью Карпофора было сражаться с животными, а не уклоняться от их атак, и он не смог избежать удара. Он оказался прижатым к земле между рогами быка.

Рога спасли его. Карпофор прижимался к ним, когда смертельно раненое животное било головой по песку. Другие венаторы бросились ему на помощь. Один из них схватил быка за хвост (это тоже изображено на фресках), другой набросил свою накидку ему на голову, третий мечом пробил ему бок. Им удалось затащить Карпофора за бурладерос. Даже когда они несли раненого венатора вдоль внешней стороны внутреннего барьера к Воротам Смерти, бык следовал за ними с внутренней стороны. Когда они наконец ушли с арены, бык бросился назад и снова вступил в бой так неожиданно, что застал врасплох венаторов, следующих за ним. Он подбросил одного из них на пятнадцать футов вверх, прыгал по арене, как ягненок весной на лугу, ожидая падения венатора, и затем боднул его еще раз. Венаторам удалось в конце концов отнять у быка мертвое тело и перекинуть его через внутренний барьер. Затем они отступили, чтобы дать смертельно раненному быку спокойно умереть.

Бык медленно пошел вперед, потом остановился, нюхая окровавленный песок, как благовоние. Затем спокойно и удовлетворенно поднял глаза на воющую толпу и гордо стоял, пока у него не подкосились ноги и он не упал замертво.

У Карпофора было сломано два ребра, и врачу пришлось перевязать его перед новым выходом на арену. Чтобы не сомневаться в том, что даже после получения таких травм человек способен продолжать участвовать в боях, следует вспомнить мексиканского матадора Карпецерито. Когда бык ранил его и Карпецерито унесли с арены на операционный стол, он, услышав, что зрители требуют выставить другого матадора, чтобы сражаться против быка, которого он не убил, соскочил со стола, обвязался полотенцем, чтобы у него из распоротого живота не выпали внутренности, и снова вышел на арену. Он убил быка, а потом упал в обморок от потери крови. Луис Прокуна однажды проехал 800 миль из Мехико в Нуэво Ларедо после того, как его ранил бык. Когда он приехал, пол его машины был залит

кровью, но он принял участие в бое быков. Я не знаю, какие раны могли вынести римские bestiarii, но мне известно, что они дрались в зрелищах, следующих одно за другим, и часто получали ужасные раны. Им приходилось быть мужественными, чтобы выжить.

Следующее зрелище было связано с недавним событием, вызвавшим большой интерес у римлян. Несколько недель назад кит сел на мель в порту Остия, и тысячи людей приезжали туда из Рима, чтобы посмотреть на монстра. На арене над одним из подъемников был сооружен макет кита. Когда открылась скрытая в его боку дверь, из нее выбежало несколько дюжин львов, медведей, диких лошадей, кабанов, оленей, антилоп, козорогов, страусов и леопардов. На арене было расставлено несколько качелей в виде досок, положенных на бревно. На каждый конец качелей поместили по одному осужденному преступнику. Так как человека, находящегося внизу, наверняка растерзали бы звери, жертвы прилагали отчаянные усилия, чтобы оказаться наверху. Это зрелище очень развлекло зрителей.

Затем на арену снова вышли bestiarii. Некоторые из них стали раскачиваться в корзинах, подвешенных над ареной, как маятники. Пролетая непосредственно над ареной, они оказывались так близко к ее поверхности, что животные могли их схватить. Суть трюка заключалась в умении так управлять движением своей корзины, чтобы, проходя нижнюю точку, не встретиться с поджидающими жертву животными. Из внутреннего барьера через турникеты вышли венаторы. Они стреляли изогнутыми стрелами по страусам, отсекая им головы. Эти стрелы действовали по принципу бумеранга с острыми краями, хотя, как ими можно было стрелять из лука, мне не удалось разгадать.

Карпофор вышел на арену со сворой боевых собак, которых он сам дрессировал. Судя по описанию, некоторые из этих собак были тибетскими мастифами. Римляне получали слонов и тигров из Индии, поэтому они вполне могли получать и собак из Тибета. Среди собак были гончие за вепрями, а также огромные молосские гончие из Эпира и гирканские гончие, которые отличались такой свирепостью, что римляне предполагали у них наличие тигриной крови.

Лучшими собаками Карпофора были британские. Общеизвестно, что британские псы — лучшая боевая порода собак. Британцы использовали их в войнах с римлянами, и римские легионеры приходили в ужас при виде этих монстров. Говорили, что такая собака может сломать шею быку. К сожалению, мы не знаем, как они выглядели. Их описывают и как «огром-

ных», и как «не очень больших». Возможно, они выглядели как норвежские гончие за лосями. Я сам думаю, что критерием отбора при выведении этой породы был не экстерьер, но мужество, как, например, это было с бультерьерами, которые могли быть любого цвета и весить от 15 до 45 фунтов.

Карпофор выпустил на арену своих собак. Он копьём направлял их к тому животному, которое должно было стать их жертвой. Они гнали оленей и антилоп по арене, валили их на землю и затем убивали. Один из оленей упал перед императорской ложей, как бы прося пощады. Толпа криками требовала пощадить оленя, и Домициан выполнил волю толпы. Более опасных животных собаки окружали со всех сторон и нападали на свою жертву все сразу, так что атакуемое животное не могло разделаться с собаками поодиночке. Когда Карпофор подходил, чтобы нанести животному смертельный удар, собаки хватили свою жертву за лапы, морду и гениталии и держали до тех пор, пока их хозяин не наносил удара копьём. Собаки приняли также участие в уничтожении быков. Некоторые из них были надрессированы хватать быка челюстями за нос и удерживать его голову внизу, пока венатор не наносил быку смертельный удар. У этих собак была выступающая вперед нижняя челюсть и поднятые вверх ноздри, что позволяло им дышать, не ослабляя хватки, и саблевидные ноги — это были предки современного английского бульдога. Иногда бык подбрасывал собаку вверх. Когда это случалось, служители с длинными шестами направляли летящую по воздуху собаку в руки других служителей, которые ловили ее и тем смягчали удар при падении. Один из быков, которого посчитали мертвым и оставили в покое, вдруг вскочил и убил одного из венаторов.

После этого был представлен ряд новых, быстро сменяющихся зрелищ. На женщин, которых тащили на колесницах, спускали гончих. Были поставлены живые картины на мифологические и исторические сюжеты: кастрация Алиса, сжигание заживо на погребальном костре Геркулеса, сжигание руки Муцием Сцеволой. Проститутка и ее сводник показывали различные позы при половом акте. Но в момент оргазма Карпофор спустил на обнимающуюся пару молосских собак, и они тотчас же разорвали их на части. Был распят грабитель, и медведей заставляли подпрыгивать и стаскивать умирающего с креста. Человек, представляющий Прометея, был прикован к скале, и специально обученный орел клевал ему печень. Когда орел кончил свое дело, как пишет Марциал, «искромсанные конечности еще двигались, хотя на теле не оставалось живого места».

Человека, одетого Дедалом, сбросили с высокого помоста. Когда он упал и разбился, на арену выпустили дикого вепря терзать его мертвое тело. Лев, который бросился на своего дрессировщика после того, как тот побил его, был убит венатором с помощью меча и накидки. «Хотя зверь не смирился с хлыстом, ему пришлось смириться с железом». Медведь, попавший в ловушку с птичьим клеем в горах, был окружен кольцом bestiариев. Он вертелся на окровавленном песке с опущенной головой, пока его не прикончил удар копья. Беременной свинье вскрыли брюхо ударом копья, и на песке рядом с ней рассыпался помет поросят. Один из них был живым.

Bestiарии организовали бои между разными видами животных: лев дрался с тигром, буйвол со слоном. Носорог подбросил рогом быка, как будто это была кукла из соломы. Затем он быстро, одного за другим, убил медведя, бизона и двух зубров. В конце концов против него выставили слона. Слон поднял метлу, которой подметали арену, и ослепил носорога острой щетиной. Ослепленный носорог проломил внутренний барьер и врезался в стену подиума. Слон прикончил оглушенное животное, растоптав его. Погонщик слона, гордый подвигом своего подопечного, дал ему конфет. Наконец, легионеры с помощью щитов и стены из копий очистили арену от животных. (Это было описано раньше).

Тут произошла весьма приятная неожиданность. Зрители уже собирались пообедать из своих собственных припасов, как вдруг по приказу эдителя, катапульты начали обстреливать трибуны жареными куропатками и фазанами. Рабы таскали корзины с разной изысканной снедью вверх и вниз по проходам. Затем катапульты осыпали толпу лотерейными билетами. Обладатель счастливого билета мог получить мебель, костюм, кошелек с золотыми монетами или ценный бриллиант. Домициан также приказал раздать билеты правительственной лотереи, по которой можно было выиграть торговый корабль, дом и даже большое поместье.

Некоторые выигрыши были своеобразной шуткой. Человек мог получить билет, дающий ему право на обладание красивой резной шкатулкой. Открыв ее, он выпускал на волю рой пчел. Другие обнаруживали, что они выиграли 10 медведей-людоедов или 10 мышей, или 10 головок салата-латука. В качестве шутки Элагабал, например, приказал стрелять по трибунам ядовитыми гадюками.

Когда началась раздача лотерейных билетов, многие покинули трибуны, потому что это всегда было сигналом ко всеоб-

щей потасовке, может быть, не менее свирепой, чем происходящее на арене. Масса людей из социальных низов охотно принимала в ней участие. После окончания раздачи билетов, спекулянты наводняли трибуны, предлагая откупить билеты с неизвестными выигрышами. Не зная, что они получают в качестве выигрыша, многие люди продавали свои билеты.

В обеденное время было показано еще несколько представлений. Была показана гонка собак с обезьянами в качестве жокеев. Была устроена битва между большими журавлями и африканскими пигмеями. Пигмеи были вооружены только заостренными камышинками. Мужчины боролись с огромными питонами. Заклинатели змей из школы в Марси (Греция) демонстрировали номера с кобрами. В конце был показан бой между женщинами и карликами. Как писал Стаций, «Марс и Богиня Смелости лопнули бы от смеха, глядя, как эти противники рубят друг друга».

Во второй половине дня к вечеру на арену снова вышли гладиаторы. Домициан разрешил своим гладиаторам принять участие в играх. Все они были свободными гражданами, выступавшими на арене за плату. В золотых доспехах и в шлемах, украшенных павлиньими перьями, они представляли собой великолепное зрелище. Их доспехи были сделаны лучшими ремесленниками Рима из чистого золота и украшены рельефными сценами гладиаторских боев. У гладиаторов Юлия Цезаря были доспехи из чистого серебра. Нерон превзошел его, дав своим гладиаторам доспехи, сделанные из янтаря. А сейчас Домициан старался превзойти обоих, облачив своих гладиаторов в золото. Я не знаю, сколько было тогда гладиаторов на арене, но, например, Траян выставил пять тысяч пар гладиаторов, которые должны были сражаться насмерть на празднике в честь победы над Децебалом в 106 году н.э.

Гладиаторы такого ранга представляли слишком большую ценность, чтобы использовать их в общей рукопашной. Поэтому были организованы парные бои. Толпа знала почти каждого гладиатора. Зрители кричали: «Тетраитес! Прим! Памфил!» Мы знаем имена этих людей, потому что они сохранились на надгробных памятниках. На памятниках были высечены изображения гладиаторов с пальмовой ветвью, как символом победы, в одной руке и мечом или трезубцем в другой.

Для этих индивидуальных боев, если они не происходили между ретиарием и секутором, судья наносил на песке линию, которая обозначала место, где два гладиатора должны были встретиться. Оба гладиатора стояли по разные стороны этой

линии, и судья давал им последние наставления. Рабы держали их шлемы и щиты. Ожидавшие своего выступления гладиаторы лежали, развалившись под статуями Победы на стенах подиума.

Сигнал к бою дал трубач. Его труба была похожа на французский рожок. Два гладиатора начали медленно сходитьсь. Их лица были закрыты забралами, а сами они скрывались за огромными резными щитами. На трибунах ходили разносчики, продающие сувенирные стаканы и маленькие подносики с изображениями гладиаторов. Когда раздался стук мечей, толпа замерла, ведь многие зрители поставили все, что имели, даже свою свободу, в пари за исход боя.

Один из бойцов зашатался. Он устоял, но кровь покрыла его золотые доспехи. Из пятидесяти тысяч глоток вырвался крик: «Ранен!» Некоторые кричали радостно, другие — в отчаянии, в зависимости от того, на кого они поставили.

Раненый упал на колени. Его противник давил на него, используя вес щита и собственного тела и принуждая лечь на землю. Гладиатор упал и сделал знак мольбы о пощаде. Люди на трибунах закричали. Немногие поднимали палец вверх или опускали его вниз, большинство было занято уплатой проигрышей и сбором выигрышей.

Затем еще одна пара гладиаторов вышла на арену, а потом и еще одна. Во время боев толпа топала от энтузиазма, выла от ярости, аплодировала от восторга или выкрикивала сражающимся замысловатые оскорбления. С трибун постоянно кричали: «Хорошо! Целься в грудь! Что с тобой, питающаяся отбросами личинка? Пусть он получит! Врежь ему!». Когда один из бойцов падал, а победитель поворачивался к трибунам, толпа впадала в неистовый восторг, особенно те зрители, которые на него поставили. У многих женщин начинались истерические конвульсии, и не только у простолудинок в верхних рядах. Благородные дамы на подиуме тоже часто теряли головы. Когда красивый молодой мормиллон, только несколько недель назад бывший простым работником на ферме на склонах Аппенин, шел вдоль подиума с поднятым вверх окровавленным мечом, знатная дама произвольно вскрикнула и бросила на арену свои брошь и ожерелье. Затем она сорвала с пальцев кольца и побросала их на арену. Но на этом она не остановилась. Вслед за кольцами полетело и ее белье. Когда молодой мормиллон подошел к скомканному белью, он сначала подумал, что дама бросила на арену свой шарф или плащ. Но когда он поднял его, чтобы бросить назад, белье развернулось. Простой парень с ужасом уставился на то, что держал в руках. Затем он уронил белье и убежал с арены, «более уstraшен-

ный дамским бельем, чем мечом врага». Зрители нашли это убийственно смешным и чуть не лопнули от смеха. Не веселился только муж знатной дамы.

Однако ему повезло больше, чем мужу Гиппии, знатной дамы, которая бросила мужа и детей и убежала в Египет с гладиатором по имени Сергей. Ювенал говорил с горечью: «Сергий был калекой и не первой молодости, у него было изуродованное лицо, лоб был покрыт мозолями, натертыми шлемом, сломан нос, а глаза налиты кровью. Но он хорошо владел мечом!». Я не знаю, хотел ли Ювенал сказать двусмысленность. Многие знатные дамы были любовницами знаменитых гладиаторов, но лишь немногие бежали со своими любовниками.

Затем начались бои между ретиариями и секуторами. На голове одного из ретиариев был шлем с забралом, который скрывал его лицо, что было для ретиариев очень необычно. Секутор был спокойным старым бойцом, в то время как ретиарий был неловким нервным молодым человеком, очевидно, неуверенным в себе. Неожиданно секутор быстро шагнул под крутящуюся сеть, выбил трезубец из рук своего противника и сбил его с ног. Зрители с презрением подали знак смерти. Этот сигнал мгновенно повторил эдитор. Охваченный отчаянием ретиарий сорвал у себя с головы шлем и протянул обе руки к толпе, моля о пощаде. У зрителей вырвался вздох ужаса. Все узнали в молодом человеке Гракха, потомка древнего патрицианского рода. Пьяница и мот, молодой патриций ушел из семьи и стал опускаться все ниже и ниже. В конце концов он стал профессиональным гладиатором.

Без колебаний император дал сигнал убить ретиария, но секутор не стал убивать «такого знатного и так низко павшего человека». Среди гробового молчания молодой человек ускользнул с арены.

Бои были в разгаре. Рабы укладывали на двухколесные тележки раненых гладиаторов, поскольку те были слишком дороги, чтобы жечь их железными прутьями или разбивать им молотком головы. Судьи были вынуждены заботиться о спасении раненых даже тогда, когда вердикт толпы даровал им жизнь, поскольку обезумевшие от возбуждения победители часто добивали побежденных на месте, игнорируя волю зрителей. На фреске в Геркулануме изображен судья, пытающийся предотвратить убийство беспомощного самнита победившим его мирмиллоном. Когда толпа устала от одиночных боев, на арене стали сражаться отряды гладиаторов. Отряд галлов бился с отрядом фракийцев. Домициан всегда болел за фракийцев.

Римляне становились фанатичными болельщиками определенных типов гладиаторов, так же как они болели за Красных или Голубых во время состязаний на колесницах. Один человек из зрителей подпрыгнул и возбужденно выкрикнул: «Галлы! Опозорьте этих фракийцев. Их любит император, но против вас, ребята, они не выстоят». Разгневанный Домициан приказал схватить смельчака и бросить его на арену, спустив на него гирканских гончих.

После окончания боев пеших гладиаторов на арене начались бои между эквестрами, то есть конными воинами в доспехах, вооруженными копьями. Доспехи эквестров не были похожи на средневековые рыцарские доспехи: у них были только нагрудники, шлемы с забралами и поножи. Однако римляне знали, как делать сочленения на доспехах, защищавшие суставы и позволявшие воину двигаться. У секуторов было такое сочленение на правой руке. Возможно, что и у эквестров были доспехи с сочленениями. У них даже могли быть кольчуги. Вероятно, копия у них были легкими, подобные пикам легкой кавалерии, сражавшейся под Балаклавой. Я не могу понять, почему римляне не использовали широко эквестров на войне. Закованный в доспехи воин на коне может справиться почти с любым количеством пеших воинов, как это показали впоследствии средневековые рыцари. В конце концов король Артур жил всего лишь на два столетия позже, чем Домициан. Вполне возможно, что этого британского правителя обучали римляне. Он с успехом использовал рыцарей в боевых действиях. Но основой военной мощи Рима всегда были пешие легионы. Это было большой ошибкой римлян.

Когда турнир эквестров закончился, уже стемнело, но игры продолжались. Катапулты бросали в толпу фиги, финики, пироги и сливы. Бесплатно раздавалось вино. Зажгли факелы, опрысканные благовониями. Факелы горели разными цветами: красным, желтым, голубым и зеленым. С велария свисали серебряные звезды. На арене кавалерия сражалась с колесницами, тяжеловооруженные гагломахи бились с такими же хорошо вооруженными провокаторами. Цветные огни отражались на щитах и лезвиях мечей. В заключение игр этого дня арена была опять затоплена водой для битвы между африканцами на боевых каноэ. В это же время баржи, полные прекрасных обнаженных девушек, плавали вдоль стены подиума. Девушки пели и бросали на трибуны ленточки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Великий римский император и философ Марк Аврелий однажды заметил: «Я не возражал бы против жестокости и вульгарности игр, если бы они не были так утомительно однообразны».

Хотя римляне вкладывали в игры много изобретательности, несомненно, Марк Аврелий был прав. Но у черни развилась настоящая страсть к играм, и ее надо было удовлетворять. Ницше считал, что великая движущая сила, которая сделала римлян владыками мира, должна была иметь отдушину. Когда не осталось стран и народов, которые нужно было завоевывать, такой отдушиной стали игры.

Я упомяну только некоторые из зрелищ, которые показывали на арене в последующие четыре дня игр. Ночью на арене была сооружена крепость. На следующее утро ее осадили легионеры с таранами и катапультами. Крепость обстреливали горящими стрелами. Город защищали персы. Римляне наступали под прикрытием «крыши» из щитов, а персы бросали на «черепаху», как назывался этот строй, камни и бревна, лили кипящее масло. Под защитой «черепахи» в стены били таранами, наконечниками которым служили сделанные из бронзы бараньи головы. К крепостной стене подвезли на катках подвижные башни. С вершин этих башен на нее были перекинута мостики, по которым устремились в осажденную крепость атакующие войска. Катапульти, расположенные в нижних этажах башен, метали в защитников крепости камни и пучки

дротиков. Легионерам удалось захватить крепость, но с большими потерями.

Потом были бои между гладиаторами, вооруженными палками и дубинами с железными наконечниками. Пагниарии бились кнутами, защищая себя деревянными щитами, а постулаты сражались стрелами. Для развлечения толпы в дневные часы женщин привязывали к быкам и волочили по арене, пока они не погибали, а мужчины, как сатиры, насиловали маленьких мальчиков. Признавшегося в том, что он христианин, Антипаса посадили в бронзового быка и развели под ним огонь. Крики человека вылетали из горла быка, и казалось, что это ревет бык. Шимпанзе напаивали, а затем подстрекали насилловать привязанных к столбам девушек. Когда этих обезьян размером с человека открыли в Африке, римляне приняли их за настоящих сатиров, существ из мифологии. На арене побывали и другие обезьяны тоже ростом с человека — титирусы — с круглыми мордами красноватого цвета и усами. Их изображения можно увидеть на вазах. Это были, по-видимому, орангутанги, которых привезли из Индонезии. Насколько мне известно, римляне никогда не выставляли в цирках горилл, хотя эти самые большие в мире обезьяны были известны еще финикийцам, которые и дали им название, означающее «волосатые дикари».

На арене показывали также и забавные сценки, вернее, то, что римляне считали забавным. Ювелир, продававший фальшивые драгоценные камни, был приговорен к арене. Несчастного выгнали на арену, везя перед ним закрытую львиную клетку. Ювелир бросился на колени и взмолился о пощаде. Дверь клетки распахнулась, и из нее вышел цыпленок. Ювелир от шока упал в обморок. Император приказал герольдам объявить: «Этот человек обманывал, поэтому и его обманули». Ювелиру позволили покинуть арену живым /Это произошло во времена правления императора Галлиена в 250 году н.э./.

У римлян было своеобразное чувство юмора. Во времена Калигулы на арену однажды выпустили гладиатора, которому предварительно отрубили правую руку, и в таком беспомощном состоянии он должен был сражаться. Толпе это показалось необыкновенно смешным. Другой гладиатор по имени Басс защищал себя золотым ночным горшком. Но один поступок Калигулы кажется сегодня, если не смешным, то по крайней мере справедливым.

В проходе под трибунами собиралась группа людей, которые ожидали, когда осужденных поведут на арену. Это были дегенераты самого отталкивающего типа. Они следовали за осужденны-

ми, плевали на них, хватали, избивали, калечили и подробно расписывали им ожидающие их муки. Страх и унижение несчастных были для дегенератов сексуальным стимулятором /Эльза Кох, жена надзирателя в Бухенвальде, была извращенкой того же типа. Она любила ласкать осужденных узников, идущих в газовую камеру, когда их проводили мимо нее/.

Эти извращенцы создавали большое неудобство для стражников, охранявших узников, и поэтому был отдан строжайший приказ выгонять их из-под трибун. Но им все равно удавалось подкупом или силой пробраться туда. Желая насладиться страданиями осужденных как можно дольше, они толпились в проходах, ведущих на подиум, и даже на самом подиуме. Однажды Калигула отдал приказ не выгонять их из цирка. Садисты набросились на группу идущих на арену узников и стали их бить и щипать. Дегенераты были столь поглощены этим занятием, что вместе с осужденными прошли на арену. Внезапно они услышали лязг закрываемых ворот. Извращенцы стали бегать взад-вперед перед стеной подиума, крича, что они римские граждане и что произошла страшная ошибка. Понаслаждавшись некоторое время их ужимками, Калигула приказал выпустить на арену диких зверей, и дегенераты все до одного погибли вместе со своими прежними жертвами.

Не все зрелища были связаны с кровью и сексом, хотя именно такие зрелища в основном и привлекали зрителей в цирк. Эволюция римских зрелищ в чем-то была подобна эволюции бурлеска в Америке. Первоначально бурлеск совмещал элементы водевиля, комедии и балета, и, конечно, в нем участвовала масса красивых девушек, хотя они служили лишь декорацией к основным сценам. По мере того, как вкусы аудитории становились более грубыми, основным зрелищем становился стриптиз. Бурлеск, создавший таких комедийных актеров, как У.С.Филдс, Фанни Брайс и Берт Лар, впоследствии стал создавать таких актеров, которые лишь отпускали грязные шутки и помогали девушкам развязывать завязки на платьях. Однако, поскольку непрерывный стриптиз был бы слишком однообразен, в бурлеск включали выступления певцов, водевильные сценки, танцевальные номера.

Римской черни тоже надо было время от времени отдыхать от гладиаторских боев и избиений животных венаторами. Паузы заполнялись танцевальными номерами, шутками в стиле «черного юмора» и выступлениями дрессированных животных. Апулей описывает один из таких танцев:

«Несколько красивых девушек и юношей танцевали греческий танец. Цепочки танцоров сплетались, образуя круги, и вновь расплетались, иногда все танцующие соединяли руки и двигались в бок, а затем разделялись на четыре клинообразные группы, причем основания треугольников, в которые строились группы танцоров, образовывали в центре свободное место. Затем юноши и девушки неожиданно разделялись и танцевали друг против друга».

Разыгрываемые на арене сценки были типичными скетчами на тему спальни. Подобные скетчи оставались неизменными две тысячи лет. Вот пример. Мужчина и женщина лежат в постели. Раздается громкий стук в дверь. «Милостивая Веста, это мой муж», — вскрикивает женщина. Мужчина нырнул под кровать. Оказалось, что вновь прибывший — один из любовников женщины. Только успели они забраться в постель, как снова раздался стук в дверь, и этот любовник тоже спрятался под кровать. Так продолжалось до тех пор, пока не пришел муж. После мимической сцены один из любовников надел ему на голову горшок, и все убежали с арены.

Номера с дрессированными животными бывали, действительно, замечательными. Римляне могли использовать в играх практически неограниченное число животных, а бестиарии — отбирать из них наиболее способных. Римские дрессировщики находились в значительно лучшем положении, чем современные дрессировщики, которые вынуждены работать с теми животными, которых им удалось купить, достать, выпросить. Римские дрессировщики не были ограничены во времени, и в их распоряжении был дешевый труд помощников, служителей при клетках и т.д. Они обучали слонов ходить по натянутой проволоке, лошадей — танцевать на задних ногах, медведей — таскать колесницу, в которой в качестве возничего тоже сидел медведь. У римлян были дрессированные утки и гуси, которые выступали не хуже дрессированных обезьян. У фассалийцев были «быки так же хорошо обученные, как лошади в упряжках колесницы». Эти быки по команде ложились на землю, возили колесницы или дрались друг с другом. И современные дрессировщики могут подготовить с животными подобные трюки. Но римляне делали просто невероятные вещи: обучали львов ловить зайцев и приносить их живыми к ногам дрессировщиков, и это после того, как львы убивали быков, чтобы доказать свою свирепость. Римляне показывали и охоту: африканские леопарды преследовали антилоп, а рысь из африканских пустынь ловила кроликов и куропаток.

Римляне демонстрировали и единорогов. На самом деле эти животные были сернобыками из Африки. Бестиарии связывали два рога молодого сернобыка вместе, приживляя их друг к другу подобно тому, как к дереву прививают лозу. Мягкие молодые рога срастались, образуя один прямой рог, который становился лучшим оружием против других животных на арене. Этот обычай, возможно, и послужил причиной возникновения легенды о единороге, хотя некоторые исследователи считают, что единорогом называли обычного индийского носорога.

Между животными часто устраивали единоборства, и некоторые животные, участвовавшие в них, были так же хорошо известны, как и знаменитые гладиаторы. Стаций посвятил прекрасную оду старому льву, убитому на арене своим более молодым противником:

«Ты подчинился хозяину, который был слабее тебя, научился входить и выходить из клетки по его команде, приносить ему добычу и даже позволял ему класть руку в свою пасть. Бедняга, что принесло это тебе? Ты был ужасом арены, и другие львы уступали тебе дорогу. Ты мужественно погиб в борьбе, как солдат. Даже когда ты знал, что твоя рана смертельна, ты, раскрыв пасть, ждал врага, который должен был тебя убить».

«Но знай, что народ и сенат оплакивали тебя, как если бы ты был знаменитым гладиатором. Тысячи других от Скифии до берегов Рейна гибли на арене, но только твоя гибель опечалила Цезаря».

Встречаются сообщения о дрессированных львах, тянувших колесницы эдиторов, а также о том, как львы спасали своих хозяев-бестиариев от диких зверей. Грек Андрокл был рабом и сбежал от своего хозяина. Скитаясь по пустыне, он наткнулся на льва с шипом в лапе. Андрокл вытащил шип, и лев навсегда запомнил своего спасителя. Льва поймали и отправили на арену. То же случилось и с Андроклом. Умиравшего от голода льва выпустили на арену, чтобы он сожрал беглого раба, но лев не стал убивать своего друга. Тогда на арену выпустили леопарда, чтобы он все-таки прикончил Андрокла, но лев защитил его и убил леопарда. Впоследствии Андрокл зарабатывал на жизнь, показывая льва в тавернах. Геллий и Аэлиан клялись в правдивости этой истории (она произошла в правление Клавдия), так что я верю им, хотя у меня и есть определенные сомнения. В любом случае это одна из самых прекрасных легенд в истории.

Одна богатая знатная дама, пообещав Карпофору фантастическую сумму денег, попросила его привести к ней домой ночью

одного из его дрессированных ослов. Карпофор, естественно, выполнил ее просьбу. Дама тщательно подготовилась в приходу осла. Четыре евнуха постелили на пол перину, покрытую тирской пурпурной тканью, вышитой золотом, и положили в изголовье мягкие подушки. Дама приказа Карпофору привести осла на постель, и затем собственными руками натерла его бальзамом. Когда приготовления закончились, Карпофора попросили покинуть комнату и прийти на следующий день. Подобная история подробно описана в книге Апулея «Золотой осел».

Дама требовала услуг осла так часто, что Карпофор начал опасаться, что она изнурит себя и погибнет, но через несколько недель он уже беспокоился только о том, что дама истощит силы ценного животного. Однако, он заработал столько денег на этом, что смог купить настоящий рог единорога. Конечно, Карпофор знал все о единорогах-сернобыках, которых широко использовали на арене, но этот рог не был рогом такого сернобыка. Он достигал в длину 7 футов. В Риме было лишь несколько подобных рогов, и они очень ценились, поскольку считалось, что, если в чашу из такого рога налить отравленное вино, оно закипит и тем самым обнаружит присутствие яда. Карпофор опасался, что купил подделку, но, тщательно изучив свою покупку, он убедился, что рог настоящий и не принадлежит ни одному из известных ему животных. Бестиарий счел делом чести найти единорога и показать его на арене.

Единорогов считали тропическими животными, но Карпофору удалось выяснить, что их рога привозили из балтийских стран. Он решил, что этим можно объяснить, почему ни одному из римских ловцов животных так и не удалось встретить единорога в Африке или Азии. Карпофор познакомился с викингами, которые прибыли на кораблях в Остию торговать, но по дороге иногда баловались пиратством. У викингов были обломки рога. Карпофору удалось напоить одного из них в таверне Чило. Моряк рассказал Карпофору, что рог принадлежал большой рыбе, которую рыбаки иногда обнаруживают в своих сетях. Викинги называли эту рыбу нарвалом. Нарвала можно было бы назвать морским единорогом, поскольку у него был длинный рог, растущий на кончике носа.

Карпофор не поверил этой небылице. Рог был из кости, напоминавшей слоновую, а таких костей у рыб не бывает. Но он подумал, что единороги, наверное, иногда плавают по рекам и попадают в сети рыбаков. Так, видимо, и возникла эта легенда. Карпофор отправился на Балтику вместе с ловцом медве-

дей, но ему так и не удалось найти единорога. Но он достал нечто более ценное: трех больших белых медведей, которые не были похожи ни на один из ранее известных ему видов. Эти медведи были пойманы на айсбергах около Ultima Thule, последней земли, лежащей к северу. Сегодня мы называем ее Исландией.

Карпофору пришла в голову сумасшедшая мысль, что эти медведи могли прийти с большой земли, лежащей к западу, так как, конечно, они не могли проводить всю жизнь на дрейфующем айсберге. Возвращаясь назад в Рим с медведями, он изложил свою гипотезу молодому центуриону, командовавшему одним из фортов на границе с Шотландией. Этот форт был построен, чтобы не допустить нападений пиктов и скотов на римскую Британию.

«К западу земли нет», — уверенно сказал центурион Карпофору.

«Почему ты так считаешь?» — спросил бестиарий.

«Если бы там была земля, проклятое правительство послало бы туда нас, легионеров», — ответил центурион, опустошив чашу крепкого вина.

Выступления белых медведей на арене всегда пользовались успехом у зрителей. Римский писатель Кальпурний описал, как была затоплена арена и как медведи ныряли в воду и нападали на тюленей. (Точно известно, что белых медведей показывали на арене, но неизвестно, когда это было). Но когда пришло время для следующего зрелища, медведей не смогли прогнать с арены. Дело в том, что они еще были голодны и продолжали поедать тюленей. Белые медведи бывают строптивы, даже не будучи голодными. И прогнать их с арены было трудно.

Тогда император дал сигнал лучникам пристрелить зверей, так как зрелища шли точно по расписанию. Карпофор не хотел допустить гибели ценных медведей. Он спрыгнул в воду, которая доходила ему до колена, и попытался прогнать медведей с помощью своего цепа. Поскольку его движения в воде были затруднены, он не смог уклониться от бросившихся на него животных. Карпофор погиб, как и большинство людей его профессии, от зубов и когтей своих диких подопечных. Римляне так никогда и не поняли, что у них в руках был ключ к новому великому миру — Америке.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Вам, может быть, интересно узнать, откуда римляне брали животных для игр. Вам это будет особенно интересно после того, как вы ознакомитесь с некоторыми цифрами. Траян устроил игры, которые продолжались 122 дня и в которых было убито 11 000 человек и 10 000 животных. А зрелища, устроенные Титом в честь открытия Колизея, продолжались 100 дней, и в них погибло 5 000 диких зверей и 4 000 домашних животных. В 249 году н.э. Филипп праздновал тысячелетие основания Рима и в честь этой даты устроил игры, в которых было убито 1000 пар гладиаторов, 32 слона, 10 тигров, 60 львов, 30 леопардов, 10 гиен, 10 жирафов, 20 диких ослов, 40 диких лошадей, 10 зебр, 6 бегемотов и 1 носорог.

Статистика сама по себе мало что значит, поэтому приведем некоторые примеры. Император Коммод собственноручно в один день убил из лука 5 бегемотов, стреляя в них из императорской ложи. После падения Римской империи бегемота снова привезли в Европу лишь в 1850 году, причем охотой за ним занималось целое армейское подразделение. Доставка бегемота из верховьев Белого Нила в Каир заняла пять месяцев. Бегемот провел зиму в Каире, и затем его перевезли в Англию в цистерне, вмещавшей 400 галлонов воды, для того чтобы животное могло охлаждаться. Это было в 1850 году. А римляне привозили для своих игр бегемотов в большом количестве. Они истребили бегемотов в Ниле на территории Египта. Римляне ввозили как африканских, так и индийских носорогов, и даже

самые невежественные зрители легко различали этих животных. Мозаика с изображением охоты за индийским носорогом была недавно обнаружена на Сицилии. Впоследствии индийского носорога удалось доставить в Европу только в 1515 году. Сегодня в неволе живут лишь 6 носорогов.

Целые территории лишались своих диких животных. Отцы ранней христианской церкви находили только одну положительную сторону в кровавых спектаклях: благодаря им от опасных хищников очищались целые округа, и там становилось безопасно заниматься сельским хозяйством. Несколько видов животных были либо совершенно истреблены, либо их численность сильно снизилась. К ним относятся европейский лев, зубр, ливийский слон и, возможно, африканский медведь. Сегодня в Африке нет медведей, и большинство ученых считает, что их там никогда не было, но известно, что римляне «получали» медведей из Восточной Африки и Нубии. Что это были за животные?

Мы этого не знаем, но любопытно, что в Кении и сегодня существует стойкая легенда о «медведе Нанди», большом и свирепом животном, живущем в Абердарских горах. Он время от времени нападает на местных жителей. Несколько белых людей даже видели его, но никому еще не удавалось его убить или поймать. Недавно там были обнаружены остатки поселения римских ловцов животных. Возможно, «африканский медведь» все еще существует.

Ловля и доставка на кораблях тысяч животных стала громадной индустрией. Дикие животные были самым ценным даром, который варварский монарх мог преподнести своим римским господам. Даже римские губернаторы должны были заниматься ловлей животных. Сохранилась интересная переписка между Цицероном, назначенным губернатором Малой Азии, и Целием Руфом, который был эдилом в Риме. Руф хотел достать леопардов для организуемых им игр. Цицерон был занят делами управления своей провинции, и ему совсем не хотелось заниматься ловлей леопардов. Бедный Цицерон еще даже не добрался до вверенной ему провинции, но уже получил письмо от Руфа: «Дорогой Цицерон! Пожалуйста, постарайся достать для меня несколько хороших леопардов, хотя бы десять для начала. Поторопи с этим местных жителей». Когда ожидаемые леопарды не прибыли, Руф написал: «Мой дорогой друг Цицерон! Почти во всех своих письмах я напоминаю тебе о леопардах. Для тебя будет страшным бесчестием, если, после того как Патиск /римский купец/ прислал мне 10 леопардов,

ты не сможешь прислать мне больше. У меня есть эти 10 леопардов и еще 10 леопардов, присланных мне из Африки. Если ты не пришлешь мне леопардов в ближайшее время, мне придется доставать их в другом месте». А позднее он написал: «Если бы я не получил несколько леопардов от Курио, мне не удалось бы организовать хорошее зрелище. Если ты не пришлешь мне несколько леопардов, не рассчитывай на мое покровительство».

Цицерон писал другу: «Получил еще одно письмо от Руфа... он пишет только о леопардах». Руф, наконец, провел свои игры и был избран эдилом. Цицерон сразу же написал ему: «Дорогой Руф, не могу тебе описать, как я расстроен проблемой с леопардами. Я направил на поиски леопардов всех профессиональных ловцов, но в это время года они встречаются редко. Не беспокойся, поисками занимается множество людей. Все пойманные нами леопарды будут твоими».

У Руфа были основания сердиться. Сулла, ставший диктатором, открыто признавал, что народ проголосовал за него прежде всего потому, что благодаря своим связям с Бохусом, африканским царьком, он мог доставать множество животных для игр. В поисках зверей римские трапперы доходили до Норвегии, откуда они отправляли лосей, до Бирмы, где ловили носорогов, кобр и слонов, и до озера Виктория в сердце Африки. Как и сегодня, Африка была основным охотничьим угольем для отлова диких животных. Римляне даже выставляли на арену африканских дикобразов. Обнаженные мальчики должны были ловить их голыми руками. Римский комедиограф Плавт писал: «Клянусь богами, в следующий раз они покажут дрессированных африканских мышей».

Используя информацию, взятую из разных источников, давайте создадим образ Фульциния, профессионального ловца диких животных в Африке. Мы можем предположить, что Фульциний был мулатом: отцом его был служивший в Африке римский легионер, а мать была негритянкой. Как и сегодня, метисов не любила ни та, ни другая раса, и Фульциний вырос одиноким мальчиком. Он считал себя выше людей народа своей матери, но знал, что римляне никогда не будут считать его равным себе. Римские писатели описывали такого человека «как дикаря среди дикарей, застенчивого, угрюмого и замкнутого, ненавидящего общество и счастливого только в джунглях».

От людей из народа своей матери Фульциний узнал приемы ловли диких животных, которые остались неизменными

до наших дней. Он научился делать ловушки для львов. Для этого надо было вырыть яму, окружить ее высоким забором и посадить в яму привязанного теленка. Лев, услышав его мычание, перепрыгивал через забор и падал в яму. Фульцинию помогали местные жители: они загоняли в реку стадо антилоп, а потом из лодок ловили их арканами. Был и другой способ ловли антилоп: их загоняли в ложину, дно которой было покрыто сырыми шкурами. Животные скользили по ним, падали, и их легко было связать. Под началом Фульциния были сотни загонщиков, которые оцепляли участок джунглей, и, создавая сильный шум и прочесывая участок, загоняли животных во все уменьшающееся свободное пространство. Нумидийские копейщики образовывали своими большими овальными щитами стену вокруг согнанных животных, а люди с лассо и сетями ловили их и связывали. По-видимому, этим способом ловили даже львов. Такая охота изображена на римской вилле в Боне (Алжир).

Недавно на Сицилии, около деревни Армерина, была обнаружена вилла. Стены этой виллы украшены фресками. Некоторые из них достигают 66 ярдов в длину. На них подробно показано, как ловят диких животных и сажают их в клетки для отправки на корабли. Предполагают, что эта вилла служила летней резиденцией императора Марка Аврелия Валерия Максимиана, который правил около 300 года н.э. То, что столько места в доме императора было отдано показу ловли диких животных, говорит, какое важное место в жизни римлян занимало все, что было связано с дикими животными.

На одной из мозаик изображены всадники, загоняющие стадо оленей в кольцо сетей. Один из оленей уже запутался в сетях. Другая мозаика изображает, как группа людей грузит слонов на галеру, а в это время другая группа тащит к трапу упирающегося детеныша носорога, а сзади на него лают собаки. Третья мозаика показывает римского ловца животных с огромным щитом. Он указывает на льва, который пожирает только что убитого им сернобыка, и показывает своим мавританским помощникам, как окружить и опутать сетями этого льва. И еще на одной мозаике изображена повозка, которую тащат быки и которой управляют погонщики. На повозке стоит большая деревянная клетка, в которой находятся лев и леопард. В таких клетках животных перевозили на кораблях. Рядом с клеткой идет ловец животных, поддерживающий ее рукой. Наверху клетки имеется трубообразное приспособление, которое часто встречается на этих мозаиках. По-видимому, оно служило для

подачи воды в клетку. Фреска показывает людей, несущих клетку на корабль, и еще двух человек, умиряющих коровью антилопу на корабле. Другие люди несут доску с медведями, завернутыми в сеть, свисающую с шестов.

Фульциний должен был делать все это и многое другое. Он ловил слонов, загоняя их в ущелья, не имеющие другого выхода. Поскольку у него наверняка не было ручных слонов, которых используют для ловли их диких собратьев, он добивался послушания загнанных в ущелье животных тем, что морил их голодом и жаждой. Чтобы поймать детенышей слонов, он нанимал нумидийцев, которые незаметно подбирались к стаду слонов и подрезали слонихам коленные сухожилия, чтобы они не смогли защитить своих детенышей.

Он ловил шимпанзе и бабуинов, выставляя для них сосуды с вином, а затем без труда захватывал опьяневших животных. Чтобы поймать питона, недалеко от того места, где он находился, ставили длинные ящики, сделанные из тростника. Затем питона гнали к ящику, и он, принимая ящик за щель, прятался в нем. Тогда отверстие ящика закрывали. Когда «медведя» находили в берлоге /кем бы ни был африканский медведь/, перед ним вешали сети, а затем ревом труб и громкими криками выгоняли наружу. На звериных тропах ставили петли и гнали к ним животных. Вдоль троп развешивали цветные ленточки, и животные, пугаясь незнакомых предметов, не решались отпрыгнуть в сторону.

Такие охоты были грандиозными мероприятиями. Ловцы зверей могли потребовать, чтобы им помогали легионеры, размещенные в данной местности, поскольку поставка животных считалась делом государственным. Все гражданское население могло быть мобилизовано на охоту, и, как показывают письма Цицерона, это часто подрывало местную экономику, поскольку охота длилась неделями.

Как и для всех ловцов зверей, главной проблемой для Фульциния была не ловля зверей, а их доставка. Фульциний устроил вдоль пути следования пойманных животных путевые станции, где животные могли отдохнуть в больших загонах. Римские законы требовали, чтобы окрестные жители обеспечивали животных кормом. Но получить корм для животных от местных жителей иногда было так сложно, что Фульцинию приходилось обращаться за помощью к римским гарнизонам. Если гарнизона поблизости не было, он обращался к наемным копейщикам, которые сопровождали караван животных. Это были безжалостные люди. Однажды они выкопали трупы на

кладбище и накормили ими голодных животных. На Фульциния часто жаловались в Рим, но у него всегда был один ответ: «Вы хотите или не хотите получить животных?». Но императору все-таки пришлось издать указ, запрещающий держать животных на одной станции больше недели.

Однако погрузкой на корабль дело не кончалось. Пути в римский порт Остию был долгим и опасным. «Матросы боялись своего собственного груза», — писал Клавдиан. Особенно опасным из-за рифов и мелей было плавание по Красному морю. Трудности плавания усугублялись еще и тем, что плыть приходилось ночью, так как днем корабли приставали к берегу, чтобы укрыть животных от палящих лучей солнца.

Фульциний, думая только об успешной транспортировке животных, ни в грош не ставил человеческую жизнь. Однажды, когда он руководил выгрузкой животных в доках Остии, знаменитый скульптор Паситель поставил недалеко от корабля свой стол и начал лепить фигурки львов. Фульциний сказал ему, чтобы он убирался, но Паситель не обратил внимания на его слова. Несколькими минутами позже клетка с леопардом разбилась, и освободившееся животное чуть не растерзало скульптора. Единственной реакцией Фульциния была слепая ярость к скульптуру, путающемуся под ногами. /Этот эпизод действительно имел место, хотя мне неизвестно имя ловца животных/.

Через две тысячи лет другой ловец диких животных приобрел широкую известность, причем он пользовался приемами, сходными с теми, которые использовал Фульциний. Он ловил животных не для зоопарков, а для съемок в голливудских фильмах. Картины, показывающие схватки между различными животными, были очень популярны. Эти картины сейчас можно увидеть на экранах телевизоров и в кинотеатрах повторного фильма. Если вы хотите получить представление, что показывали на арене цирков, посмотрите одну из этих старых лент. Я видел фильм, в котором показывали схватки между африканским львом и индийским водяным буйволом. Действие фильма происходит в «сердце черного континента». Но, конечно, никого не интересовало, происходили ли эти схватки действительно там или они были поставлены в павильоне. Зрителей XX века, как некогда римлян, интересовало одно — увидеть саму схватку. Я видел также картины о «местных копейщиках», сражавшихся со львами-людоедами. Фильмы были сняты по распоряжению местного губернатора в одном из районов Африки для привлечения туристов. Львов на съемки

привезли в клетках, а местным жителям раздали копья и щиты, полученные с европейского склада. Я слышал, что во время съемок погибло три человека. Это был спектакль, подобный хорошему зрелищу на арене.

Какая смерть ждала человека, подобного Фульцинию? Такой человек мог умереть от гемоглинурийной лихорадки или от малярии. Возможно, он погиб в римском форте в 250 милях от Момбасы, остатки которого сохранились до наших дней. Момбаса в те времена была основным портом Восточной Африки. Здесь галеры, отправляющиеся в Италию, загружали рисом, кунжутovým маслом, слоновой костью и дикими животными.

Форт мог быть поставлен здесь как путевая станция для ловцов диких животных. Если это было так, то местные племена постарались уйти подальше от форта, чтобы урожай с их полей не забирали для кормления зверей, а их самих не заставляли перетаскивать клетки с животными. Поэтому форт жил изолированной от местных жителей жизнью. Никто не предупредил гарнизон форта о приближении врагов.

Вероятно, на рассвете отряд воинов масаи неожиданно бросился на стены, издавая устрашающие крики и бросая копья и симисы /длинные кинжалы/. Форт занимал пять акров, и гарнизон его был слишком малочисленным, чтобы занять оборону вдоль всех стен. Фульциний должен был драться до конца, плечом к плечу с воинами из местных жителей. Рядом с ним сражались его огромные молосские гончие, которые помогали ему доставлять пойманных животных в порт, а потом загонять их на борт корабля. Возможно, в обороне участвовали и трапперы, сражаясь своими охотничьими копьями. Римские легионеры пользовались мечом и щитом. В конце концов сопротивление гарнизона было сломлено. Форт был разграблен, а все его защитники убиты. Только несколько монет, некоторые времен Адриана, некоторые времен Антонина Пия и одна монета времен Траяна, остались единственными свидетелями этого трагического события. Воинам масаи монеты были не нужны. Они взяли только нужное им оружие и доспехи с убитых воинов.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

До конца второго столетия нашей эры в играх еще сохранялся дух спортивной борьбы. У гладиатора были шансы вернуться с арены живым. Он даже мог настоять, чтобы ланиста назначил ему цену, и если он мог уплатить назначенную сумму, то становился свободным. Животное могло убить своего противника-человека, поэтому бои с животными были даже более честными, чем современные бои быков. Существовала по крайней мере видимость, что игры были состязаниями — кровавыми, грубыми и жестокими, но все же состязаниями, где у обеих сторон были шансы на победу, если, конечно, в играх не участвовали осужденные преступники.

Но постепенно игры начали превращаться в бессмысленные боины. У зрителей появился иммунитет к жестоким и кровавым сценам, и для возбуждения их угасающего интереса требовались все более изощренные, даже, можно сказать, извращенные приемы. Любимым развлечением стало выставять безоружного человека против вооруженного. Естественно, всегда побеждал вооруженный. И такие «бои» продолжались целый день.

Знаменитый философ Сенека говорил о них: «Все игры в прошлом были милосердны, эти же — чистое убийство. У людей нет защиты, их тела открыты каждому удару, и каждая атака неизбежно бывает успешной. Большинство зрителей предпочитает такие зрелища дуэлям между ловкими и умелы-

ми противниками. Это и понятно. Оружие и искусство только отдаляют гибель, а зрители пришли увидеть не бой, а смерть».

Зрелища такого типа стали вытеснять настоящие гладиаторские бои. Настоящий бой между двумя обученными и примерно равными по силе гладиаторами, вооруженными мечами, так же интересен, как и шахматный турнир. Он может продолжаться час и более. До последнего смертельного выпада происходит сравнительно мало действий. Оба бойца берегут свои силы и прощупывают друг друга уколами и выпадами. Все римляне времен становления и расцвета римского государства были прекрасными фехтовальщиками и могли оценить искусство ведения боя, но чернь желала видеть только что-нибудь кровавое и с быстрой развязкой, подобно тому как современные спортивные болельщики хотят видеть много действия в спортивных единоборствах, тогда как честная борьба — медленное дело, и борцу может потребоваться двадцать минут, чтобы освободиться от захвата.

Кроме того, каждое следующее зрелище должно было быть «больше и лучше, чем когда-либо». Каждый император хотел превзойти своих предшественников (Барнум и Бейли прошли через сходный период. Я вспоминаю времена, когда бои шли одновременно на семи рингах). К концу третьего столетия нашей эры в Риме была дюжина амфитеатров. Большинство из них постоянно действовали. Наиболее известными были Большой цирк на Аппиевой дороге, цирк Фламиниев рядом с Большим цирком, цирк Калигулы и Нерона около того места, где сейчас стоит собор Святого Петра, цирк Кастренсе (для преторианской гвардии) и цирк Саллюстия. И, конечно, амфитеатр Флавиев, или Колизей. Императоры чеканили монеты с изображениемами профилей знаменитых гладиаторов чаще, чем со своими собственными, а на надгробиях политиков высекали число данных ими игр.

Сколько стоили игры? Со временем они стали такими дорогими, что правительству и претендующим на выборные должности приходилось делить расходы. До нас дошли данные только о расходах правительства. Почти невозможно перевести суммы расходов на современные деньги. Сегодня в любом деле основными затратами являются затраты на труд, а в Риме труд был бесплатным, ведь работали рабы. Пытались вычислять расходы римлян, исходя из современной покупательской способности денег, но это оказалось трудным делом. Например, царь Иудеи Ирод устроил серию игр, которые стоили ему 500 золотых талантов. Томас Х. Дайр в своей книге «Помпеи», на-

писанной в 1871 г., оценивает эту сумму как равную примерно 200 000 фунтов. Но Дайр не учитывает современной покупательной способности денег. Даже оценка 500 талантов Ирода в 400 000 фунтов занижена, поскольку реальная покупательная способность денег в те времена была выше. В суммы расходов на игры не входила стоимость рабского труда, дары в виде гладиаторов и диких зверей, которые делали подвластные Риму правители, и дары частных граждан, желающих ладить с администрацией.

Приведем некоторые цифры, позволяющие приблизительно оценить расходы на игры. Стодневные игры Тита при открытии Колизея стоили около 3 000 000 фунтов, а описанные в этой книге шестидневные игры Домициана стоили около 12 000 фунтов в день. В 521 году н.э. Юстиниан затратил около 300 000 фунтов на игры в честь своего вступления на престол. Даже в 51 году н.э. общая стоимость всех игр в течение года равнялась 15 000 фунтам. Мы знаем, что расходы на игры стали разорительными для любого политика. Магистрат по имени Мло воскликнул: «Это стоит мне трех наследств — закрыть рот народу». Но зрелища продолжались. Поначалу только император и знатнейшие патриции имели право давать игры, но ко второму столетию нашей эры любой богатый человек, заботясь о социальном продвижении, мог устраивать игры. Так 50 лет назад богатые люди в Великобритании, добываясь титула, занимались филантропией. Среди тех, кто давал игры, бывали даже сапожники и портные. Игры становились все великолепнее. После триумфа в честь победы над царицей Пальмиры Зенобией в 272 году н.э. император Аврелиан въехал на арену в колеснице, запряженной четырьмя оленями. К колеснице золотыми цепями была прикована Зенобия. За ней шли 20 слонов и 200 других дрессированных животных. В составе процессии была «большая толпа» пленных, впереди каждой группы шел человек с плакатом на шее, на котором было написано название племени, откуда были эти люди. Добычу везли на повозках, запряженных быками. В играх, устроенных после триумфа, участвовало 800 пар гладиаторов и 10 «амазонок» из какого-то племени со Среднего Востока.

В 281 году н.э. император Проб устроил игры. «Большие деревья были выкопаны с корнями и привязаны к брускам на арене, на которые был насыпан песок. Казалось, в цирке вырос лес. На арену послали 1000 страусов, 1000 оленей, 1000 вепрей, 100 львов, 100 львиц, 100 леопардов, 300 медведей и множество других диких зверей. Все они были убиты в ходе большой

охоты» (Вописк). Затем на арену были выпущены антилопы, и зрители могли развлечься, пытаясь их поймать. Императоры стали использовать для велария вместо шерсти шелк, привезенный из Китая. По их распоряжению сети, ограждающие подиум от диких животных, стали плести из золотых шнуров, мраморные колонны покрыли золотыми листьями, а на стены ярусов поместили мозаики из драгоценных камней.

Садизм из случайного явления в играх стал повседневным. Клавдий имел обыкновение приказывать снимать шлемы с раненых гладиаторов для того, чтобы видеть выражения их лица, когда им перерезали горло. Девушек насиловали мужчины, одетые в звериные шкуры. Людей привязывали к разлагающимся трупам и оставляли умирать. Детей подвешивали на верхушки высоких шестов, и гиены стаскивали их вниз. Многих привязывали к столбам, а потом вспарывали им животы. Поэтому врачи посещали игры для изучения анатомии.

Распятие на кресте стало одним из зрелищ, которое особенно привлекало зрителей. Они заключали пари, кто умрет первым. Как и в нынешних спортивных пари, много времени и хлопот требовало определение условий пари. Подкупив служителя, можно было устроить так, чтобы определенная жертва умерла или сразу, или через час, или продержалась целый день. Если при забивании гвоздей повреждались артерии, человек умирал в течение нескольких минут. Если гвозди пробивали только кость, то человек мог жить несколько часов. Однако жертва могла сбить все эти расчеты. Распятый на кресте мог намеренно повиснуть на гвоздях, чтобы истечь кровью или просто разбить себе о крест голову. Все предугадать было невозможно.

О демонстрации ловкости и мужества тоже не приходится говорить, так как игры стали просто фарсом. И, конечно, не обходилось без скандалов. В 60 году н.э. молодой возничий вылетел из колесницы, когда его упряжка рванулась из стойла. Но ему все равно вручили первый приз, потому что возничим был император Нерон. Однажды император Калигула решил продать своих гладиаторов. Один из покупателей заснул. Калигула настоял, чтобы, когда заснувший кивал головой, это считалось подтверждением купли. Когда бедняга проснулся, то обнаружил, что он купил 13 гладиаторов за 9 миллионов сестерциев. Но обычно римляне не одобряли таких поступков. В 265 году н.э. Галлиен подарил венок венатору, который десять раз подряд не попал в быка. Когда толпа на трибунах стала возмущаться, император через герольда заявил: «Не так-то

легко промазать десять раз подряд по такому большому животному, как бык». Августу пришлось даже принять закон, запрещающий сенаторам и патрициям становиться гладиаторами, так страстно некоторые из них хотели показать себя на арене. К третьему столетию нашей эры такие законы уже были не нужны. Желających попасть на арену уже не было.

Пятнадцать столетий историки, а потом и психологи пытались понять, почему игры, не только развратившие, но и разорившие величайшую империю, стали манией римской толпы. Оргии смерти и страданий теперь запрещены, но мы знаем, что подобные зрелища привлекают большинство из нас. Когда происходит автомобильная катастрофа, собираются толпы. Люди ходят смотреть бой быков. Зеваки блокируют движение, собравшись в толпу, чтобы увидеть, как взобравшийся на высокое сооружение человек совершает самоубийство. Даже ранние христиане, которые сами часто страдали на арене, испытывали какое-то опьянение от вида чужих мучений. Святой Августин рассказывал о юноше Алимпии, собиравшемся стать монахом. Друзья притащили его в цирк против воли. Алимпий сидел с закрытыми глазами, заткнув пальцами уши, пока особенно громкие крики толпы не заставили его взглянуть на арену. Через две минуты он вскочил на ноги и закричал: «Пусть он отведает твоего меча! Вспори ему брюхо!». Он стал завсегдатаем игр и оставил все мысли о церкви. Святой Илларий так пристрастился к играм, что просто не мог не ходить на них. Ему в конце концов пришлось бежать в африканскую пустыню, где цирков не было. Но даже там в своих снах он видел, как возничие погоняли его, словно лошадь, а гладиаторы бились за спинкой его кровати.

Существует четкая связь между сексом и жестокостью, особенно у слабых и неудачливых людей. Овидий заметил с юмором: «Девушки, если вам удастся поиграть с мужчиной во время игр, он станет вашим». По мере того, как чернь утрачивала желание работать, служить в легионах, выполнять гражданские обязанности, на арене появлялось все больше зверства и похоти. В конце концов игры стали просто предлогом для демонстрации садистских оргий.

Наиболее дальновидные римляне прекрасно отдавали себе отчет, какая опасность таится в этой ужасной тенденции, но были бессильны что-либо сделать. Август пытался ограничить число игр до двух в году, но сделать это оказалось невозможным. Марк Аврелий, назвавший игры «дорогой скукой», издал закон, предписывающий гладиаторам пользоваться тупым

оружием. Но оппозиция римского общества была так велика, что ему пришлось не только отменить этот закон, но и увеличить число игр с 87 до 230 в год. При нем расходы на одних только гладиаторов достигали 1 000 000 фунтов в год. Веспасиан, известный своей скупостью, поклялся, что положит конец играм, но именно он построил Колизей.

Любопытно, что римские философы почти все единодушно одобряли игры. Цицерон сказал: «Людям полезно видеть, что рабы могут мужественно сражаться. Если даже простой раб может проявлять мужество, то какими же должны быть римляне? Кроме того, игры приучают воинственный народ к виду убийства и готовят его к войне». Тацит не мог понять, почему Тиберий не любил гладиаторских боев, и считал привычку императора отворачиваться от сцен убийства проявлением слабости характера. Плиний отзывался об играх одобрительно, и так же отзывались о них многие римские мыслители.

Единственным римским философом, открыто выступившим против игр, был Сенека, живший во времена Нерона. Он приводит свой разговор с любителем игр.

«Но, — сказал мне мой сосед, — этот человек, которого ты пожалел, был разбойником с большой дороги».

«Его следовало бы повесить, но зачем прибивать его гвоздями к кресту и напускать на него диких зверей?»

«Но он убил человека».

«Приговори его к смерти. Он ее заслужил. Но что сделал ты? За что тебя приговорили к тому, чтобы ты смотрел на зрелище его казни?»

Сенеку не любили, ему в конце концов пришлось покончить с собой по приказу Нерона.

Сначала на арене убивали только за тягчайшие преступления, но когда стало очевидно, что чернь в цирк привлекают в основном эти убийства, на арене стали устраивать целые боины. Находить для них достаточное количество жертв становилось все труднее. Возможно, преследования христиан были в определенной степени вызваны тем, чтобы иметь больше людей для убийства на арене.

Первые гонения на христиан начались при Нероне. Римские историки пишут, что Нерон мечтал о превращении Рима из скопища деревянных трущоб, прорезанных кривыми улицами, в город из мрамора. Он также хотел снести большое количество зданий в центре города, чтобы построить на этом месте достойный себя дворец — «Золотой Дом». Позднее на месте «Золотого Дома» построили Колизей как компенсацию народу

за пожар Рима. Рим подожгли агенты Нерона. Чтобы отвлечь от себя гнев народа, император нашел козла отпущения. Он выбрал на эту роль презираемую и подозрительную секту христиан.

Тацит писал: «Нерон схватил всех, кто открыто исповедовал христианство, а они сообщили о других, тайных христианах. Эти люди были арестованы не столько за поджог города, сколько за ненависть к человечеству. Было сделано все, чтобы их смерть была унижительной. На одних надели звериные шкуры, и собаки растерзали их на части. Других распяли на крестах или, облив смолой, превратили в живые факелы для освещения арены при наступлении темноты. Хотя христиане, как полагали многие, заслуживали наказания, но все понимали, что казнили их не для блага народа, а чтобы удовлетворить любовь императора к жестокости».

Светоний сообщает некоторые детали. Нерон любил, надев на себя шкуру льва или леопарда, насиловать мужчин и женщин, привязанных к столбам на арене. Потом один из его вольноотпущенников по имени Дорифор выходил на арену, одетый как венатор, и делал вид, что убивает императора. Возможно, что именно такие зрелища заставили святого Иоанна говорить об арене как о «матери блуда... церкви священной кровожадности». Нерон потратил много денег, чтобы отыскать место, где жил легендарный египетский великан-людоед, про которого говорили, что он убивал и пожирал людей. Нерон хотел показать его на арене, но людоеда найти не удалось.

Одно из самых страшных гонений на христиан было при Марке Аврелии в 166 году н.э. Марк Аврелий был один из самых просвещенных римских императоров, но он не любил христиан. Будучи пацифистами, христиане отказывались служить в легионах, и это в тот критический период, когда варварские орды прорывались со всех сторон на территорию империи. Христиане осуждали богатство, поэтому римляне считали их опасными радикалами. Они отказывались приносить жертвы гению императора. Это было равносильно тому, как если бы в наше время отказаться салютовать флагу или приносить присягу верности правительству. В Риме был обнаружен нацарапанный на стене рисунок, изображающий распятого на кресте осла. Под ним была надпись: «Все христиане — ослы». Марк Аврелий решил искоренить эту вредную религию и занялся этим серьезно. Отцы ранней христианской церкви свидетельствуют, что на арене к телу христиан привязывали раскаленные докрасна металлические пластины, рвали их тела раска-

ленными щипцами, привязывали несчастных к железным сидениям, под которыми разводили огонь, поджаривали их на вертелах. Езебий описал мученичество Бландины. Ее сначала заставляли смотреть, как гибнут на арене ее друзья. Это не сломило ее твердости. Тогда Бландину прогнали сквозь строй людей, вооруженных хлыстами и железными прутьями, а потом подвесили к столбу как приманку для голодных гиен и волков. Полумертвую ее сняли со столба и заставили смотреть, как кнутами избивали ее маленького брата. Затем ее жгли на огне и наконец бросили на растерзание диким зверям. При этом ей все время говорили, что если она раскается, то ребенка пощадят. Бландина держалась твердо. Тогда ее подвесили в сеть над ареной и стали раскачивать так, чтобы она попадала на рога быков.

У нас есть свидетельства двух очевидцев, братьев Феликса и Вера Маркариев, описавших события, которые происходили на арене 11 октября 290 года н.э. при императоре Максимиане.

«Цирк был переполнен. Присутствовал и Максимиан. На арену выпустили диких зверей, и они тут же сожрали несколько преступников. Мы, христиане, сидящие на трибуне, старались ничем не выдать себя и ожидали с великим страхом появления мучеников. Это были Тарак, Проб и Андроник. Их вынесли на арену другие осужденные, так как после нечеловеческих пыток они не могли ходить. Они выглядели так ужасно, что мы плакали, скрывая свои лица, чтобы наших слез не заметила толпа. Их бросили на песок, как мешки с мусором. Многие люди роптали, и Максимиан крикнул солдатам: »Возьмите на заметку тех, кто ропщет. Раз они так любят христиан, им место на арене вместе с ними».

«Выпустили диких зверей. Особенно страшны были медведь и лвица. Они рычали друг на друга, но не собирались бросаться на мучеников. Начальник игр рассвирепел и приказал копейщикам убить их. Медведь был пронзен насквозь, но лвица убежала через дверь, оставленную открытой одним из bestiариев, который сам в страхе убежал с арены. Максимиан распорядился, чтобы Начальник игр послал гладиаторов сначала перебить христиан, а потом вступить в смертельный бой между собой. Когда все было кончено, Максимиан, перед тем как уйти с подиума, приказал десяти солдатам так изуродовать тела мучеников и гладиаторов, чтобы христиане не могли опознать своих».

Обычно христиане подкупали рабов, работавших на арене, чтобы те отдали им тела мучеников для достойного погребения.

Сколько всего христиан было замучено, мы не знаем. Тацит писал, что Нерон «убил множество христиан». Однако о более поздних гонениях есть некоторая статистика. При Максимине было замучено 1900 человек только на Сицилии. При Диоклетиане погибало 17 000 человек ежемесячно. Эзебий пишет, что 10 000 человек, не считая женщин и детей, было уничтожено в Египте во время одного из гонений. У палачей тупились мечи, и они были вынуждены работать по очереди. Конечно, по сравнению с Гитлером, уничтожившим 2 000 000 человек в концлагерях в течение нескольких лет, это немного, но, видно, римляне просто не смогли убить больше.

Христиане отрекались очень редко, хотя алтарь с зажженным огнем обычно стоял на арене, и все, что надо было сделать христианину для своего спасения, — это бросить в огонь немного благовоний. Тогда ему давали свидетельство о принесении жертвы и отпускали на свободу. Ему объясняли, что он не поклоняется императору как богу, а просто свидетельствует, что признает божественность его власти как главы римского государства. Но почти никто из христиан не использовал этот шанс, чтобы спасти свою жизнь. Естественно, были и исключения, но они были очень редки. Поликарп пишет об одном таком случае, который произошел в провинциальном цирке. Один человек из христиан держался очень стойко, пока не оказался на арене. Но здесь силы изменили ему, и он начал умолять разрешить ему принести жертву. Эдитор отказал ему и приказал выпустить на арену животных. Но единственным животным, оказавшемся в наличии, был лев, которого долго морили голодом, чтобы придать ему свирепости. Бестиарии однако перестарались, и, когда льва выпустили на арену, у бедного животного хватило сил только на то, чтобы лечь и умереть. Мученика пришлось сжечь у столба.

К концу четвертого столетия игры попали в руки антрепренеров, и из них совершенно исчез дух соревнования. Возникшие организовали могущественный союз и решили, что каждый из них должен одерживать только определенное количество побед. Возничий мог выступить за Голубых в одном заезде и за Зеленых — в следующем. Он не знал, какие у него будут лошади до тех пор, пока не влезал на колесницу. Как это было непохоже на Диокла с его великолепно натренированной упряжкой. С гладиаторами, как с прекрасно обученными профессионалами, было тоже покончено. Достать для игр нужное количество диких животных стало почти невозможно. Они

почти исчезли в Европе, Северной Африке и Малой Азии. Для арены не хватало даже христиан, евреев и преступников.

Из писем сенатора по имени Квинт Аврелий Симмах мы узнаем, какие проблемы стояли перед тем, кто хотел дать игры. Симмах хотел устроить недельные игры в честь своего сына, только что произведенного в офицеры в чванливой преторианской гвардии и добивавшегося должности претора в 401 году н.э. Симмах начал готовиться к играм за два года.

Симмах был не только сенатором, он был еще и очень богатым человеком. У него было три дворца, и он занимал почти все высшие государственные должности. Симмах, как многие римляне, с презрением относился к христианам и христианству. Он хотел устроить такие игры, которые бы своим великолепием напомнили римлянам о днях расцвета империи. Те примеры мужества и искусства, которые увидели бы на арене римляне, должны были вызвать у них отвращение к этой религии. Начальник игр пытался отговорить сенатора от этой затеи и советовал ему дать зрелище по принятым тогда образцам, но Симмах настаивал на выполнении своего замысла.

У бедного Симмаха не получилось ничего. Достать хорошо натренированных лошадей для колесниц Симмах смог только в Испании. Используемые в Риме клячи могли только объехать арену с весьма умеренной скоростью и в лучшем случае устроить аварию для развлечения толпы. 11 из 15 лошадей, которых достал Симмах, погибли во время перевозки из-за плохого обращения. Четыре оставшиеся лошади были настолько лучше лошадей, обычно использовавшихся в состязаниях на колесницах, что состязания были для них простой прогулкой. Поэтому упряжку пришлось расформировать. В результате уволился их возничий. Удалось найти четырех возничих и привезти еще лошадей. Но тут обнаружилось, что лучший возничий — христианин. Так как целью зрелищ было доказать, что слабые христиане не могут соревноваться с мужественными приверженцами старой римской религии, его пришлось уволить. Но он был членом союза возничих, и союз объявил забастовку. В ярости Симмах угрожал устроить состязания, используя собак вместо лошадей, поскольку, как он выразился, лошади в упряжке были ничем иным, как собаками. Это заявление Симмаха вызвало бунт, который пришлось подавлять преторианской гвардии.

Симмах очень старался достать для игр диких животных. Он послал письма в отдаленные провинции ловцам животных, чиновникам и своим друзьям. Он просил помочь ему в этом

великом предприятии постановки настоящих игр для восстановления духа нации. В хлопотах у него прошли месяцы. Поскольку профессиональные ловцы животных стали редкостью, ему пришлось нанять для отлова животных непрофессионалов. Это означало, что Симмаху пришлось доставать специальные лицензии для отлова животных, так как слонов и львов можно было ловить только по специальному разрешению императора. Пришлось получать и специальное разрешение для проведения игр в Колизее. Чиновники взяли с него пошлину за ввоз животных, хотя, как Симмах объяснил в своих письмах, пошлина бралась только с профессиональных торговцев, которые продавали прибывших животных в розницу.

Несмотря на все усилия, Симмаху так и не удалось достать львов, тигров, слонов и даже антилоп. Прибыло лишь несколько слабых и умирающих с голоду медвежат и несколько крокодилов. Крокодилы не ели 50 дней, и большинство из них пришлось убить до начала игр. Единственными животными, которые прибыли в хорошем состоянии, были ирландские волкодавы.

Еще больше хлопот было у Симмаха, когда он доставал гладиаторов. Ему удалось выменять 29 саксонских пленных. Считалось, что они прекрасные бойцы, но ведь пленные не кончали гладиаторскую школу, поэтому они просто удавили друг друга, а последний оставшийся в живых разбил себе голову о стену.

Я не знаю, какие игры получились у Симмаха. У нас есть только его переписка по поводу организации игр. Мы знаем, что семидневные игры стоили 14 800 фунтов, но я готов спорить, что его сына не избрали претором.

В начале пятого столетия нашей эры Рим боролся с варварскими ордами, отстаивая свое существование. При огромных расходах на постоянные войны стало все труднее находить деньги для игр. Но они продолжались, а их организаторы все больше и больше ориентировались на вкусы черни. Императоры покинули свою ложу и демократично сидели среди зрителей. Патриции стали есть пищу, бросаемую черни, вместо того, чтобы уходить обедать домой или есть кушанья, которые им приносили рабы.

Состязания на колесницах стали фикцией. Чтобы помочь выиграть упряжке, за которую они болели, зрители бросали под копыта ее конкурентам винные кувшины, а зрительницы посылали своих детей перебегать им дорогу. Если ребенок при этом попадал под копыта, негодующие зрители подавали в суд

на соответствующую команду, обвиняя ее возникшего в неосторожной езде. Толпа по-прежнему делилась на сторонников Голубых, Зеленых и так далее, хотя мало кто из них понимал что-нибудь в лошадях и возничих. Нечто подобное происходит сейчас в большой бейсбольной лиге. Когда-то каждый человек в команде был местным парнем. Зрители знали каждого игрока и поддерживали своих друзей. Сегодня команды комплектуются из спортсменов со всей страны. Их продают и покупают как товар, совершенно не считаясь с чувствами зрителей. Слова Плиния «Народ знает только цвет» справедливы и сегодня. Людей объединяла не принадлежность к политической партии или хотя бы просто к группе людей, связанных какими-то общими интересами, а слепая и фанатичная преданность Белым или Золотым. Люди, родившиеся в семье приверженцев Красных, поддерживали всегда только Красных, а на победу Зеленых смотрели как на национальное бедствие.

Когда экономическое и военное положение империи стало слишком сложным для понимания толпы, она обратилась к единственному, что могла понять, — к арене. Имя великого полководца или государственного деятеля значило для римской черни не больше, чем имя великого ученого для нас сегодня. Рядовой римлянин мог пересказать все подробности последних игр, точно так же, как сегодня обыватель может вам поведать о всех перепетиях жизни кинозвезды, но при этом он совершенно не представляет, что делает НАТО или какие шаги предпринимаются, чтобы обуздать инфляцию.

Каждому, кто хотел добиться положения в обществе, надо было обязательно как-то связать себя с играми. Император Вителлий был грумом у Голубых. Император Коммод пошел в школу гладиаторов и сам дрался на арене, чтобы завоевать популярность у римлян. Император Макрин вообще был профессиональным гладиатором. Даже поиски жертв для арены стали обременительными для империи. «Мы жертвуем живыми, чтобы накормить мертвых», — говорил Каракала, имея в виду, что игры давались, чтобы умиротворить души умерших. Но игры продолжались. Чем еще можно было держать чернь в узде? Да и вся экономика империи была связана с играми. Прекращение игр вызвало бы в Римской империи такой же серьезный кризис, как если бы наше правительство перестало ремонтировать плотины, прекратило помощь крестьянам или отменило военные расходы.

Но это не могло продолжаться бесконечно. Варвары начали опустошать империю. Тысячи галлов, германцев и парфян жи-

ли в Риме, куда их привезли, чтобы поддержать слабеющую империю. Варваров не интересовали игры. Ведь чтобы получить от игр удовольствие, требовался довольно специфический вкус. Парфянский принц с отвращением покинул цирк, сказав: «Неинтересно смотреть на убийство незащищенных людей». Толпа орала: «Идиот! Проваливай в свою Парфию!», но сила была уже на стороне «дикарей». Императоры все больше зависели от поддержки варварских вспомогательных войск, а не от настроений римской черни.

Христианская церковь становилась все более могущественной и делала все возможное, чтобы прекратить игры. В 325 году н.э. Константин попытался положить конец играм, но ему это не удалось. В 365 году Валентиниан запретил бросать людей на растерзание диким зверям. Ему удалось обеспечить выполнение своего эдикта, но, как зрелище, игры сильно проиграли. В 399 году н.э. гладиаторские школы закрылись из-за нехватки учеников.

В 404 году н.э. монах по имени Телемах прыгнул на арену и призвал людей остановить гладиаторские бои. Разгневанная толпа забила Телемаха камнями, но его смерть положила играм конец. Император Гонорий был так разгневан гибелью Телемаха, что закрыл арены. И они никогда не открылись вновь. Последние состязания на колесницах были устроены готом Толилой в 549 году н.э., то есть уже после падения Рима. Ему было просто интересно посмотреть, что представляли из себя эти состязания.

Но игры так глубоко вошли в народное сознание, что люди продолжали рассматривать себя как Красных, Белых, Зеленых и Голубых, хотя большинство уже не знало, что значат эти цвета. В 532 году началась настоящая борьба между Голубыми и Зелеными, которая грозила разрушить то, что еще оставалось от империи. Императору Юстиниану пришлось вызвать войска для установления мира, и в боях погибло около 30 тысяч человек.

Единственное, что осталось от грандиозных зрелищ, — это грубые рисунки на стенах гладиаторских казарм, разрушенные надгробия, упоминания в литературе того времени и руины амфитеатров. Игры следовали за легионерами, как жевательная резинка следовала за американскими солдатами. Там, где стояли легионеры, наверняка был цирк. Как только римские наместники прибывали в свои провинции, они тотчас же строили амфитеатры, так как были убеждены, что игры — это единственное средство завоевать расположение населения. Во

многих их письмах выражается удивление, что греки, галлы и британцы более интересовались едой, чем играми.

Но привить местному населению интерес к представлениям в амфитеатрах оказалось сложной задачей. Греки возражали против них до последнего (Плутарх описывает игры как «кровавые и скотские»). В других странах у игр появились свои поклонники, но они никогда так и не стали столь же популярными, как в Риме. Египет долго сопротивлялся введению игр, но наконец сдался: в каждом народе есть определенное количество людей, которые получают удовольствие от такого рода зрелищ. Со временем амфитеатры были построены по всей территории Римской империи. Некоторые из них не уступали по величелипию амфитеатрам самого Рима: в Капуе, Помпеях, Паццуоли и Вероне в Италии, в Арле и Ниме во Франции, в Севилье в Испании, в Антиохии в Палестине, в Александрии в Египте, в Сильчестере в Британии, в Эль Дине в Тунисе.

Многие из этих амфитеатров сохранились до наших дней. Вы можете посидеть на трибунах с холодным цыпленком и бутылкой вина и погадать, из какого входа выпускали диких зверей, где находился внутренний барьер и как львы попадали на арену. Это очень интересное времяпрепровождение.

Самый большой из сохранившихся амфитеатров, конечно, Колизей. Хотя это удивительное сооружение использовали в течение тысячелетия как каменоломню и из его камня была построена значительная часть средневекового Рима, многое в Колизее еще сохранилось. Байрон писал: «Руины! Но какие руины! Из их камней было построено полгорода. Но еще много осталось. Вы еще можете увидеть, откуда на арену выходили жертвы».

Хорошо побродить по этим руинам с книгой Д. Х. Мидлтона «Руины древнего Рима» и попытаться найти все упоминаемые в этой книге места. Вы можете увидеть огромные блоки из травертина длиной в 7 футов, из которых было построено это огромное сооружение. Блоки сцеплялись железными скобами, так как обыкновенный раствор здесь не годился: слишком большое напряжение они должны были выдерживать. В средние века была отчаянная нужда в железе, и из камней вырвали тысячи скоб. Это была убийственно трудоемкая работа. В 1756 году французский археолог подсчитал, что тогда в Колизее оставалось мрамора на 17 000 000 франков. Большая часть его к сегодняшнему дню пропала. Однако вы можете увидеть мраморные кресла, в которых сидели патриции на подиуме: во

многих итальянских церквях их использовали в качестве трона для епископа.

Наиболее крупный из сохранившихся амфитеатров, если не считать Колизей, находится в Италии в городе Верона. Его длина 502 фута, ширина 401 фут и высота 98 футов. Он вмещал 30 000 зрителей. Сейчас здесь осуществляют грандиозные постановки классических опер. Следующий по величине цирк находится в Ниме во Франции.

Его размеры 435 футов на 345 футов. Он вмещал 20 000 зрителей. В нем было два этажа и 124 входа. Амфитеатр в Помпеях сравнительно мал, но он представляет особый интерес, так как хорошо сохранился, и рядом с амфитеатром находятся хорошо сохранившиеся казармы гладиаторов.

В средние века на амфитеатры смотрели с суеверным трепетом. Люди, жившие в итальянском городе Пола, думали, что амфитеатр построили сверхестественные существа, так как, по их мнению, смертные не смогли бы выполнить такую работу. Они утверждали, что цирк был волшебным дворцом, выстроенным за одну ночь. А то, что здание не имело крыши, они объясняли тем, что петух, разбуженный стуком молотков, прокукарекал раньше времени, и духи подумали, что уже рассветает, и бросили работу незаконченной.

Многие амфитеатры в средние века были превращены в крепости. А некоторые использовались для сельскохозяйственных целей: на их аренах выращивали зерно. И крестьяне удивлялись, какой богатый урожай вырастал на этих полях. Они ведь не знали, как хорошо была удобрена почва кровью.

Zudi, как римляне называли игры, не были, конечно, играми в современном смысле. Они не были ни спектаклями, ни зрелищами, как мы их понимаем сегодня. Они были частью римского образа жизни. Больше всего они похожи на современные бои быков, которые являются для зрителей скорее эмоциональным зрелищем, чем спортом или искусством. Игры просуществовали в общей сложности более 500 лет. Поколения римлян рождались, росли и умирали под их влиянием. В конце концов игры стали доминировать в жизни рядового римлянина. Основным интересом, почти смыслом жизни, стало посещение игр.

Развитие, характер и вырождение игр соответствовали росту, характеру и деградации самой Римской империи. Во времена республиканской простоты игры были атлетическими состязаниями. Когда Рим превратился в мировую империю, игры стали кровавыми и жестокими, хотя еще сохранялся дух справедливой спортивной борьбы. Это была эпоха, когда Август был вынужден

принять законы, запрещающие патрициям прыгать на арену и вступать в бой с профессиональными гладиаторами. Тогда молодой аристократ мог вызвать военнопленного германца на поединок. Когда завоевания Рима завершились и он превратился в деспотическое государство, игры стали бесцельно жестокими. К концу своего существования они превратились просто в садистские зрелища. Вскоре после этого империя пала.

Любой современный режиссер, которому захочется создать серию зрелищ, воспроизводящих римские игры, легко справится с задачей. Мики Спиллане мог бы быть Начальником игр. Разве сейчас не популярны бои быков, петухов, собак, а также автогонки, которые по сути то же, что и состязания на колесницах. Я с трудом верю тому, что болельщики бокса больше заинтересованы в искусстве боксирования, а не в том, чтобы увидеть, как два человека наполовину убивают друг друга. Если бы они знали, что один из боксеров будет убит, их удовольствие бы только возросло. Наибольшей популярностью на телевидении пользуются вестерны, где люди все время стреляют и убивают друг друга. Следующие по популярности — гангстерские фильмы. Конечно, в действительности актеры не убивают друг друга, но если бы они убивали, зрителей невозможно было бы оторвать от этого зрелища.

Римские игры, вероятно, сильнейший аргумент против зрелищного спорта. Поскольку римляне были воинственной нацией, то, вероятно, есть доля истины в убеждениях Катона и Плиния, что игры развивают воинские добродетели. Но есть большая разница между мужественными воинами, одобрительно наблюдающими за схваткой между равными противниками, и развращенной толпой, с восторгом смотрящей на сцены бессмысленной жестокости.

Та же тенденция видна сегодня в мужественных видах спорта. Зритель, выкрикивающий: «Убей эту задницу! Выбей ему зубы! Убей его!» обычно сам является робким маленьким человеком, сидящем в заднем ряду, которого только что изругал шеф и который вышел из дома, воспользовавшись отсутствием жены. Он хочет видеть, что кому-то, неважно кому, плохо. Хуже, чем ему.

Список Использованной Литературы

1. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms, L. Friedlander.
2. The Spectacles, Martial.
3. The Remains of Ancient Rome, Y.H. Middleton.
4. Trebaid, Statius.
5. Historia Ecclesiastica, Eusebius.
6. Martyr's Mirror, Thielem von Bracht.
7. Acts of the Martyrs, P.J. Twisck.
8. Pompeii, Thomas H. Dyer.
9. Philip and Alexander of Macedon, David G. Hogarth.
10. Les gladiaterurs dans l'orient Grec, Louis Robert.
11. Roping, Bernard Mason.
12. Fighting Sports, Capt. Z.Fitz-Barnard.
13. The memoirs of Diocles.
And the writings of Tacitus, Snetonius, Apuleius.

Fiction

1. Clodius and Clodius the God, Robert Graver.
2. Quo Vadis, Henryk Sienkiewicz.
3. Confessors of the Name, Gladys Schmitt.
4. Ben Hur, Lew Wallace.
5. The gladiators, Arthur Koestler.
6. Androcles and the Lion, Bernard Show.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	40
Глава четвертая	45
Глава пятая	53
Глава шестая	62
Глава седьмая	76
Глава восьмая	87
Глава девятая	99
Глава десятая	112
Глава одиннадцатая	117
Глава двенадцатая	129
Глава тринадцатая	136
Глава четырнадцатая	143

